ISSN 0130-8009

ПИОНЕР

7'89




кооператив

ВАМ НРАВИТСЯ СЛОВО «КООПЕРАТИВ»?

— Надоело уже,— скажет один.— Сейчас кооперативов пооткрывали больше, чем киосков с мороженым.

— Деньгу́ заколачивают, бесстыжие,— ответит другой.

— Длинное слово, а от того — неприятно,— начнет размышлять третий.

— А мне слово «кооператив» нравится! — воскликнут мальчишки, которых вы видите на фотографиях.

Потому что работают в кооперативе вместе с друзьями — раз. Мир и предметы вокруг оживают — два: раньше бы прошли мимо ящика с инструментами да пнули ногой от нечего делать. Чувствуешь себя деловым, нужным человеком — три. Не нужно клянчить деньги у родителей на кино, кроссовки, футбольный мяч; есть свои, заработанные — это четыре.

И еще — чуточку мечтаешь о вечной славе лесковского Левши. Вот был Мастер! Между прочим, он блоху артельно подковал, с друзьями! Как бы сейчас сказали — кооперативно.



ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

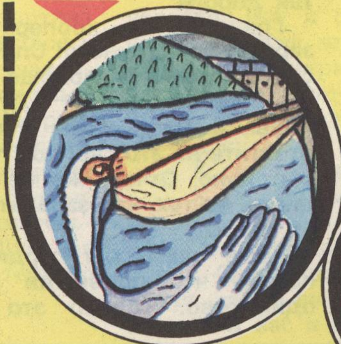
Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В ИЮЛЕ

Вовка почувствовал слабость в руках. С. 27.

Ну и жарища! Тенька не сыщешь!.. С. 34.







С. 57.

ПЕРЕСТРОЙКА: КТО ТАКОЙ? ЧТО ТАКОЕ?

Хорошо ли быть богатым



Кооперация, кооператор, кооператив... Очень популярные сегодня слова. Нельзя, правда, сказать, что мы не слышали их раньше. Существовала некая межзаводская кооперация. Были у нас и кооперативные дома, дачи...

Но как-то все это нас не очень волновало.

А теперь... А теперь мы вдруг услышали, что появились «кооперативные» пирожки, джинсы, куртки, шашлыки... И стоят они много дороже обыкновенных — некооперативных. А виноваты в столь высоких ценах какие-то непонятные люди — кооператоры.

Так что же все-таки такое кооперация, кооператив, кооператор сегодня?

Скажу так: то же, что и вчера.

Всякий раз, когда люди, желая сделать какое-либо дело, собираются вместе,— это кооперация. У нее одна задача: облегчить усилия человека, стремящегося к своей цели. Но почему при этом кооперативные изделия становятся дороже?

Экономическая жизнь существует по своим законам. Законы эти так же мало зависят от желания людей, как и законы физики. Никто из нас не может заставить яблоко падать с яблони вверх, а не вниз. Никто не может нарушить закон рынка. Больше товаров на рынке — они дешевле. Меньше — дороже. Кооператоры все делают сами, сами и цену назначают. Цена эта должна покрыть их расходы и принести им еще дополнительную выгоду. Ведь и государственные предприятия стремятся к тому же! Но кооператоров пока очень мало. Их доля во всей нашей экономике составляет всего ОДИН процент. Мало и кооперативных товаров, оттого-то они так дороги.

Говорят, что кооператоры зарабатывают много! Спросим себя: хорошо ли вообще много зарабатывать? Думаю, и вы, и ваши мамы и папы ответите на этот вопрос положительно. Отчего же мы сердимся на тех, кто зарабатывает много?

Чаще всего мы сердимся, потому что привыкли жить одинаково. Только это все равно невозможно, потому что все люди разные.

Вот, например, человек имеет талант изобретателя: как ему быть? Ведь любое изобретение в технике только тогда может принести автору удовлетворение, когда внедрено в жизнь. Изобретатель не может успокоиться, пока своего не добьется, и организатор производства не может, и многие другие люди, инициатива которых была ограничена в прежние времена. Конечно, таким людям жить тяжело. Но и все мы многое теряем, не давая им возможности трудиться в полную силу. Что обижаться на отсутствие у нас видеомагнитофонов или, к примеру, кроссовок, если мы сами не хотим их делать?!

Для того нам и нужна кооперация талантливых и энергичных людей, чтобы все у нас было не хуже, чем у других. Это справедливо, потому что страна наша очень богата, а люди — очень способны.

Недавно мне пришлось познакомиться с одним кооператором. Прежде он жил и не мечтал иметь собственное дело. Просто у него было увлечение, хобби. Вместе с друзьями Сергей Пирожник занимался резьбой по дереву. Потом кружок закрылся, но бросать любимое занятие не хотелось. «Давайте организуем кооператив,— сказал друзьям Сергей,— и будем делать красивую и прочную мебель!» Так возник кооператив «Ретро». Я видел мебель, которую в нем изготовляют. Это очень красивые вещи.

Спросим себя: зачем Сергей и его товарищи делают мебель, разве только для денег? Конечно, нет! Но и без денег они жить не могут, как и все люди на свете. Чем больше мебели сделают они, тем больше заработают. А мебель будет становиться дешевле.

Не может быть общество, государство богатым, если каждый его член и гражданин сам по себе беден. А вот если граждане богаты, то богата и страна. Кооператоры будоражат нас, заставляют задуматься и проявить инициативу. В этом, наверное, главное.

Алексей СЕРГЕЕВ,
обозреватель газеты «Семья» — специально для «Пионера».

Юлий ДАНИЭЛЬ

БЕГСТВО



ПОВЕСТЬ *

Продолжение.

Начало в № 6.

Граф Иван Иванович Шувалов встречает в книжной лавке Санкт-Петербурга тверского крестьянина Ивана Свешникова, который покупает книги древнеримских авторов. Шувалов приглашает Свешникова к себе в дом. Иван оказывается очень образованным человеком, знающим несколько языков. Образование ему помогли получить священник отец Николай, у которого Иван в детстве был в услужении, и Григорий Хвылянский — учитель сына местного барина. Граф Шувалов видит в Свешникове нового Ломоносова и предлагает Ивану стать личным секретарем. Свешникова вводят в высший свет. Однако его роль — роль очередной модной диковинки для развлечения скучающих вельмож. Шувалов предлагает Ивану написать, по примеру Ломоносова, поэтическое переложение библейских текстов. Свешников создает такое стихотворение. Оно отличается вольнодумством, направленным против церкви. Экземпляр стихотворения Иван дарит своей подруге — швее Лизетте, которая тоже живет при доме Шувалова. Граф распространяет стихи Ивана по Петербургу, скрывая авторство Свешникова. Шувалов понимает, что быть автором таких стихов крайне опасно.

2

«Как-то все очень скоро и внезапно у меня,— думал Свешников, прохаживаясь по гладкому паркету большой светлой комнаты, сплошь увешанной картинами,— как-то вдруг и сразу...» Несколько месяцев: Петербург, Шувалов, библиотека, Дашкова, начатая книга, письма Вольтера, стихи... и Лизетта, да, Лизетта... Она не хочет выходить замуж за него. Конечно, доля невеселая — быть мужицкой женой, но когда он с горечью сказал ей это, она рассердилась и отчетливым своим голоском объявила, что ей все едино, какого он сословия. «Ну, так что ж, Лизонька?» «Не могу». И сказала-то очень тоскливо, будто в себе не вольна. А может, и впрямь не в своей воле? Ох, непонятно...

Свешников остановился у картины, изображавшей карету, накренившуюся над пропастью. Ее удерживал от падения гайдук в ливрее. Картина была сработана добросовестно, каждая малость выписана старательно — на заказ. Это шуваловская карета, и гайдук шуваловский — тот самый костистый старик, что с Бернаром, камердинером, в пикет играет. А вот и самого хозяина лицо, на разный манер повторенное многими полотнами: гордый поворот головы на портрете Де Велльи, богатый кафтан с меховой опушкой; внимательный и немного напряженный, глядит Шувалов с лосенковского портрета — белое лицо от темного фона сейчас вот отделится; Шибанов, Рокотов, Эриксен — все они, кто за страх, а кто и за совесть, изобразили Шувалова, для потомства увековечили. Ха, мысль еретическая: ну, как не его, а себя прославили, и лет эдак через двести — триста скажут люди: а это, мол, портрет, знаменитым Лосенкой сделанный. А изображен на нем (и в памятную книжицу заглянут), изображен Шувалов, был-де такой знатный дворянин, богат был, ну, да не в нем дело... А вот Рокотов. Гляньте, скажут, сколь велико субтильное очарование картин его...

Свешников отвернулся от картин и подошел к зеркалу, сам себе посмотрел в глаза: хорошо знакомое, худощавое, узкоглазое лицо — ну, а его-то сберегут от времени? Заслужи-ка, братец, потрудись, ты славы на деньги не купишь, родовитостью не удержишь. А хочется славы? Ого!

— Иван Евстратьич!

Тьфу, напасть! Всегда его застанут как-нибудь неловко. Вот и сейчас, как девка в барыниной спальне, перед зеркалом вертелся...

— Иван Евстратьич, я-то ищу, одевайтесь скорее, карета ждет,— торопливо говорил, подходя к нему, Людоговский.

— А куда?

— К светлейшему! Ну, быстрей, ждут же!

— К какому светлейшему? — не понял Свешников.

— Господи, да к Потемкину же,— увлекая за собой Свешникова, частил Людоговский.— До князя слух о вас дошел, велел приехать немедля. Ну же! Я вас и отвезу.

* Журнальный вариант.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

В карете Людоговский немного успокоился и дружески пожимал руку, по плечу поглаживал, бог его знает, какое время пришло — мужики в честь входят.

Карета стала, дюжие лакеи откинули подножку, отворяют дверь. Какой-то просто одетый человек берет Свешникова за руку, ведет. «Господин Попов»,— называет его Людоговский, но Попов кивнул равнодушно, Людоговский отстал. Попов вводит Свешникова в комнату, лавируя между людьми (сколько их! И пестрые какие!), подводит к низенькому дивану. На диване развалился огромный человек с черной повязкой через глаз, небритый.

— Это ты и есть? Скажи что-нибудь по-латыни,— говорит Потемкин. Под распахнувшимся халатом Свешникову видны волосатые и кривые ноги.

— Ты что, онемел? Говори.

— Музы молчат, когда говорит оружие,— неожиданно для себя выпаливает латинскую поговорку Свешников.

— А что это значит, братец?

Свешников перевел.

— Это что ж, ты муза, а я оружие? — Потемкин ухмыльнулся. Он любил производить впечатление.

— Ваша светлость,— наклонился кто-то к уху Потемкина.

— А-а, вижу, француз пожаловал!

От дверей не торопясь приближался изящный кавалер, мужчина лет сорока, богато одетый, чуть обрюзгший, элегантный.

Потемкин встал и, дождавшись, пока гость подойдет поближе, заговорил:

— Прошу, милости прошу, ваше сиятельство, извините, я по-простецки.— Он хлопнул ладонью по тяжелому шелку халата, как бы невзначай распахнув его, придержал двумя пальцами, полюбовался голыми ногами и преувеличенно стыдливо запахнулся.— А я вот с другом моим беседую. О латинском языке. А? Ну что же ты, братец, стоишь? Протяни руку его сиятельству, чай, такой же князь, как и я. Не обессудьте, князь, друг мой разборчив на знакомства.

Француз, вздернув брови, смотрел на Свешникова, потом вдруг улыбнулся очень любезно, протянул руку и сказал с сильным акцентом:

— Я был бы счастлив всех друзей князя иметь своими друзьями.

— Князь слишком добр ко мне,— по-французски ответил Свешников и покосился на Потемкина.

Потемкин наслаждался.

— Иван Евстратьевич Свешников, крестьянин.— И, взглянув на ошеломленное лицо иностранца, Иван добавил по-русски: — А у нас на Руси и мужиков чтят. Это вот его сиятельство подтвердить может.

Потемкин радостно захохотал:

— Ну, всех-то не чтят, а таких, как ты... Ну иди, Иван Свешников, к столу, там потеснятся, а мы тут с его сиятельством потолкуем.

Тот же Попов, который во все время этой сцены стоял с каменной физиономией, взял Свешникова за руку и повел в соседнюю комнату. По зале кругами, выплескиваясь за двери, расходилось:

— Светлейший заставил Де Латюра мужику руку подать...

— Не может быть!

— Да что за мужик-то?

— Шуваловский, говорят, ученый.

— Латюр теперь тремя мылами мыться будет.

В соседнем зале сидящим за столом гостям предлагали кушанья кирасиры в красных колетах — так было принято у Потемкина. Гости уже, очевидно, изрядно подпили. Толстый старик стащил с головы кирасира черную меховую шапку с султаном и нахлобучил ее поверх парика. Раздался общий одобрительный смех. Толстяк подхватил под руку соседа и прошелся с ним по комнате, подражая попарному выходу прислуги.

— Стул,— коротко скомандовал Попов солдату. Тот метнулся и подставил стул к столу.

— Садись, Иван Евстратьевич, ешь, пей, светлейший с тобой потом говорить будет.— Попов внушительно поглядел на притихших гостей, повернулся на каблуках и вышел.

Ветошкин

1

— Э, дражайший мой господин Ромм, я не имею ни малейшей охоты знакомиться с мужичьем, с русским ли, с немецким ли,— Де Латюр поправил манжету,— или с любезной нашему сердцу французской сволочью. Мне нужен Потемкин, а не его вшивые друзья.

— Но ведь вы не станете отрицать, что это человек необыкновенно одаренный, я беседовал с ним — это настоящий ученый.

— Кто это ученый? О ком вы говорите, господа?

— О ком мы говорим? Да об этом новом приятеле Потемкина, как там его зовут: Светошкин, Ветошкин?

— Браво, князь! — Перепечин расплылся в улыбке и несколько раз соединил кончики пальцев, изображая аплодисменты.— Бесподобно! Ветошкин! Вы, сами того не думая, попали в точку: Ветошкин — от слова «ветошь» — тряпье, грязная рвань. Очень хорошо! Я непременно пущу это словцо!

— Вы несправедливы к Свешникову.— Ромм старательно выговорил фамилию.— Он заслуживает с нашей стороны всяческого уважения и поощрения... Если только он в этом нуждается...

— В чем, в поощрении?

— И в том, и в другом.— Ромм встал, поправил галстух и, слегка поклонившись, отошел.

Оставшиеся переглянулись, и Перепечин ворчливо сказал:

— Ваш соотечественник, князь, не очень-то вежлив.

— Дело не в этом: он может быть вежлив, если захочет, он, видите ли, симпатизирует простолюдинам и, на мой взгляд, чересчур. Он плохо кончит.

Словцо делатюровское, однако же, пошло в ход. «Ветошкин»,— передергивали плечами завсегдатаи потемкинской гостиной, где Свешников в последние недели стал частым гостем. «Ветошкин»,— посмеивался Лев Федорович Людоговский. «О, Ветошкин,— недоумевающе тянули дамы.— Да, да, он очень ученый».

Вот и сейчас, сидя за столом в диванной у Потемкина, Свешников спиной, да и нутром чувствовал иронические, а то и враждебные взгляды. В глаза смеяться не смели: известно стало, что светлейший предложил ему место при себе, а он — экой дурак дерзкой! — отказался, а там, бог весть, и согласится, и нужным человеком станет, и на поклон к нему, чего доброго, пойдешь — вот ведь как!

2

Как и многие важные персоны, он отмечал время своей жизни по событиям государственным. «Сельцо это я прикупил как раз после злодея»,— говаривал он, и всем было ясно, что речь идет о Пугачевском бунте. «Дом-от когда поставлен? А как с офицериком этим дерзновенным порешили, так и строиться начали».— И любопытствующий понимал, что дом выстроен после дела о заговоре Мировича. Кстати сказать, неспроста покупка имений и постройка собственных домов совпадала с окончанием дел о государственных преступниках: за дело Мировича он получил чин надворного советника, после Пугачевского стал статским, а закончив следствие о пасквилях и карикатурах на государыню, удостоился чина действительного статского советника!

Голос у него был тихий да ласковый, держал он себя скромненько, но гордость переполняла его сердце, и наедине с собой он распрямлял свою тщедушную фигурку, вздергивал надменно подбородок: нет, не острым словом, впору сказанным, не зычной глоткой да широкими плечами — умом, умом и трудолюбием сделал он свою карьеру! От ничтожного архивариуса до первой в своем роде персоны в государстве пройден путь, и никому, токмо себе самому обязан он высоким положением. Есть, есть чем гордиться! Что, люди вздрагивают при его имени? Пусть вздрагивают, значит, совесть нечиста, значит, злоумышляют против государыни, значит, богопротивные дела в голове! Что, «кнутобойцем» вельможи в глаза называют? Называйте, называйте, голубчики, тешьте душеньку! Бывало, что вчера иной гордец бровью в его, «кнутобойцы», сторону не поведет, а нынче — глядь и стоит перед «кнутобойцей», осенним листком дрожит и рад бы господином Шешковским называть, Степаном Ивановичем, да нет, шалишь! «Извольте, сударь, меня по чину-званию именовать!»

Он прошелся по комнате — сухонький, бодрый, в сером застегнутом наглухо сюртучке, остановился у окна.

— Мушник! — позвал он солдата.

Тот вошел. Это был доверенный служака, опытный, свой, не раз присутствовавший при допросах — сам Степан Иванович брезговал притрагиваться к арестантам, да и не по чину было.

— Слушай, Мушник,— сказал Степан Иванович,— слушай, голубчик, там, я чаю, народ вызванный дожидается, так зови их, голубчик, сюда, по одному зови.

Мушник вышел, Степан Иванович погладил себя по впалым щекам, побарабанил пальцами по стеклу — сыграл зорю.

— Так-то, судари мои,— сказал он негромко.— Степан Иванович Шешковский зовут меня, запомнить советую.



Дверь растворилась, и Мушник ввел посетителя.

— Здравствуйте, сударь.— Шешковский поклонился.— Простите великодушно, что обеспокоил, если бы не крайняя нужда, не осмелился бы вас тревожить, отрывать от почтенных занятий. А что не сам к вам пришел — не сочтите за невежество, дел важных много, каждый час дорог, садитесь, прошу вас. А ты здесь постой,— сказал он солдату.

Тот стал у дверей.

— Ваши извинения, сударь, излишни,— ответил посетитель, садясь,— я за честь для себя почитаю услужить вам, а в вашем лице — Отечеству.

Он привстал и поклонился, руки его, однако же, дрожали, и пот проступил на лбу.

Мушник стоял у дверей, стоял неподвижно, как подобает солдату. Сколько раз ему уже доводилось видеть это дрожание пальцев, эту испуганную вежливость у приходящих сюда; он досконально знал, с кем начальник будет просто ласков, с кем — подобострастен, а с кем — равнодушен, как деревянная чурка. Знал он и то, что Шешковский в какой-то момент непременно пригрозит, оскалится, зубы покажет — и струхнет собеседник; Мушник научился даже угадывать, когда начальник начнет пугать. Он стоял и слушал, и лицо у него было бесстрастное. Он слышал каждое слово, каждую фразу, но они не оставались в памяти, а протекали сквозь него, как вода. А иногда он как бы глох, вернее, речь-то он слышал, но она была для него бессмысленной, как будто не по-русски говорили.

— Пригласил вас с тем, чтобы покороче узнать вас. Пользуюсь слухами, что вы, сударь, примерного образа мыслей держитесь, к делам ревностны, Бога любите.

— Помилуйте, господин Шешковский, я, право, в смущении, столь лестные для меня слова...

Мушник глядел на них: они сидели не двигаясь и все-таки как бы кланялись — голосом кланялись.

— ...Служа при вельможе, известном своим великодушием и познаниями, вы избрали путь...

Мушник видел, что посетитель стал в чувство приходить: руки успокоил, на спинку стула откинулся.

— ...Однако же и у приватного лица находясь, нельзя забывать о пользе Отечества, о блеске престола...

Степан Иванович почти мурлыкал. «То-то кот,— думал Мушник,— как медом мажет».

— ...Слава государыни нашей, да продлит господь всемогущий ее лета.— Шешковский истово перекрестился.— Слава благодетельницы нашей не всем отрадна: есть окаянцы, коим за радость матушку нашу очернить, и, увы, не токмо среди подлого народа таковые злодеи бывают...

«А малый-то не дурак — ишь, как щурится, понимает, к чему дело идет».

— Совершенно вас понимаю, господин Шешковский, и я не однажды слушал — с прискорбием, поверьте — речи сомнительного свойства, однако по натуре своей я человек к спорам и раздорам не склонный, да и чинов на мне таких нет, чтобы свое суждение оказывать.

— Сударь мой драгоценный! Да зачем вам свое суждение? И хорошо, что не спорите. Кто более других молчит, тот более других слышит. А это нам и надобно. А чины — дело наживное, нет чинов, как есть нет. Ан глядь, вот они! Поверьте старику: нужно усердие оказать, доброхотное усердие, и чины будут, и все, что надо. Заслужить, сударь, надобно. За Богом молитва, за царем служба не пропадет.

— Помилуйте, господин Шешковский, я со своей стороны готов единственно из любви к Отечеству...

«Ну, вот и сладились.— Мушник смотрел поверх головы посетителя.— Сапог левый жмет, видно, с утра обулся неладно, а переобуться все недосуг было».

— ...О всех разговорах, даже если разговоры и не прямо воровские, а неуважение к власти оказывают,— все одно надлежит осведомить нас, ежели богохульственные речи против церкви святой — тоже сообщить. А может, и сейчас нечто подобное знаете?

«Сейчас он его пришпорит»,— подумал Мушник.

— Знаете, сударь, что недоносительство — есть преступление для закона. Храни Бог, если вы умолчите о чем-либо! Отвечайте: известно вам что-либо?

— Речи богохульственные? — переспросил посетитель.— Враз и не припомню, разве что,— продолжал он с запинкой,— не речи, а вирши.

— Какие вирши?

— Противуцерковного свойства.

3

Шувалов прислушался к голосам, доносившимся из кабинета. Секретари его, старый с новым, о чем-то спорят. Пойти отпустить их, что ли? Заслужили: архив и переписку в такую аккуратность привели, что смотреть приятно.

— Судари мои,— сказал он, отворяя дверь в кабинет,— а ступайте-ка вы променад сделайте, а то, я гляжу, пожелтели оба от бумажной-то пыли...

Сумрачный и тихий весенний город встретил Людоговского и Свешникова мерцанием масляных плошек, влажной наготой торцов. Они шли неторопливо, с удовольствием вдыхая сырой воздух, перебрасываясь замечаниями без охоты, из приличия. Тихонько погромыхивая, догнала их извозчичья карета; даже в сумерках бросился в глаза яркий желтый цвет ее. Извозчик попридержал лошадь: авось наймут господа...

— Что это у тебя, братец, колесница цвета такого... веселого? — спросил Людоговский.

— А велено, барин, красить в желтый.

— Да ты заодно и себя б покрасил! Все приметней было б.

— А как же,— даже обрадовался извозчик,— а как же! И меня покрасили! Гляньте-ка вот!

Парень выпрямился, и из-под складок балахона тем же яичным блеском резанул глаза извозчичий широкий кушак. Простоватое лицо извозчика светилось неподдельной гордостью.

Неприметным образом дошли до Летнего сада. Несколько лет назад страшная буря наклонила и покалечила деревья, и теперь они, как увечные воины, опирались на подставленные костыли и тускло мерцали вбитыми скобами. Людоговский и Свешников присели на скамью.

Они с полчаса сидели в саду, вежливо беседуя о стихотворстве, потом поднялись. Набережная была пустынной. Они шли, прислушиваясь к безмолвию, но вот в тишине раздался невнятный говор, из-за поворота вышли двое и пошли напере-



рез им. Людоговский тревожно глянул на Свешникова и, храбрясь, сказал:

— Ничего... их только двое...

И тотчас же, как бы им в ответ, кто-то негромко кашлянул им в затылок. Они обернулись. Позади поспешал кряжистый пожилой человек в солдатской шинели. Он остановился и, переведя дух, сказал укоризненно:

— Чего ж это вы бегете и бегете? Насилу догнал.

— Чего тебе надо? — Людоговский шагнул к нему и с перепугу, должно быть, зачастил: — Чего тебе надо, чего тебе...

— А вот сейчас... растолкуем.— Человек успокоительно кивнул подбородком на подошедших двоих.

Свешников повернулся к ним, один был длинный, жилистый, с болтающимися руками, нескладный на вид, другой — кругленький, с плутоватым веселым лицом. «Дон Кихот и Санчо»,— мелькнуло у Свешникова в голове. Санчо заговорщически подмигнул ему, а Дон Кихот равнодушно сказал:

— Ну, раздевайтесь...

Жаль было одежды, особенно нового кафтана. И рубашка, Лизонькина работа, тоже пропала.

Дома, куда их доставил вызванный будочником извозчик, Свешников перебрал в уме все подробности происшествия и вдруг сел в постели, чувствуя, как страх черствой ладонью сжал его сердце: он вспомнил, что в кармане кафтана лежали переписанные набело противуцерковные стихи его.

Пес Ея величества

Зима кончалась, вдруг стала тяжелой и неудобной зимняя одежда, то и дело взвизгивали санные полозья по оголившемуся булыжнику, и на Крестовском, в хозяйстве графа Разумовского, густо и благодатно запахло навозом. Шла весна 1783 года.

Свешников потрогал пальцем набухшие оконные рамы и отошел от окна. Сел, потянулся так, что затрещал рассохшийся стул, вытянул под столом ноги в нечищенных башмаках. Он устал. Прогулки по Петербургу — редкость, уж больше терпения не хватает сидеть с пером в руке да ворошить пыльные страницы. Всю зиму, усердно, упрямо, даже исступленно, он вчитывался в Плутарховы, топором рубленные истории, писал свою книгу. Чего он хотел и ждал от себя, от своего труда?

Скрипнула дверь, без стука вошла Лиза. Одернула постель, ладошками выровняла стопы бумаги на столе; укоризненно покачав головой, подня-

ла и повесила на умывальник упавшее полотенце. Мимоходом поцеловала, словно клюнула, Свешникова в голову и благонравно — ручки на коленки — уселась на стуле.

— Лизонька! — потянулся к ней Свешников.

Она засмеялась, покачала головой и сказала раздельно:

— Нель-зя. Работать надо. Пиши.

Он послушно взялся за перо, но продолжал смотреть на нее. Она улыбнулась ему нежно и устало, а когда перо медленно, повисая в воздухе, задвигалось по бумаге, встала и пошла к окну и, как Свешников минут десять назад, стала колупать влажное дерево рамы. Что же дальше? Господи, что же дальше? Вон он работает за спиной, Ваня, Ванечка, ничего не знает, а если узнает? Сколько можно таиться? Надо рассказать. А ведь он, прямой, честный, не простит, осудит. Но ведь она же ничего дурного не сделала! «Не успела сделать»,— поправила она самое себя. «Нет, надо сказать»,— решила она и дрогнувшим голосом позвала:

— Ваня!

— Ну что? — Свешников уже увлекся работой и не поднял головы.— Погоди, Лизонька, я сейчас, мысль доконч у.

— Хорошо, я подожду.

Лиза не отрываясь смотрела на склоненную голову Свешникова, ей было невмоготу.

— Ваня, не сердись, я рассказать хочу...

В дверь постучали. Лиза замолчала, прижала руку к груди. Свешников растерянно поглядел на нее и встал. Заслонив спиной распахнутую дверь, он слушал, что говорил ему Иоганн Штрумп, немец, по пустякам работавший в шуваловском доме:

— Косподин Свешникоф, фас какой-то шелофек софет, он кофорит, надо schnell, бистро.— И, пропустив Свешникова, стал спускаться за ним, говоря ему в спину: — Один раз уше биль, в понеделькин.

В понедельник Свешников был у Ивана Ивановича Панина, беседовал с ним. Его частенько-таки отрывали от дела, приглашали в дома. Не поехать нельзя, и сейчас, поди, зовут куда-нибудь.

Внизу, равнодушно разглядывая бронзовых гениев с факелами, Ивана дожидался незнакомый человек.

— Свешников Иван? — осведомился он.

— Да, сударь.

— Оденься, нам с тобой пройтись нужно.

Было что-то в тоне его приказа такое, что предполагало повиновение.

Свешников оделся недоумевая. Когда они вышли на улицу, к ним подошел еще один, и первый, поотстав, что-то коротко буркнул подошедшему. У Свешникова вдруг пересекло дыхание от какого-то безотчетного страха. Он остановился.

— Я вас слушаю, сударь,— сказал он незнакомцу.

— Будешь слушать не меня, а Степана Ивановича Шешковского. Велено доставить тебя.

Дверь отворилась. Давеший провожатый велел Свешникову идти с ним, и через минуту Свешников очутился в просторном кабинете, убранном очень просто: стол, три-четыре кресла, большой шкап, как видно, с бумагами, и бюро. Кроме двери, в которую вошел Свешников, была еще одна: она была за портьерой. Одновременно со скрипом двери портьера колыхнулась, раздвинулась, и в комнату вошел щупленький человечек. Даже не глянув на Свешникова, он прошел к столу и уселся. Бережно отодвинул на край стола небольшое блюдо с тремя просфорами и углубился в бумаги. Свешников глядел на него во все глаза, но Шешковский (это был он) писал не отрываясь. Так прошло минут пятнадцать, а Свешников все стоял. Было гадко и унизительно стоять так, дожидаясь; пока к нему обратятся, гадко и унизительно от чувства своей беспомощности и беззащитности. И вдруг Шешковский спросил:

— Тебе Петр Свешников кем доводится?

— Брат, сударь,— с запинкой ответил Свешников. Он не ожидал такого вопроса. С чего бы это Шешковскому Петрунькой интересоваться?

— Брат? Я по годам полагаю, что дядя. Ты, любезный, ври, да не завирайся. Ему, я чаю, годов пятьдесят будет аль поболее?

— Да что вы, сударь! Он брат мне, ему пятнадцатый год пошел,— обрадованно заговорил Свешников. Видно, что-то напутали, какого-то другого Петра Свешникова приплели.

— Значит, он тебе брат,— протянул Шешковский.— Так, так.

Он-то знал, что путаницы нет никакой.

Петр Свешников был матрос, грабивший с Ванькой Каином. Цепкая память Шешковского выдернула эту фамилию из дела тридцатилетней давности (тогда он был еще только протоколистом тайной канцелярии), и когда он натолкнулся на однофамильца, он сразу решил это совпадение использовать.

— Стало быть, брат,— повторил он и в упор глянул на Свешникова.

Тот улыбался от облегчения. Тогда Шешковский заговорил казенным голосом:

— Так вот, января семнадцатого дня сего года сей Петр Свешников, брат твой, как ты сам показал,— заметил он в скобках,— сосланный вечно на каторжную работу, из Рогервика бежал, а как из допроса его сотоварищей видно, что похвалялся он, будто в Тверской губернии кровных своих имеет, и как до сей поры сыскать его не удалось, то надлежит всех родичей его взять под стражу и допрашивать строго, доколь не признаются, где оного вора и каторжника спрятали. А посему, во исполнение этого, беру тебя, Свешников Иван, под стражу.

Он хлопнул в ладоши.

— Эй, Мушник!

Вошел солдат.

— Пришли солдат сюда, вот этого в крепость отвести, чтоб тотчас здесь были.

Солдат вышел.

Ошеломленный Свешников молчал, потом вдруг рванулся к столу и вскрикнул:

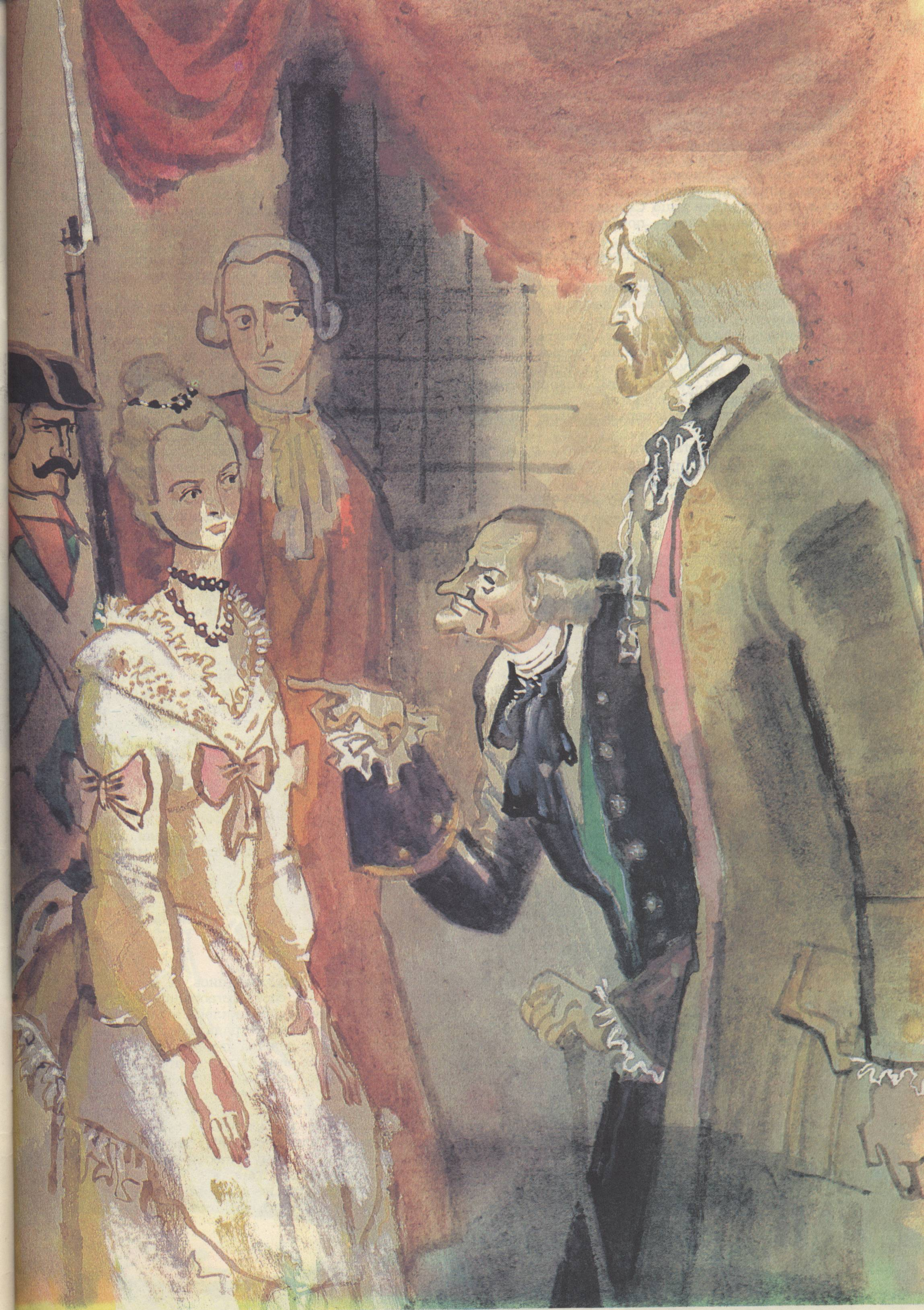
— Да что же это, сударь? Я же вам толкую, что брат мой малолеток, а вы сами говорите, что тому пятьдесят годов! Я ни в чем не виноват!

— Отойди от стола,— негромко скомандовал Шешковский,— стань вон там. Вот посидишь под караулом неделю-другую, допросим тебя, по-другому запоешь. Ни в чем не виноват, говоришь? Ладно, разберем. Укрывательство государственного преступника — то твоя вина большая, а малые вины за тобой есть? Говори! В малых проступках повинимся — о большом подумаем. Отвечай открыто, покажи свое доброжелание, и участь твоя смягчится.— Он повернулся к бюро, достал оттуда лист бумаги.— Твое сочинительство? Подойди.

На край стола перед Свешниковым лег потертый на сгибах лист.

«Молитв вместилище ярится»... «Отопрусь»,— подумал он.

— Писано мной, а кто сочинял — не знаю.



Шешковский встал, обогнул стол и подошел вплотную к Свешникову.

— Не знаешь? Ах ты, тварь богомерзкая! А что, если я сейчас велю послать к тебе в комнату и обыскать? Не найдется ли черновых листочков? Ну? А что, если я сейчас велю — смотри на меня! — полюбовницу твою, Лизку, сюда привесть и она на тебя покажет? Я ей начальник! Она у меня служит! — Шешковский пристально глядел в помертвевшее лицо Свешникова.

— Она у вас служит,— повторил он почти беззвучно.

— Да, у меня! Нам все про тебя ведомо, ну, звать ее?

Свешников молчал. Шешковский круто повернулся, подошел к завешенной двери и, распахнув ее, крикнул: — Привесть ее сюда!

В комнату вошли Мушник и Лизетта в сопровождении солдата. Свешников поднял голову и посмотрел на нее: у нее дрожал подбородок.

— Каковы твои обязанности? Говори, говори при нем! — сказал Шешковский.

Медленно, будто читая неразборчивое, Лиза заговорила:

— Моя обязанность есть доносить о всяких разговорах и беседах, какие случаются в домах, где я живу.

Она смотрела прямо в лицо Свешникову как зачарованная.

— Дальше.

— А ежели случится узнать, что было какое поношение, или злой умысел, или урон против державы или православной церкви, то должна я донести без промедления.

— Слыхал? — обратился Шешковский к Свешникову.— А ты запираешься. Бери перо, пиши: «Сие мною, Иваном Свешниковым, написано для ущерба православной церкви и...»

— Ваня! — вдруг отчаянно крикнула Лизетта.— Ваня, не пиши! Я ничего о тебе не доносила.

— Увести! — сказал Шешковский.— Держать под караулом.

Солдат схватил Лизетту за плечо и толкнул к двери. Лизетта попыталась вырваться, и некоторое время ее рука беспомощно белела на темно-зеленом сукне солдатского мундира.

— Стой на месте, в кандалы забью! — крикнул Шешковский Свешникову, который рванулся к борющимся.

Мушник схватил Свешникова за воротник, и когда Свешников, яростно крутанувшись, вырвался, Лизы в комнате уже не было. Мушник, поглядев на начальника, тоже вышел.

— Бунтуешь? — Шешковский закружился около Свешникова.— Бунтуешь, голубчик? — все еще тяжело дыша, повторил он и уселся за стол.— Лизку твою велю бить плетьми до беспамятства,— с расстановкой сказал он.— За умолчание, а тебя на покаяние в монастырь сошлем — за богохульство. Ты ведь теперь у нас православный.

Не так давно Свешников, исполняя желание Шувалова, отказался от старообрядчества и принял «истинное православие». Ему было все равно. А вот теперь...

Шешковский ухмылялся, глядя на него. Он был доволен. Как только он получил стихи Свешникова, то почуял интересное дело. А когда он допросил пойманного со свешниковским кафтаном вора и увидел те же стихи, писанные свешниковскою рукой (о почерке Ивана он узнал заранее), то решил, что пришла пора побеседовать со стихотворцем. Даже если бы он и не знал точно, то все равно по лицу Свешникова понятно было, что он и есть автор. Сцена с Лизой дала допросчику лишний козырь в руки. Если бы Свешников не был так взволнован (этого волнения и добивался Шешковский во время допроса, начиная с истории о якобы бежавшем матросе), то он бы заметил, что вызванных для него солдат все еще нет. Шешковский и не собирался сажать Свешникова под арест. Хотя Шувалов и не в чести, ссориться с ним не стоило, да и светлейший, слышно, этому «ученому мужику» патронирует. У Шешковского были другие планы...

— Видишь теперь, какова твоя участь? — произнес он сурово.— Уж и не придумаю, как тебя спасти, разве вот...

Он, как бы оценивая, оглядел допрашиваемого.

— Ты во многие дома вхож, со многими людьми знаком, слышал, что твоя краля о должности своей говорила? Запомни: ежели будешь то же делать, все вины прощу, вирши твои богопротивные порву. А по усердию и награжу, ну?

Свешников, не отрываясь, смотрел на массивный медный подсвечник. Ударить этого мозгляво-го кровопийцу по голове — и конец, конец ему! Но тогда и всему конец: и учению, и книге — всему-всему. И Лизе... ее тоже захлестнула, запутала поганая паутина. «Я ничего о тебе не доносила». А о других? Свешников вздрогнул. Шешковский перехватил его взгляд, устремленный на подсвечник, понял, но не отодвинулся, не подал виду.

— А коли не захочешь — знай: тебе крепость или монастырь, полюбовнице твоей — плети и ссылка. Решай, господин Ветошкин!

Свешников поднял на него глаза. Краем уха он уже слышал свое прозвище, но никто еще не называл его Ветошкиным в лицо. Он глухо произнес:

— Я подумаю и через Лизетту ответ передам.

«Крепок орешек,— удивился мысленно Шешковский,— еще не обещал ничего, а уже свободы для себя и для нее требует». Впрочем, он ничем не рискует: арестантом Свешников ему не нужен («на нем дела не сделаешь: велика важность — стишки»), а ежели согласится, то из него получится отменный работник — умный, ученый, к вельможам доступ имеет и среди простых людишек свой, и Шешковский разжал когти. Он сказал неторопливо:

— Ладно, будь по-твоему, погожу до субботы, обмануть, сбежать — лучше и не мысли, найду.

Он подошел к дверям, распахнул их и крикнул:

— Выпустить его!

Возвращение

1

Шувалов сидел, нахохлившись, и молчал. Все вокруг, казалось бы, соответствовало его привычкам и вкусам, все расположилось в том порядке, к которому он привык: тетрадь для записывания внезапных мыслей лежала перед ним открытая, легкое французское вино было наготове, рядом, на мозаичном столике, перо было очинено превосходно и не брызгало. И Людоговский, как охотничья собака, сделал стойку над чистым листом бумаги. А Шувалов никак не мог начать диктовку. Он знал: занятия его для слуг священны, ни камердинер, ни повар не зайдут к нему с каким-нибудь глупым вопросом. А швейцар, сановито откашлявшись, объяснит залетевшему не вовремя гостю или бестолковому просителю, что-де, мол, «его превосхо-

дительство сейчас занимаются, самое ихнее время; пожалуйте, мол, к шести часам»... И все-таки Шувалов молчал, придирчиво оглядывая комнату. Когда все осмотрел и не нашел никакого беспорядка, который мог бы послужить причиной ничегонеделанию, он рассердился. Людоговский все сидел — как кукла восковая, о, господи,— сидел, изъявляя всей фигурой полную готовность писать что угодно, сколько угодно и кому угодно.

— Лев Федорыч,— кротким голосом сказал наконец Шувалов,— поди, голубчик, к себе. От меня, видно, проку сегодня не будет. Стар стал, совсем обеспамятел. Все забыл, что хотел, поди, поди, друг мой.— Он часто задышал от гнева.— И скажи там, внизу, чтобы утихли. Они там сбесились, должно быть...

Снизу доносились еле слышные голоса прислуги, прибирающей залу...

Оставшись один, Шувалов швырнул перо на стол. Сегодня утром к нему явилась швея Лизетта и путано, сбивчиво рассказала, что она — соглядатай Шешковского. Когда, раздражившись, Иван Иванович спросил ее, почему она решила открыться, то девчонка заплакала и понесла какую-то околесицу про Свешникова, про стихи и про ссылку. Ничего не поняв и еще более сердясь, Шувалов велел ей уйти вон, успокоиться и ждать, пока не позовут.

Теперь он сидел один и хмуро размышлял. Одно-то ясно: за ним следят. «Подозрительность в обычай вошла,— думал он, разглядывая ногти,— каждого, кто не глуп и не холуй, записывают в заговорщики, и никто не может быть спокоен: сегодня мирно живешь, трудишься на благо отечеству, а завтра, того и гляди, заберут без вины и вышлют. Да хорошо, если просто вышлют: вон, Бутурлину, фрейлину, на допросы таскали, а Кожину, даром, что генерал-майорша, и телесно наказали. И дело-то все было в каких-то дурацких пашквилях. Однако что она такое плела о Свешникове? Она-то каким боком причастна к этому делу? Надо разобраться»,— решил он и дернул за шнурок.

— Пошли ко мне Свешникова,— сказал он вошедшему лакею.

«Да-с, Екатерина Алексеевна,— обратился он мысленно к царице,— видно, покойники по ночам снятся: а ведь немало их»...

Постучавшись, вошел Свешников.

— Что ты как быстро явился? — спросил Шувалов, вглядываясь в его пасмурное, осунувшееся лицо.— Или ждал, что позову?

— Нет, не ждал — сам собирался вас о разговоре просить.

— Ну, говори, чем ты Шешковскому не угодил.

Свешников быстро вскинул голову:

— Иван Иванович, вы знаете?

— Покамест всего не знаю. А вот расскажешь —



узнаю. Но сначала скажи, друг мой любезный, почему эта швея — Лизой ее зовут? — почему ей о твоих делах да о стихах больше, чем мне известно?

— Так это она вам сказала? — Свешников облегченно вздохнул.

Молодец все-таки Лиза: прежде него самое правильное сделала.

— Ты что ж не отвечаешь? Она у тебя секретарем, что ли?

— Иван Иванович, — смущенно заговорил Свешников,— я в надежде, что вы не осудите: полюбили мы друг друга.

— Ага, — Шувалов помолчал, — ну ладно, об этом потом. Рассказывай, что случилось.

Свешников начал рассказывать, дойдя до предложения Шешковского, внезапно замолчал. Перед ним встало лицо вчерашнего собеседника, его кривая ухмылочка, кофейного цвета зрачки оттянутых к вискам глаз, и Свешников содрогнулся от брезгливой ненависти, но сделал над собой усилие и закончил рассказ.

— Так, так, все? Успокойся, твоей вины тут нет. О стихах и о любви мы после побеседуем,— без улыбки, серьезно сказал Шувалов.— Значит, ты ему сказал, что подумаешь, стать ли тебе доносчиком? Ну что ж, сказал ты правильно: он человек гнусный и злобный, пожалуй, и в самом деле арестовал бы, ежели б ты сразу отказался. Вот что: ступай-ка соберись, поедешь к себе в деревню. Нынче же отправишься. А здесь, ежели кто от него явится, сам разберусь. Это что ж? — он вдруг распалился.— Мне не сказавшись, моих же служащих берут? — Он поднялся и начал быстро расхаживать по кабинету.— Вот-вот, так и сделаем: ты поедешь, а я уж здесь сам поговорю.

Свешников следил, как Шувалов грузно мечется от окон к дверям и обратно.

— Иван Иванович, а как же с Лизеттой?

Шувалов остановился.

— Так ты ее и впрямь любишь?

— Иван Иванович,— твердо сказал Свешников,— хоть она по слабости своей и неразумию в дурных делах запуталась, но я ее все же люблю, и мне никак не возможно спасать себя, когда ей грозит тяжелая участь.

Он покраснел, но не опустил глаза. Шувалов с любопытством посмотрел на него и подошел поближе. В таком качестве он Свешникова еще не видывал.

— Ну-ну-ну, не огорчайся, я ей тоже помогу уехать, подумаю — и помогу. Похвально, что ты сильно чувствуешь, иди сюда.— Он поцеловал Свешникова в лоб.— Я ведь к тебе привык, друг мой, мне жаль тебя отпускать.

Он засопел и, отвернувшись, прижал к глазам платочек, не оборачиваясь, сказал:

— Ступай, ступай, приготовься к отъезду.

И когда сконфуженный его поцелуем Свешников дошел до дверей, Шувалов снова окликнул его:

— Слушай, Иван Евстратьич, все бумаги, все написанное собери и, когда позову, сюда принеси. Здесь, у меня, они будут в сохранности.

2

— Я вам завидую, Прасковья Федоровна: вы поедете по Италии весною; это лучшее время для путешествия. Ах, как я хотел бы вам сопутствовать! И скоро ли вы отправитесь?

— Как только муж закончит свои дела, так и тронемся. Полагаю, через два-три дня, не более. Люди и вещи мои уже приготовлены.

— Кстати, о людях: вы много прислуги берете?

— Много ли? Да вот: кучер, камердинер мужа и моя девушка — трое. А что?

— Я хотел вам присоветовать девушку: ловка, опрятна, шьет хорошо, послушна.

— О, чудесно! Моя-то сиволапа, ничего не умеет, я доверюсь вашему вкусу, Иван Иванович. Она ваша?

— Нет, мещанка. Я в ней принимаю участие.

— О-о, сударь, вот какой вы скромник! Но все равно вы очень любезны.

Милостивый государь мой, господин Шешковский!

Не посетуйте на меня за то, что человека, вами посланного в мой дом, задержал я для вручения ему сего письма. Приятным долгом своим почитаю сим письмом изъяснить вам обстоятельства, кои вас интересуют. Секретарь мой, Иван Евстратьевич Свешников, состоит у меня на жаловании и через это свое состояние имеет обязанность мои приказы выполнять. В числе протчих бумаг, кои суть не что иное, как записи, под мою диктовку сделанные, или мною указанные копии, имелись и вирши, столь вас, милостивый государь, восхитившие, что почли вы возможным для них прервать свою деятельность государственную, которой я непритворный и горячий почитатель. Таковое рвение к российской словесности и непременное ваше стремление имя стихотворца узнать заставляют меня сообщить вам, что вирши сии написаны покойным Михайлой Васильевичем Ломоносовым. А как имел я единый только список тех стихов, да и тот обветшал, то почел за благо распорядиться снять копии с оного. Секретарю же своему Ивану Свешникову строжайшие указания за то, что без господского дозволения с незнаемым человеком ушел, и впредь такие поступки запретил строго.

Что же до другой особы надлежит, кою ваш посланный, минуя меня, в моем же доме искал, то могу лишь то заметить, что особа сия, получив по просьбе своей окончательный от меня ращет, тому два дня из дому ушла. А как не в обычае моем входить в поступки чужих людей, то сообщить вам о ней более ничего не имею.

Впротчем пребываю готовый к услугам

Иван Шувалов

3

Топор ударил вкось по мокрой березовой чурке и отскочил. Петрунька радостно захохотал:

— А вот и отвык ты! А вот и разучился!

Почти год не был Иван дома; городское, «господское» платье вызывало у братьев восхищение; но вообще-то они испытывали по отношению к старшему брату чувство какого-то почтительного превосходства: дескать, хоть ты и городским сделался, а от настоящей работы, поди, совсем отошел. И вот теперь, когда он вызвался наколоть дров, они с интересом глазели на него и возбужденно обсуждали каждое его движение.

Три дня прожил Свешников спокойно: беседовал с мужиками, работал кое-что по дому; увязая сапогами в рыжем весеннем снегу, ходил на опушку леса, вспоминал Хвылянского. Исчез тот, как в воду канул: пришел как-то под вечер, сунул Ване в карман «Смеющегося Демокрита», поцеловал и ушел. Потом, стороной, Ваня узнал, что Григорий Афанасьевич поругался с барином Шестоперовым. Годом городского жилья были отделены от



него детство и юность — трудная и темная дорога, изредка освещаемая случайными, но яркими кострами: отец Николай, Григорий Афанасьевич... Так и шел Свешников по этой дороге, и спутников не было у него. Продрогнув на ветру, Иван отправлялся домой. Перелистывал старые свои книжки. Каким крохотным казалось ему это нищее богатство по сравнению с бесчисленными томами шуваловской либо панинской библиотеки.

На четвертый день пришла беда.

Вот как это случилось.

Во втором часу дня в деревню со стороны Твери въехала карета; ее сопровождала телега с солдатами. Глубоко увязая колесами в проступившей изпод снега земле, карета пересекла площадь перед церковью и стала. Набежавшие со всех сторон ребятишки и остановившиеся поглазеть мужики и бабы видели, как из кареты выскочил молодцеватый пожилой офицер, а за ним, крякнув неодобрительно и поеживаясь от сырости, вылез молодой господин. Оба выбрали бугорок посуше и долго, внимательно оглядывались по сторонам, потом подозвали одного из солдат и что-то приказали ему. Служивый, лихо перепрыгивая через канавки, добежал до ближнего мужика и спросил у него, где живет священник. Ему указали. В это время из кареты выбрался еще один, с виду вроде чиновник, и торопливо зашагал к первым двум, растирая на ходу ладонью пухлое заспанное лицо. Дождавшись солдата, все трое зашагали к поповскому дому. Из дома их, видно, заметили в окно, потому что, когда они дошли до калитки, на крыльцо вышел отец Адриан. Что сказали они священнику — никто не слышал, но только отец Адриан вдруг закланялся почтительно и, распахнув дверь, пропустил приезжих в дом. Между тем солдаты вылезли из телеги и стали толкать друг друга, возиться и гомонить.

Вся эта суматоха и беготня были непонятны, и крестьяне разошлись в недоумении. Прошло еще около часу, и вдруг тревожно, как на пожар, загудел колокол. Вдоль порядка побежал посланный старостой мальчишка, скликая мужиков на церковную площадь. Домчавшись до Свешниковых, он с размаху провел палкой по изгороди: тр-р-р-р! Петрунька выскочил из избы.

— Староста велел и батюшка тоже, чтоб мужики у церкви собрались! — скороговоркой выпалил паренек и побежал дальше.

— Иди сам,— сказал Иван, когда вернувшийся в избу Петрунька передал приказ старосты.

Петрунька, торопливо накинув тулупчик, ушел, младший увязался за ним. А Иван продолжал сидеть, облокотившись на стол и упершись подбородком в переплетенные пальцы. «Ну хорошо, уймется в Петербурге Шешковский, — думал

Иван,— Шувалов меня вызовет. Опять книги, писания, собеседники, отменно просвещенные. А мать с братишками? В сырой избе с тараканами? Что же делать? Единственно — на службу определиться, тогда и семью перетаскивать можно. На мать смотреть без жалости никак нельзя. Она, бедная, думает, что теперь для них одна благодать пойдет: шутка ли, в прошлый раз денег прислал и теперь с собой привез!» Иван усмехнулся и обвел глазами избу. Мать возилась у сундука, тряпье перебирала. Иван вдруг сообразил, что братишка звал куда-то, и спросил у матери.

— Спохватился, сынок,— заулыбалась мать.— И куда ты все мыслями залетываешь? Староста на сход велел идти, а ты ровно пьяный. Ступай поживей...

Свешников не торопясь вышел за ворота. Сбочь тропинки в осевшем снегу чернел ровный, как циркулем обведенный, кружок земли. Иван постоял, сообразил — откуда? Догадался — ведро ставили. Вдруг отчетливо вспомнил панинского арапа. Арап застыл, дожидаясь приказания, у стены, обтянутой светло-желтой материей, в белом шелковом камзоле, в белых чулках, темным было только идольски спокойное лицо. Старик Панин любил контрасты. Потом, в прихожей, Свешников видел, как весело гримасничал арап, вознаграждая себя за неподвижность...

У церкви — толпа. Свешникову были видны только спины собравшихся. Он стал протискиваться вперед, но далеко продвинуться не удалось, и он остановился, плотно окруженный односельчанами. На церковном крыльце стояла группа людей, один из них читал вслух какую-то бумагу. Ветер по временам относил его голос, и тогда вся толпа подавалась вперед, стараясь не упустить ни слова.

«...полковнику Алексею Щетинину за службу его, а особливо храбрые и отличные подвиги, оказанные в сражениях со злодеями, против нашей короны злоумышлявшими, и в приведении к достодолжному спокойствию некоторых владений наших, бунтовщиками возмущенных...»

«Пугачевцев добивал, — мелькнуло в голове у Свешникова,— но к чему все это?»

«...в вечное и потомственное владение пяти сот душ в Тверской губернии, назначаем состоящие в казенном ведомстве той губернии деревни Шадринку, Низковатое, Запрудино...»

«Нашу? Да что ж это?» — Свешников схватил чью-то руку, к нему обернулось растерянное лицо.

«...того ради мы по самодержавной нашей императорской власти силою сия нашея жалованныя грамоты ему, нашему полковнику, с потомками его мужеского и женского пола означенные деревни со всеми принадлежащими к оным землями и угодьями, селениями и дворами, с хоромным и огородным владением, с пашнями и лугами...»

«Закрепостили!» — Свешникову показалось, что он крикнул это, но никто к нему не обернулся.

«...с лесами, сенными покосами и рыбными ловлями, с наличными и беглыми крестьянами»...

— Закрепостили! — повторил он вслух.— Рабы крепостные...

На голос его обернулись — один, другой, ропот разошелся по толпе, и отзвуки его доплеснулись до церковного крыльца. Читающий остановился. Выпрямились солдаты, и пожилой офицер сделал шаг вперед, кто-то крепко взял Свешникова за локти. Повернувшись, он увидел Сныткина и Петруньку.

— Молчи,— одними губами шепнул Сныткин,— пропадешь зря.

Петрунька ничего не сказал, но в глазах его были растерянность и страх, взрослое выражение, которое он обычно старался придать своему лицу, исчезло, и Свешникова мгновенно ожгло воспоминание: вот так же смотрел Петрунька, когда староста и поп, стоящие теперь на крыльце, жгли книги старшего брата...

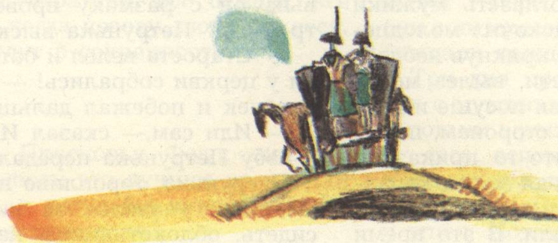
«...Всем нашим управителям и прочим, до кого сие касаться может, накрепко подтверждаем в спокойном владении оных никакого ему препятствия не чинить, а в потребном случае от всяких обид всякими мерами защищать и охранять...»

«Вот, вот он ответ на неспокойные твои думы: ты хотел, чтобы равными тебе стали мать и братья, вот, исполнилось! Равны крепостные рабы, равны меж собою... А все вместе равны скоту, орудию бессмысленному! — Свешников зажмурился.— Что же делать теперь? Братья, мать, он сам — холопы, грязь под барскими каблуками...»

И как последние удары молотка, что наглухо заклепывает кандалы, легли на притихшую толпу последние слова жалованной грамоты:

«...Государствования нашего двадцать первого года».

Ночью Иван вышел из дому, миновав крайние дома, оглянулся на смутно темневшую церковь, погрозил кулаком, горько усмехнулся своему жесту, поправил сумку и зашагал. На юг! Там сейчас много разного народу, много иностранцев, можно что-нибудь придумать. Под ногами мягко пружинила прихваченная ночным морозцем комковатая вечерняя грязь. Можно наняться к какому-нибудь иностранному купцу секретарем. А держат ли они секретарей? Ну, слугой на худой конец. Иван вошел в знакомый лес. Еще сажен семь — десять — и будет то место, где они с Григорием Афанасьевичем встретились. Нет, нужно принять левее, к большаку... А там, если удастся, за границу. Накопить денег, выкупить своих — через когонибудь это можно, наверное. Отыскать Лизетту — она в Италии, Шувалов говорил, забрать ее от господ, поехать на родину ее отца. Она же родина великого Руссо. Мокрая ветка хлестнула по лицу. Там, в Европе, не придется бродить ночью по лесу. Ночью по лесу... Никогда не придется бродить ночью по лесу. Ах, господи, ну что загодя терзаться! Может, и не надо будет...



ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ЗЕЛ СВЯЗИ

Меня зовут Христина. Я учусь в шестом классе. Не смешно? Нет. А вот надо мной все одноклассники смеются. Они говорят: «Куда ты пришла со своим церковным именем?»

Московская область.

О СЛАВНЫХ ТЕЗКАХ



Рисунок К. БАТАШЕВОЙ.

Уважаемые одноклассники Христины (и не только они)! Спешу сообщить вам, что все вы, Ольги, Ирины, Романы, Сергеи, Алексеи, Анастасии, Геннадии, Кириллы, Людмилы, Дарьи, Леониды и прочие,— все вы носите имена «церковные». Каждый Николай должен был бы знать, что многие сотни лет люди почитают святого Николая-Угодника, защитника моряков и плотников, тружеников и путешественников. Каждый Сергей должен был бы помнить, что в истории нашей Родины славно имя святого Сергия Радонежского, вдохновившего Дмитрия Донского на борьбу с захватчиками. А каждому Александру надо было бы гордиться, что он — тезка Александра Невского, не только князя и воина, но и русского святого.

Такие же, «церковные», имена есть почти у всех народов. Тысячи лет люди при рождении ребенка называли его в честь ангелов и святых в надежде на небесную защиту. Имя должно было оберечь от зла, подвигнуть на добро, помочь человеку прожить жизнь славно. Со временем традиции менялись, и вас, конечно, называли уже не в честь ангелов и святых. Кому-то дали имя, которое носит бабушка или дедушка. Кого-то назвали именем лучшего друга родителей. Кто-то назван просто именем, которое нравилось его маме или отцу. Но как бы там ни было, человек, получивший то или иное имя, встает в ряд со своими тезками, и продолжает цепочку от прошлого к будущему.

Каждый Александр обязательно должен помнить о своих тезках: Александре Македонском и Александре Невском, Александре Суворове и Александре Пушкине. И не просто помнить, а знать об их жизни, об их характерах, выбирать себе лучшее, что есть в них, и размышлять об их недостойных поступках, чтобы самому не повторять подобного. И точно так же могут найти себе тезку и Андреи, и Марии, и Ольги, и все, все, все.

Конечно, тезки бывают разные. Не хотелось бы мне, чтобы какой-нибудь из Иванов выбрал себе в пример Ивана Грозного. Слишком страшны были деяния этого царя, и никакими высшими целями их не оправдать. Лучше уж считать своим тезкой декабриста Ивана Пущина, человека отважного, прямого и благородного.

Нужно помнить и значение своего имени. Виктор — победитель. Елена — светоносная. Марина — морская. Александр — защитник людей.

Правда, случается, что назовут человека, например, Валерий — сильный, а окажется, что это имя для него словно чужое. Думаешь: назвали бы Алексеем, что значит человек божий, и жизнь пошла по-иному.

Философ Павел Александрович Флоренский (когда-нибудь вы познакомитесь с его трудами), сосланный в начале тридцатых годов на Соловки, писал своим родственникам, отвечая на просьбу помочь найти имя будущему ребенку: «...имя само по себе не дает хорошего или плохого человека, оно — лишь музыкальная форма, по которой можно написать произведение и плохое, и хорошее».

И все же ученый попробовал «перебрать» имена. «Горячее имя, с темпераментом и некоторой элементарностью.— Петр. Из коротких имен, на границе с благою простотою.— Иван. Извилистое и диалектичное с соответственными противоречиями и динамикой.— Павел. Огненное по возможности и очень духовное имя по своей природе, но могущее в неподходящих условиях дать тяжеловесность и неуклюжесть (как рыба на суше или, точнее, как намокшая птица).— Михаил. Александр — самое гармоничное имя, имя великих людей, но становящееся претензией, если нет сил заполнить его надлежащим содержанием». Конечно, так можно рассуждать, только если знаешь, что стоит за звуком каждого из имен, знаешь историю имени, историю человечества.

Но прочтите-ка еще раз: «...имя само по себе не дает хорошего или плохого человека, оно — лишь музыкальная форма, по которой можно написать произведение и плохое, и хорошее». Стоит ли смеяться над человеком только из-за непривычного для слуха имени, стоит ли судить только по имени о том, каков человек? Не лучше ли поразмышлять над своим собственным именем, попробовать найти славного тезку в истории, постараться стать на него похожим?

Е. ВЛАДИМИРОВА



Роман СЕФ

Телефон

Я по номеру
По своему
Позвонил бы
Себе самому,
Поболтал бы
С собою о том,
Хорошо ли
Мы оба живем...

Позвонил.
Но никак
Не понять —
Кто успел
Этот номер
Занять.

Парад

Шагали стулья
На парад,
А впереди шагал
Обеденный
Квадратный стол,
Известный генерал.
И было очень празднично,
Кричали все: «Ура!»,
Но было не на чем сидеть
В том городе
С утра.

* * *

Мои подушки
На войну
Пошли,
Набравшись духа.
Они сражались,
Словно львы,
Но сколько
Было пуха!

* * *

Однажды местоимения
Залезли в стихотворение,
И получилось
Очень смешно,
Папа и мама ходили
В КИНО,
А возвращаются
ОН и ОНА
После того,
Как смотрели ОНО.

Найди ошибку

Что такое
— Прапрапрадедушка?
Моментально
Я дам ответ:
Это просто
Прадед
Прадедушки
Или прапрадедушки
Дед.

Что такое
Прапрапрабабушка?
Это тоже
Легко понять:
Это бабушка
Прапрабабушки,
Или прапрадедушки
Мать.

Баллада о бутылке

Бутылку бросил в море
Отважный мореход,
Шел мальчику в ту пору
Одиннадцатый год.

...И поплыла бутылка,
Качаясь на волне,
К невидимому берегу
В неведомой стране.

А мореход учился,
Помалу подрастал,
И лет через семнадцать
Он капитаном стал,

Водил он сухогрузы,
Огромные суда,
Но как-то приключилась
С ним на море беда,

Поднялся шторм жестокий,
Корабль пошел ко дну,
И кто-то громко крикнул:
— Спасите! Я тону!

Спасательная шлюпка
Плыла семь долгих дней,
Но вот утихло море,
Стал горизонт ясней.

В просторном небе плыли
Седые облака,
А в лодке пресной нет воды
Ни капли, ни глотка.

И капитан подумал:
— Все плохо, быть беде,
Вдруг видит он — бутылка
Качается в воде.

Бутылку изловили,
Записку извлекли,
И, три часа промучившись,
Каракули прочли.

ГОВОРИЛОСЬ
В НЕЙ ТАК:
«КТО ПРОЧТЕТ,
ТОТ ДУРАК».

И капитан припомнил,
Как много лет назад
Бутылку эту бросил
Он в море наугад.

Он зарыдал, заплакал,
Вздыхая о былом,
И прошептал:
— Я сам дурак.
Вот мне и поделом.

* * *

Очень хотел бы
Иметь я слона.
Только квартира
Большая нужна.

Я бы не прочь
Содержать крокодила,
Если бы ванна
Ему подходила.

Кабы была
И еда, и подмога,
Я бы не прочь
Воспитать носорога.

Взял бы медведя,
Растил бы осла,
Но, к сожаленью,
Жилплощадь мала.

Вот почему
В середине июля
Взял я собаку
По прозвищу Буля.

Рисунки И. ПАНКОВА.

САНКЮЛОТЫ, ГАВРОШИ И ПИОНЕРЫ



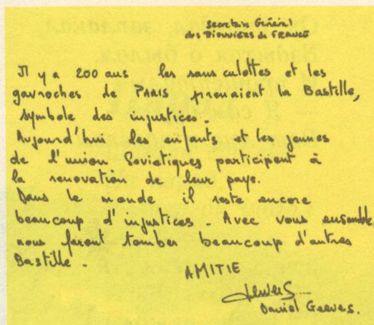
«ЛЮДИ РОЖДАЮТСЯ И ОСТАЮТСЯ СВОБОДНЫМИ...»

Недавно гостями нашей редакции были генеральный секретарь организации «Пионеры Франции» Жан-Марк Дешамп и национальный секретарь по международным вопросам Даниель Живер. Разговор шел, как обычно: вопросы, ответы, размышления. О том, как идет перестройка в пионерской организации, что волнует сегодня советских ребят, что нового у их французских сверстников. А в конце тоже, как обычно, пожелания гостей читателям «Пионера».

Вот что написал Даниель Живер: «Двести лет минуло с той поры, как санкюлоты и гавроши взяли Бастилию — символ несправедливости. Мы знаем, что сегодня дети и молодежь Советского Союза участвуют в обновлении своей страны. Но в мире еще много несправедливостей. И нам вместе с вами предстоит разрушить немало других Бастилий». Прочитав эту запись, мы поняли, что кратким сообщением о жизни пионеров Франции не обойтись. Тем более что многое в ней прямо связано с юбилеем Великой французской революции. Начнем мы рассказ с Бастилии.

Четыре века Бастилия была символом абсолютной, ничем не ограниченной власти королей. Сначала она служила монархам крепостью, потом стала тюрьмой. Самой знаменитой и самой ненавистной. 14 июля 1789 года восставший народ Парижа взял штурмом Бастилию. Это было первой победой санкюлотов и началом революции. Через год Бастилия была снесена. Власть короля урезали, а в 1792 году монархию и вовсе упразднили: во Франции установилась республика.

Революция развивалась сложно. Уж слишком различными


Secrétaire Général
des Pionniers de France

Il y a 200 ans les sans culottes et les gavroches de PARIS prenaient la Bastille, symbole des injustices.
Aujourd'hui les enfants et les jeunes de l'union Soviétiques participent à la renovation de leur pays.
Dans le monde il reste encore beaucoup d'injustices. Avec vous ensemble nous ferons tomber beaucoup d'autres Bastille.

AMITIE

Daniel Gerves.

были интересы городской бедноты, крестьян и буржуа, которые объединились в борьбе против феодалов. Но французская революция XVIII века не случайно названа Великой. Она решительно потеснила крупных землевладельцев и открыла дорогу новым силам. Ведь нарождавшийся капитализм по сравнению с феодализмом был прогрессивным строем. А принятая в 1789 году «Декларация прав человека и гражданина» провозгласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Именно тогда появился лозунг «Свобода, равенство, братство». И хотя он до сих пор осуществлен не полностью, идеи французской революции оказали огромное влияние на историю.

Почему монархия, которая правила во Франции около тысячи лет, не смогла удержаться у власти? Да потому, что против нее поднялся весь народ. Видимо, это и хотел отметить Даниель Живер, особо выделив «санкюлотов и гаврошей» среди тех, кто двести лет назад штурмовал Бастилию.

Санкюлотами дворяне презрительно называли городских бедняков. Sans по-французски означает «без», а culottes — «короткие штаны». Получается, санкюлот — человек, не имеющий коротких штанов, что ли? Французы простого звания носили в отличие от дворян длинные штаны. И это в глазах аристократов считалось, видимо, большим недостатком. Но когда восстание увенчалось успехом, победившие бедняки с гордостью стали называть сами себя санкюлотами.

А кто не знает или хотя бы однажды не слышал о маленьком Гавроше? Но ведь известно, что он сражался на баррикадах, мягко говоря, несколько позже, во время парижского восстания 1832 года. В том-то и сила образа, созданного Виктором Гюго, что после появления его романа «Отверженные» гаврошами стали называть всех мальчишек-героев — и тех, кто был до него, и тех, кто пошел по его пути потом,— и не только во Франции. Так стоит ли удивляться, что сегодняшние пионеры называют своих одногодков, живших 200 лет назад, гаврошами?

Сорванцов, подобных Гаврошу, в Париже всегда было хоть отбавляй. И до Великой французской революции, и в более поздние времена.

Перелистаем «Отверженных». Гаврош не сразу появляется на их страницах. Лишь в первой книге третьей части романа заходит речь о парижском гамене.

«У Парижа есть ребенок, а у леса — птица; птица зовется воробьем, ребенок — гаменом.

Сочетайте оба эти понятия — пещь огненную и утреннюю зарю, дайте обеим этим искрам — Парижу и детству — столкнуться,— возникнет маленькое существо...

Это маленькое существо жизнерадостно. Ему не каждый день случается поесть, но в театр, если вздумается, этот человечек ходит каждый вечер. У него нет рубашки на теле, башмаков на ногах, кры-



ши над головой; он как птица небесная, у которого ничего этого нет. Ему от семи до тринадцати лет, он всегда в компании, деньденьской на улице, спит под открытым небом, носит старые отцовские брюки, спускающиеся ниже пят, старую шляпу какогонибудь чужого родителя, нахлобученную ниже ушей; на нем одна подтяжка с желтой каемкой...»

Так начинается повествование о неунывающем оборванце. У него пока нет имени и не будет еще на протяжении многих страниц. Он как бы символ всех парижских гаменов.

«Это существо горланит, насмешничает, зубоскалит, дерется... Он редко бывает удивлен, еще реже — испуган. Высмеивает в песенках суеверия, разоблачает всякую ходульность и преувеличение, подтрунивает над таинственным, показывает язык привидениям...»

«Парижские гамены — это почти что каста. И, надо сказать, не всякому открыт в нее доступ».

Но Гаврош в этой среде был своим человеком.

В старые времена на площади Бастилии стоял высоченный слон из досок и камня, с башней на спине. Что означал слон, было неясно, «нечто вроде символического изображения народной мощи». Но этот слон служил домом Гаврошу, там у него была настоящая постель с тюфяком и одеялом. Правда, все эти предметы ему пришлось «позаимствовать» у зверей в Ботаническом саду.

И когда парижане вышли на баррикады, Гаврош, прихватив с лотка торговки старый пистолет, как потом оказалось, «без собачки», отправился на войну. Он был наблюдательным разведчиком. Он был храбрым и не захотел

покинуть восставших, у которых не было надежды на спасение. Мы не станем пересказывать всего этого. Лучше возьмите в библиотеке «Отверженных» и не спеша прочтите сами. Мы же приведем еще лишь один эпизод, который стал смыслом жизни и подвига Гавроша.

ВИКТОР ГЮГО: «МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК С ВЕЛИКОЙ ДУШОЙ...»

«Захватив в кабачке корзинку из-под бутылок, Гаврош вылез через отсек и как ни в чем не бывало принялся опустошать патронташи национальных гвардейцев, убитых у подножия редута.

— Что ты там делаешь? — крикнул Курфейрак.

Гаврош задрал нос кверху.

— Наполняю свою корзинку, гражданин.

— Да ты не видишь картечи, что ли?

— Эка невидаль! — отвечал Гаврош.— Дождик идет. Ну и что ж?..

Дым застилал улицу, как туман... Мгла, выгодная для осаждавших и, вероятно, предусмотренная командирами, которые руководили штурмом баррикады, оказалась на руку и Гаврошу.

Под покровом дымовой завесы и благодаря своему маленькому росту он пробрался довольно далеко, оставаясь незамеченным. Без особого риска он опустошил уже семь или восемь патронных сумок...

С баррикады, от которой он отошел не так уж далеко, его не решались громко окликнуть, боясь привлечь к нему внимание врагов...

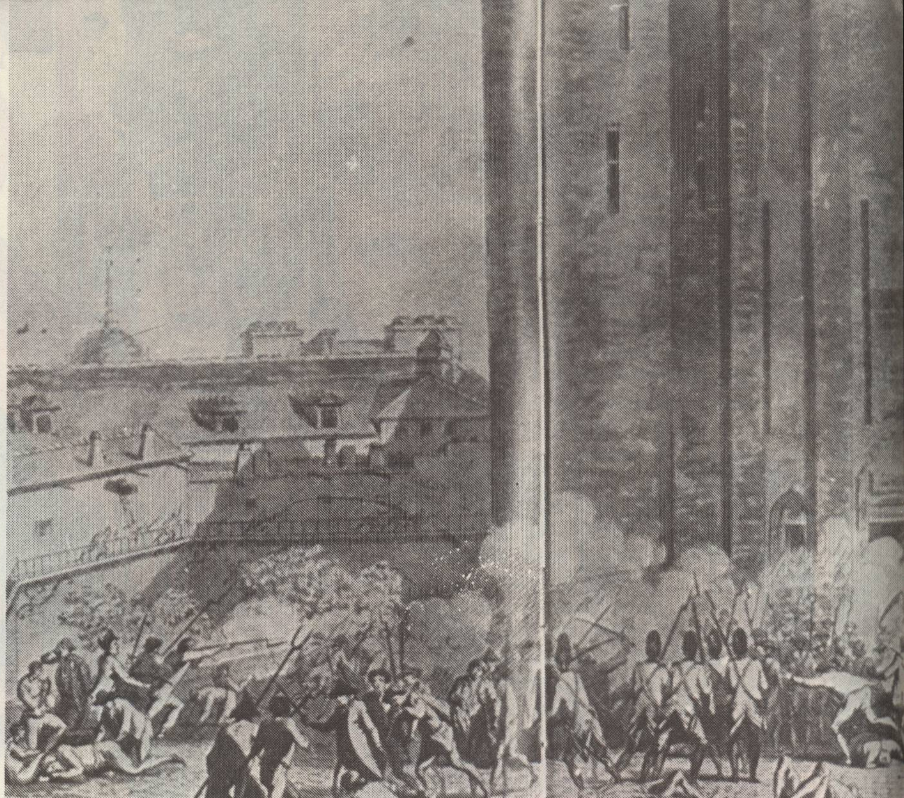
Продвигаясь вперед, он достиг места, где пороховой дым стал реже, и тут стрелки линейного полка, залегшие в засаде за бруствером из булыжников, и стрелки национальной гвардии, выстроившиеся на углу улицы, сразу указали друг другу на существо, которое копошилось в тумане.

В ту минуту, как Гаврош освобождал от патронов труп сержанта, лежащего у тумбы, в мертвеца ударила пуля.

— Какого черта! — фыркнул Гаврош.— Они убивают моих покойников.

Вторая пуля высекла искру на мостовой, рядом с ним. Третья опрокинула его корзинку.

Гаврош оглянулся и увидел, что стреляет гвардия предместья.



Тогда он встал во весь рост и, подбоченясь, с развевающимися на ветру волосами, глядя в упор на стрелявших в него национальных гвардейцев, запел:

Все обитатели Нантера
Уроды по вине Вольтера.
Все старожилы Палессо
Болваны по вине Руссо [1].

Затем подобрал корзинку, уложил в нее рассыпанные патроны, не потеряв ни одного, и, двигаясь навстречу пулям, пошел опустошать следующую патронную сумку. Мимо пролетела четвертая пуля. Гаврош распевал:

Не удалась моя карьера,
И это по вине Вольтера.
Судьбы сломалось колесо,
И это по вине Руссо.

Пятой пуле удалось только вдохновить его на третий куплет:

Я не беру с ханжей примера,
И это по вине Вольтера.
А бедность мною, как в серсо [2],
Играет по вине Руссо.

Так продолжалось довольно долго.

Это было страшное и трогательное зрелище. Гаврош под обстрелом как бы поддразнивал врагов. Казалось, он веселился от души. Воробей задирал охотников. На каждый залп он отвечал новым куплетом. В него целились непрерывно и всякий раз давали промах. Беря его на мушку, солдаты и национальные гвардейцы смеялись. Он то ложился, то вставал, прятался за дверным косяком, выскакивал опять, исчезал, появлялся снова, убегал, возвращался, дразнил картечь, показывал ей нос и в то же время не переставал искать патроны, опустошать сумки и наполнять корзинку. Повстанцы следили за ним с замиранием сердца. На баррикаде трепетали за него, а он — он распевал песенки...

Но одна пуля, более меткая или более предательская, чем другие, в конце концов настигла этот блуждающий огонек. Все увидели, как Гаврош вдруг пошатнулся и упал наземь. На баррикаде все вскрикнули в один голос; но в этом пигмее таился Антей; коснуться мостовой для гамена значит то же, что для великана коснуться земли; не успел Гаврош упасть, как поднялся снова. Он сидел на земле, струйка крови стекала по его лицу; протянув обе руки кверху, он обернулся в ту сторону, откуда раздался выстрел, и запел:

Я пташка малого размера,
И это по вине Вольтера.
Не могут на меня лассо
Накинуть по вине...

---

[1] Вольтер (1694—1778), Ж.-Ж. Руссо (1712—1778) — великие французские писатели и философы. Резко осуждали феодально-абсолютистский строй. Они сыграли огромную роль в идейной подготовке Великой французской революции.

[2] «Серсо» по-французски «обруч». Так называется игра, в которой участники поочередно ловят на палку бросаемые соперником обручи.



Рисунок Г. ГУСАРОВОЙ.

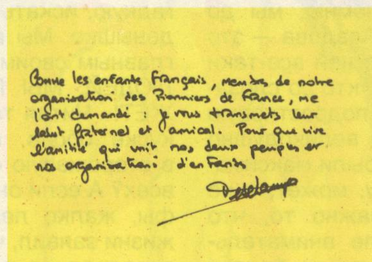
Он не кончил песни. Вторая пуля того же стрелка оборвала ее навеки. На этот раз он упал лицом на мостовую и больше не шевельнулся. Маленький мальчик с великой душой умер».

«ВЗЯТЫ ЕЩЕ НЕ ВСЕ БАСТИЛИИ...»

В начале нынешнего года во французской столице появились красочные плакаты-объявления: такой-то 1789 года разыскивает своего однофамильца 1989 года. Понятно, что живший 200 лет назад рабочий, крестьянин или буржуа подобного объявления по известным причинам дать не может. Это придумали организаторы юбилейных торжеств. Каждый, кто сумеет доказать родство с участником Великой французской революции, получит право выйти на демонстрацию в костюме предка. И, говорят, французы с увлечением занялись изучением родословных. Ищут свои корни и французские пионеры — ведь они прямые наследники гаврошей, их неукротимого мятежного духа.

«Пионеры Франции» — одна из самых крупных детских организаций в Западной Европе. В ней семьдесят тысяч членов. Большинство — дети рабочих. Но организация открыта для всех. Отряды пионеров действуют по месту жительства ребят или в рабочих клубах. В нынешнем году, когда вся Франция отмечает 200-летие своей Великой революции, дети стремятся понять, почему и во имя чего она произошла.

— Мы хотим помочь им в этом,— говорит генеральный секретарь «Пионеров Франции» Жан-Марк Дешамп.— Ведь в начальной школе этот отрезок истории вообще не изучается. А в книгах, что попадают к ребятам, или в телепередачах он не всегда объективно освещается. Между прочим, французское телевидение показало «судебный процесс» над Людовиком XVI, который был казнен в январе 1793 года. И большинство зрителей высказалось за то, чтобы оправдать его.


Comme les enfants Français, membres de notre organisation des Pionniers de France, me l'ont demandé : je vous transmets leur salut fraternel et amical. Pour que vive l'amitié qui unit nos deux peuples et nos organisations d'enfants

Мы используем юбилей для того, чтобы привлечь внимание общества к положению детей в стране. Во время Великой французской революции у крестьян были специальные тетрадки, куда они записывали свои просьбы к королю. А что, подумали мы, если такие тетради завести пионерам. С юбилейной обложкой, которая как бы подчеркнет преемственность революционных традиций. А ребятам предложили вписать в них свои требования — не просьбы, а именно требования, предъявляемые властям.

Мы считаем, что взяты пока еще не все Бастилии, в переносном смысле, конечно. Одна из них безработица. Скажете — не детская проблема? А на наш взгляд, она имеет прямое отношение к детству. С юных лет наши ребята видят, как страдают их отцы, лишившиеся работы. И у них самих появляется страх перед будущим, ведь их тоже может постичь та же участь. Поэтому, выступая за ликвидацию безработицы, мы боремся за будущее сегодняшних пионеров, да и всех детей.

Далее. В нынешнем году исполняется тридцать лет Декларации прав ребенка ООН, которая провозгласила, что человечество обязано давать ребенку лучшее из того, что имеет, что эксплуатация детей недопустима, что каждый мальчик и каждая девочка должны своевременно получать медицинскую помощь и т. д. Везде ли все это осуществлено на деле? Даже в развитых странах не всегда. Осенью Генеральная Ассамблея ООН собирается рассмотреть Конвенцию о правах ребенка. А потом каждая страна, которая проголосует за нее, должна будет ратифицировать этот документ, чтобы он приобрел силу закона. И вот у нас уже сейчас находятся люди, которые утверждают, что такая конвенция, мол, нужна лишь отсталым странам, что у нас-де и так все прекрасно. А мы считаем, что и Франция должна присоединиться к конвенции. Об этом тоже пишут пионеры в своих тетрадях.

— Мы хотели бы,— добавил Даниель Живер,— чтобы читатели «Пионера» узнали, с какой болью восприняли их французские друзья известие о землетрясении в Армении. Тысячи членов нашей организации передали в национальный комитет помощи пострадавшим от землетрясения деньги, одежду, обувь, одеяла. И написали много-много писем, чтобы поддержать армянских детей, оказавшихся в беде.

На прощание Жан-Марк Дешамп написал: «Выполняя просьбу французских детей, членов организации «Пионеры Франции», передаю вам братский привет. Да здравствует дружба, которая связывает народы наших стран и наши детские организации».

Н. ТАРАСЕНКО

Валерий ХИЛТУНЕН

Почему жизнь «по законам братства» двадцать лет назад пришлась не ко двору

В шестидесятые годы коммунаров клевали со всех сторон. Иногда по-глупому, тогда мы просто не слушали, пропускали мимо ушей всякую чепуху, что нам говорили. Но иногда на коммунарские сборы забредали и наши умные враги, которые, оглянувшись по сторонам, начинали ехидно высмеивать и лозунги наши, и песни...

Ну, с песнями было проще — мы с удовольствием устраивали «Суды над песнями», где дотошно разбирались, стоит ли вот этот текст, написанный поэтом таким-то, считать песней или лучше держаться от этих слов подальше, чтобы не испортить свой вкус. Как правило, приговор суда, в какой бы шуточной форме он ни выражался, потом исполняли неукоснительно. Мы не были пуританами, на сборах звучала масса таких песен, частушек, от которых совсем уж рафинированные девочки могли и покраснеть. Мы не придирались к текстам, которые вполне были бы уместны, скажем, в русской деревне, на молодежных посиделках. Но я никогда не слышал, чтобы на сборах пели что-нибудь вроде «Это время гудит — БАМ» или «Есть у нас, у советских ребят, нетерпенье особого рода». Если бы такое зазвучало, то немедля по сбору пошли бы гулять пародии, едко высмеивающие эти конъюнктурные, насквозь лживые тексты, и заработал бы на полную катушку суд, впрочем, такое и судить-то неинтересно. Суду приходилось заниматься более сложными задачами: помню, мы до хрипоты спорили, вот, скажем, поэзия Асадова — это совсем никуда не годится или что-то в ней все-таки есть? И обязательно находился кто-то, кто со слезами на глазах всерьез отстаивал свою подростковую любовь к Асадову, и, бывало, что суд великодушно соглашался. Не судите нас строго, мы были максималистами, и наше отношение к Асадову, может, и не очень-то правильно, но нам было важно то, что вердикты эти выносил **наш** суд после внимательного рассмотрения дела, и никто из нас не боялся быть смешным или глупым, отстаивая **свою** точку зрения.

Впрочем, самые яростные баталии на суде разгорались по поводу действительно сложных текстов. Так я до сих пор и не решил для себя, как относиться вот к этой примечательной песне, написанной, как говорят, совсем юным автором. Слова там такие: «он не был честен, не был смел и лгал друзьям не раз — но на трубе играть умел, как ни один из нас...», «он у друзей горбушки крал и хлеб он прятал свой — но на трубе он так играл, что мы бросались в бой». Ну и так далее — про человека, который, если посмотреть на него под одним углом зрения, окажется подлецом и мерзавцем, а ежели под другим — то ведь так просто и не скажешь. В мире всегда было много талантливых и даже гениальных подонков... Но мы-то, мы, совсем еще несмышленые, штурмом пытались взять и эту философскую высоту, и другую...

К судам нашим, к политбоям была масса претензий у комсомольских работников: «Вы понимаете,— говорили они,— вот вы устроили политбой между «американскими журналистами» и «советской прессой», а уверены ли вы, что наверняка победят наши? Ведь критиковать-то легче, вот и окажется, что побьют, побьют в дискуссиях нас империалисты». Мы гордо отвечали: «Раз побьют, другой, третий — а потом мы разозлимся и научимся!» И вот ведь странное дело — так оно и выходило! Среди бывших коммунаров, которые свои полемические навыки оттачивали на сборах, сегодня я вижу тех, кто не боится вступать в дискуссии на самых людных митингах. И с грустью выслушиваю тот жалкий лепет, которым пытаются отбиваться от иностранных сверстников наши ребята на международных сменах в «Артеке».

Нас обвиняли в «релятивизме» — в том, что мы одинаково успешно можем доказать и вред пьянства, и его пользу, что коммунары беспринципны, поскольку сегодня они играют роль адвоката, завтра — прокурора, на таком же процессе... А мы ведь делали самую важную, быть может, самую сложную работу, на которую только и способна душа человеческая: учились понимать другую душу, пусть даже чуждую, гадкую, искать человеческое там, где его совсем на донышке. Мы ведь были по рукам и ногам связаны главным своим лозунгом «НАША ЦЕЛЬ — СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ, МЫ ПОБЕДИМ — ИНАЧЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!» Читая такое, написанное четкими буквами на куске обоев, некоторые из педагогов прямо-таки в сторожевую стойку вставали: как так? Счастье — всех? А если он — фашист? Мы, малолетние философы, жалко лепетали в ответ, что Маркс в конце жизни заявил, что всю свою жизнь он то и делал, что проверял на прочность девиз, в который влюбился в юности: свободное развитие каждого как условие свободного развития всех. Что Энгельс, тоже на склоне лет, заявил: если бы хотя бы один человек на земле не был потенциальным коммунистом, то все наши тексты, документы, манифесты можно было по ветру развеять. Нам отвечали, что все это не очень убедительно, все это нужно еще сто раз проверить, и вообще надо бы присмотреться к людям, которые толкуют об общечеловеческом гуманизме, а не о классовом.

Сейчас-то, из восьмидесятых, все это чепухой кажется — взять да прихлопнуть такого оппонента газетой, в которой черным по белому написано, что общечеловеческие ценности важнее классовых. Но, напоминаю, до времени, когда эти слова будут писаться в «Правде», было еще двадцать лет.

Мы так решили: чтобы не смущать слабонервных,



законы наши на стенах писать не будем. Пусть это будет вроде как устное творчество. Когда я попал на сборы, а было это уже на склоне тогдашнего коммунарства, во второй половине шестидесятых, нам «старики» объясняли, что законы вообще-то есть, но их лучше запомнить, принять сердцем, а на стенах писать — это излишне...

Я не уверен, что правильно напишу тот лозунг, который практически всегда вызывал наибольшее число нареканий в наш адрес, знаки препинания тут каждый расставлял по собственному разумению: КАЖДОЕ ДЕЛО — ТВОРЧЕСКИ, ИНАЧЕ — ЗАЧЕМ? — но сколько же было споров-разговоров! Особенное негодование вызывал этот безобидный хвостик «иначе — зачем?». Как это — зачем? А если дело и нельзя сделать творчески, если оно для своего выполнения требует аккуратности, усидчивости, воли, ну тех качеств, которые вдалбливает в своих питомцев школа,— тогда, значит, можно и не делать? Можно и в школу не ходить, если она на ваш взгляд устроена недостаточно творчески?

Если честно, то нам действительно было тесно в рамках школы. Особенно сразу после сборов с их вольницей и веселыми мозговыми атаками, погружениями в культуру... Наши старшие товарищи, будучи людьми честными, не врали нам про необходимость всеобщего среднего образования, про то, что каждый культурный человек-де просто-таки обязан получить аттестат зрелости. Нам говорилось другое: изволь закончить школу с золотой медалью, потому что всякому культурному человеку освоить этот примитивный курс наук, который называется школьной программой,— это, в общем, раз плюнуть, а если золотой медали у вас не будет, то родители и учителя предъявят претензии клубу: вот, мол, коммунарство ваше, которое лишь отвлекает человека от настоящего дела, то есть от учебы на благо страны. Я понимаю, что теперь, в восьмидесятых, это непри-

Рисунок В. БУРМИСТРОВА.

тязательное лукавство не прошло бы, но мы и впрямь кончали школы с золотыми медалями. У нашего клуба, помню, была длиннющая галерея фотопортретов медалистов, но мы их, конечно, вовсе не за то любили, что они были отличниками, а за то, что, несмотря на всю свою увлеченность и загруженность действительно важными делами, наши замечательные Гена, Саша, Коля умудрились еще и медали отхватить, причем без дураков, честные и сполна обеспеченные знаниями. Практически мы все без труда поступали в вузы, многие получили красные дипломы. Можно, конечно, упрекнуть наш клуб в том, что он собирал элитарную часть старшеклассников — усердных, прилежных... Если бы! Лично бы я на учебу махнул рукой задолго до окончания десятого класса, но «честь марки» удерживала: не хотелось, чтобы по моему поводу хоть малейшие неприятности возникали у людей, которых я боготворил тогда.

Конечно, на самом-то деле нужно было попытаться перестроить школу на коммунарских началах, но тогда, в шестидесятых нам это было не по плечу. Мало нас было, мало, и к голосу нашему не прислушивались. Редко кто из директоров соглашался даже просто терпеть шумную ораву коммунаров во вверенной ему школе. А уж доверить нам учебный процесс — никогда! Так вот мы и раздваивались, а то и растраивались: были уроки, были скучные заседания комитета комсомола, а были — сборы! Некоторые из нас становились заядлыми «наркоманами» сборов, считая, что только там жизнь. Была, помню, песня, переиначенная из той, что пели в кинофильме «Земля Санникова»: «Есть только сбор, за него и держись — есть только сбор между прошлым и будущим, и именно он называется жизнь... Призрачно все в этом мире бушующем...»

Нам здорово доставалось за эту так называемую «сбороманию». Даже на собраниях комсомольских разбирали, объясняли: хорошо вам, в лагерях актива, среди своих, в праздничной обстановке — а вы попробуйте в будни да каждый день... А я стоял, слушал и внутренне зевал. Свою порцию коллективности, да еще какой, высококачественной, первосортной, я получал на сборе, а оставшееся время мог вообще пребывать в гордом одиночестве, в библиотеке — и все равно бы не стал индивидуалистом, потому что уже своими глазами видел, своими печенками чувствовал, что это такое — жизнь, устроенная по законам братства! По сравнению с этой жизнью смешным и убогим казалась так называемая «общественная работа» — все эти малоинтеллектуальные заседания, советы, выколачивание комсомольских взносов у ребят, которые задавали тебе резонный вопрос: а какая разница — комсомолец я или нет? И что тут можно было ответить? Что-нибудь вроде: «Как тебе не стыдно? Ты же писал в заявлении, что хочешь быть в первых рядах...» Но от этой демагогии меня самого тошнило... Впрочем, у меня-то ведь было хотя бы одно преимущество перед всеми школьными комсоргами: я мог звать с собой в коммуну, на сборы тех, кто особенно остро чувствовал несоответствие между лозунгом и делом...

Я очень хочу верить, я очень надеюсь, что перед коммунарами восьмидесятых не будут стоять эти проклятые вопросы, в которых мы путались в шестидесятых: коммунар — это лучший из пионеров (комсомольцев) или это вообще что-то совсем иное? Можно ли быть коммунаром, не будучи ни пионером, ни комсомольцем? Какую позицию нужно занимать в школе, где тебя не то что не понимают, а и вовсе не хотят слушать?

Но давайте об этом поговорим в следующий раз...



Как вы знаете, в прошлом году одна из ежегодных премий «Пионера» была присуждена голландской писательнице Элс де Грун. В январе Элс приехала на торжественное вручение. Ее ждали выступления на радио, телевидении, интересные экскурсии... Но Элс нервничала. «Культурная программа подождет,— говорила она,— мне необходимо встретиться с армянскими детьми. Я привезла им письма и подарки». И вот с огромными полиэтиленовыми мешками, где лежали подарки, мы отправились на встречу с детьми из многострадальной Армении. Результатом этой поездки стала статья Элс в популярном в Голландии журнале «HN». Теперь эта статья публикуется в «Пионере». Нам кажется, вам будет интересно знать, как увидели боль и трагедию Армении ваши сверстники из Голландии, как рассказывала им об этом писательница Элс де Грун.

Николай ЛАММ

«МЫ ПРЫГАЛИ С ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА» —

ЭЛС ДЕ ГРУН В РАЗГОВОРЕ С АРМЯНСКИМИ ДЕТЬМИ ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ



В конце прошлого года ужасная новость о землетрясении в Армении достигла Голландии. В газетах, в журналах, на экранах телевизоров вы видели руины городов, людей, греющихся у костров возле этих руин, извлеченных из-под развалин детей и взрослых, вещи, собранные в разных уголках мира для помощи пострадавшим.

Сегодня, с течением времени, кажется, что беда Армении понемногу забывается. Но боль в сердцах остается!

В городе Бенеком живет русская женщина Татьяна Пулман. Вскоре после землетрясения она пришла в Оранжевую школу. Так называется школа, где учится ее дочь.

— Как вам понравится идея,— спросила она у ребят,— чтобы дети здесь для детей там, в Армении, что-нибудь написали и нарисовали?

Ученики Оранжевой школы немедленно согласились с этим предложением.

— Мы тут же начали что-то рисовать,— рассказал мне одиннадцатилетний Йоган Богдим.— Но сначала нам надо было, конечно, немножечко подумать, что бы такое изобразить. И я придумал. Нарисовал двух кукол. Одна — в армянском костюме, другая — в голландском. Я хотел показать: надо дружить и не бросать друга в беде. Армяне многое потеряли, а у нас так много всего, с чем мы могли бы запросто расстаться и подарить им. Я каждый день повсюду читал о событиях в Армении и могу себе представить, как испугались дети, когда стены их класса рухнули. Иногда видишь в новостях какое-нибудь ужасное событие, но ты ничего не можешь сделать, ничем не можешь помочь... А тут, послав попавшим в беду наши письма, рисунки и подарки, мы хоть как-то попытались их поддержать. И пусть смешно писать письмо тому, кого ты ну совершенно не знаешь, но это каждого из нас сделало счастливее.

КУРЫ, РЫБЫ И ЯЙЦА

А вот рассказ ровесницы Йогана — Ноор ван Муисвикель:

— Я не знала, что бы такое написать. Но учитель сказал: «Напиши о своем доме». И я, по-моему, сочинила немножко ненормальное письмо: у нас в доме есть куры, которые каждый день приносят по яйцу, также у нас есть рыбы, но они не приносят яйца. На моем рисунке два флага. Советский и голландский. Их держат две руки. Раньше я не знала, как выглядит советский флаг, но учитель показал его мне. Вся эта работа: рисование, писание, сбор подарков — заняла у нас полторы недели. Помимо письма и рисунка, я послала красивые наклейки, маленького котика и браслеты.

Йоган с друзьями собрали в школе карандаши, точилки для них, ластики. А многое, конечно, принесли из дома. Йоган, например, притащил кубик Рубика, другие ребята ручки, брелоки, подушечки для печати, игрушечные машинки и т. д.

А так как я собиралась в Москву, то оказалась самой подходящей фигурой на роль почтальона. Но с этими тремя мешками игрушек, писем и рисунков я чувствовала себя скорее не почтальоном, а рождественским Санта-Клаусом.

И вот 25 января вместе с редактором журнала «Пионер» и переводчицей Наташей мы едем мимо живописных снежных полей за сто километров от Москвы в дом отдыха «Дружба».

Над нами пронзительно голубое небо, поблескивает на солнце снег, а воздух будто светится сквозь черные ветви деревьев.

Обычно люди проводят в «Дружбе» свои отпуска, но сейчас весь дом отдыха отдан армянским детям и их родителям.



— У нас живут семьдесят детей,— рассказывает Валерий Васильев, директор дома отдыха.— Скоро будет еще больше. Большинство из них здесь со своими мамами и бабушками. Отцы остались дома, чтобы разгребать руины и строить новые дома. К нам еще никогда не приезжало такое количество детей. Поэтому многое пришлось придумывать и организовывать заново. Для самых маленьких сделали игровой зал. Для старших — музыкальные классы. Хотим создать и зал армянских народных танцев. Также хотим проводить дни армянской кухни. Ведь ребята привыкли к ней и скучают по своим любимым блюдам. Днем в доме остаются только малыши и взрослые, а ребята постарше отправляются на автобусе в школу, где, кстати, два раза в день получают бесплатную еду. Что, на мой взгляд, тоже немаловажно.

ПОДЕЛИТЬ

После разговора с директором я оказалась в помещении, где находилось приблизительно пятьдесят детей. «Не надо все сразу раздавать»,— попросил Валерий Васильев. Но как прийти к детям с мешками и не открыть их?! Как же можно рассказать о подарках — а я, конечно, о них рассказала — и не подарить? И я начала дарить.

Здесь были ребята от 7 до 16 лет из Кировакана и Ленинакана. Но подаркам радовались все независимо от возраста.

Правда, один маленький мальчик очень расстроился. Все его товарищи получили по машинке, а ему не досталось. И тогда редактор «Пионера» залез рукой снова в пластиковый мешок и, к нашей всеобщей радости, обнаружил еще одну машинку.

Большие подарки мы отдали в игровую комнату. Пусть они станут для всех сразу служить, чтоб никому не было обидно. А письма Оранжевой школы мы читали вслух. Те же, которые не успели прочесть, раздали ребятам. И они обещали обязательно ответить.

И тут наступила самая тревожная минута: я попросила рассказать о трагедии.

КОШМАР!

К моему изумлению, рассказать об этом захотели многие. Видимо, им пришло время выговориться. Они говорили быстро и почти без эмоций, как будто говорили не о пережитом, а рассказывали содержание прочитанной книги.

— Когда стали падать стены,— говорит 15-летний Артем,— я подумал, что это только наша школа раскалывается. Ну, потому что здание было не в очень хорошем состоянии. И теперь меня переведут в другую ленинаканскую школу. Но когда я выскочил на улицу, то увидел вокруг множество обломков домов. Тогда я понял, что разрушено все. Мой друг сказал мне, что их дом больше не существует. Не все дети успели выскочить из школы. Из 46 ребят моего класса выскочил только я. Многие пытались помочь другим. Наш учитель физкультуры спас 50 детей, но после сам погиб под руинами. Почти все младшие школьники погибли. У меня все остались живы. Отец остался работать в Армении, а я здесь с мамой. Не могу себе представить, что погибло столько моих друзей. Я думал, это кошмарный сон и что я скоро проснусь. Честно говоря, я и до сих пор так думаю. Просто не могу поверить, что их уже нет.

ПРЫГАТЬ!

— Я тоже находился в школе,— рассказывает 15-летний Николай.— У нас была литература, и мы все почему-то очень нервничали. Может, у нас было какое-то предчувствие? Мы плохо отвечали, и учительница очень сердилась. Как раз в тот момент, когда она давала новый материал, случился первый толчок. Она попыталась нас успокоить, говорила, что второго не будет, но тут снова толчок. Он оказался намного сильнее. Все побежали к выходу. Там невозможно было выскочить, мы начали прыгать со второго этажа вниз и отбегать как можно дальше от школы. Через две или три минуты произошел третий толчок, но мы уже были на улице. Я тогда заметил, что девятиэтажных домов поблизости просто не существует. Они исчезли. Над городом клубились лишь тучи пыли. Я побежал домой. Наш дом снаружи не был разрушен. Но внутри оказались одни развалины.



Насколько я знаю, в Армении могут быть еще землетрясения, но я хочу обратно. Там — моя родина.

ДУРНОЙ СОН

16-летняя Нарине должна была сделать еще более страшный прыжок, чтобы спасти себя и других.

— Когда началось землетрясение,— рассказывает она,— учитель закричал, чтобы мы покинули класс. Только мы выбежали в коридор, как увидели, что все порушено. Мы стали хватать маленьких детей и прыгать с ними с третьего этажа. Они были так напуганы, что сами себя спасать не могли. Погибли родители многих моих друзей. Я тоже думаю, что это был дурной сон.

Как видите, у Нарине и Артема очень похожие ощущения. Много общего у Артема и с Николаем. Такое же чувство нервозности, предчувствия какой-то беды. Артем злился на друзей в тот день, спорил с ними, раздражался из-за мелочей, чего с ним раньше никогда не бывало.

Анаит, школьница 16 лет, предполагает, что такое ощущение у ребят возникло из-за невероятно сильного тумана, повисшего над городом. И этот туман пах как-то очень противно.

— Но когда прошло землетрясение,— вспоминает Анаит,— туман рассеялся. Было очень много пыли, но небо стало голубым. Я с родителями жила в Ленинакане, и наш дом просто превратился в полную труху. Поэтому мы отправились к родственникам в деревню. Но после нового толчка развалился и их дом. Мы не могли от испуга даже заснуть, так были напуганы. Никогда не смогу забыть тех людей, которых потеряла: моих одноклассников и тех, кто учился в младших классах. Мне повезло! Мои родители живы, и мы собираемся в Армению. Но даже если бы родителей не стало, а у меня спросили бы, где я хочу жить, я ответила бы — в Армении.

Теперь, когда я читаю в Голландии записи этих бесед Ноор и Йогану из Бенекома, в комнате становится совсем тихо.

Кто знает, ходит ли Анаит с браслетами Ноор? Или играет ли Артем в кубик Рубика Йогана? На письмах из Оранжевой школы наклеены адреса, чтобы армянские ребята смогли рассказать об этом.

Йоган надеется, что они ответят: «Мне, конечно, хотелось бы узнать, понравилось ли то, что мы послали».

Надеется на ответ и Ноор: «Мне хотелось бы знать, что с ними теперь?»

Элс де ГРУН

Виктор РЫБИН РАССКАЗ

КЕЙС



Вовке Коробейникову отец подарил кейс — чемоданчик из черной фибры с хромированными уголками и замками. Отец плавает на торговом пароходе помощником капитана. Раньше он привозил из-за границы майки с картинками или жевательную резинку. А теперь вот кейс.

— Зачем ему такой сундук? — возмутилась мать.— У него же есть портфель.

— Портфель на свалку не жалко выбросить,— сказал отец.— Четвертый год его таскает.

Мать, однако, не сдавалась.

— Ладно бы в десятом учился. А то ведь только в четвертый перешел. Думай своей головой, что ты делаешь? Зачем ребенка балуешь?

Она, может, еще что-нибудь бы сказала, что-нибудь такое, отчего отец передумал бы дарить Вовке дорогой подарок. Но тут отец вынул из чемодана джинсовую, всю в складках и карманах, юбку. И мать замолчала.

— Портфельчик что надо! — сказал отец, кивая на кейс.— На сто лет хватит. Смотри, чтоб в нем были одни пятерки и четверки, понял?

— Понял,— пробормотал ошалевший Вовка. Такие шикарные чемоданчики-портфели он видел только у студентов и у начальников, которых возят на черных «Волгах», и уж никогда не предполагал, что сам будет обладателем замечательной вещицы.

— Между прочим, здесь есть шифр,— сказал отец, указывая на три ребристых колесика с черными цифрами.— Это чтобы кто-нибудь чужой не открыл твой чемодан. Вот, например, выбрал я код 555, установил его на колесиках,— отец крутнул колесики, и на ребристых боках выплыли три пятерки,— а теперь закрыл,— отец щелкнул замком,— и расстроил свой шифр.— Отец крутнул колесики, убирая пятерки.— Теперь открой!

Вовка попытался открыть, но не тут-то было! Стальные хромированные челюсти были намертво сцеплены замками.

— А теперь я! — подмигнул отец. Он крутнул колесики, разыскал три пятерки и нажал на клавиши замков. Щелчок, и кейс открылся.

На следующее утро Вовка тщательно готовил кейс к школе. Первым уроком была физкультура. Раздевалка в спортзале не работала, потому что подтекали батареи, и ученики переодевались обычно в классе. Вовка решил упростить себе задачу. Он дома надел спортивное трико и кеды, а школьную форму и ботинки засунул в кейс. Потом набрал код и закрыл кейс на секретный замок. Если есть шифр, то почему бы им не воспользоваться?

Пока шагал в школу, не переставал думать, какой же все-таки замечательный подарок сделал ему отец. Вместительный — кроме учебников, тетрадей, дневника, в кейс вошла вся школьная форма вместе с ботинками. Крепкий — на нем вполне можно сидеть. И по голове трахнуть тому же Сиделкину — считай, кирпич прилетел со второго этажа! А самое чудесное из всех достоинств — конечно, шифр. Теперь и учебники стянуть на перемене никто не сможет. И брюки мелом не разрисуют, пока на физкультуре потеешь... В общем, прекрасная будет жизнь!

Не счесть, сколькими завистливыми взглядами и вздохами встретили Коробейникова в школе. Кто ни заходил в класс, изумленно вскрикивал:

— Ух ты-ы, вот так портфель!

На что Вовка отвечал:

— Такие специально для дипломатов делают. Чтобы секретные документы никто не похитил.

— А как это?

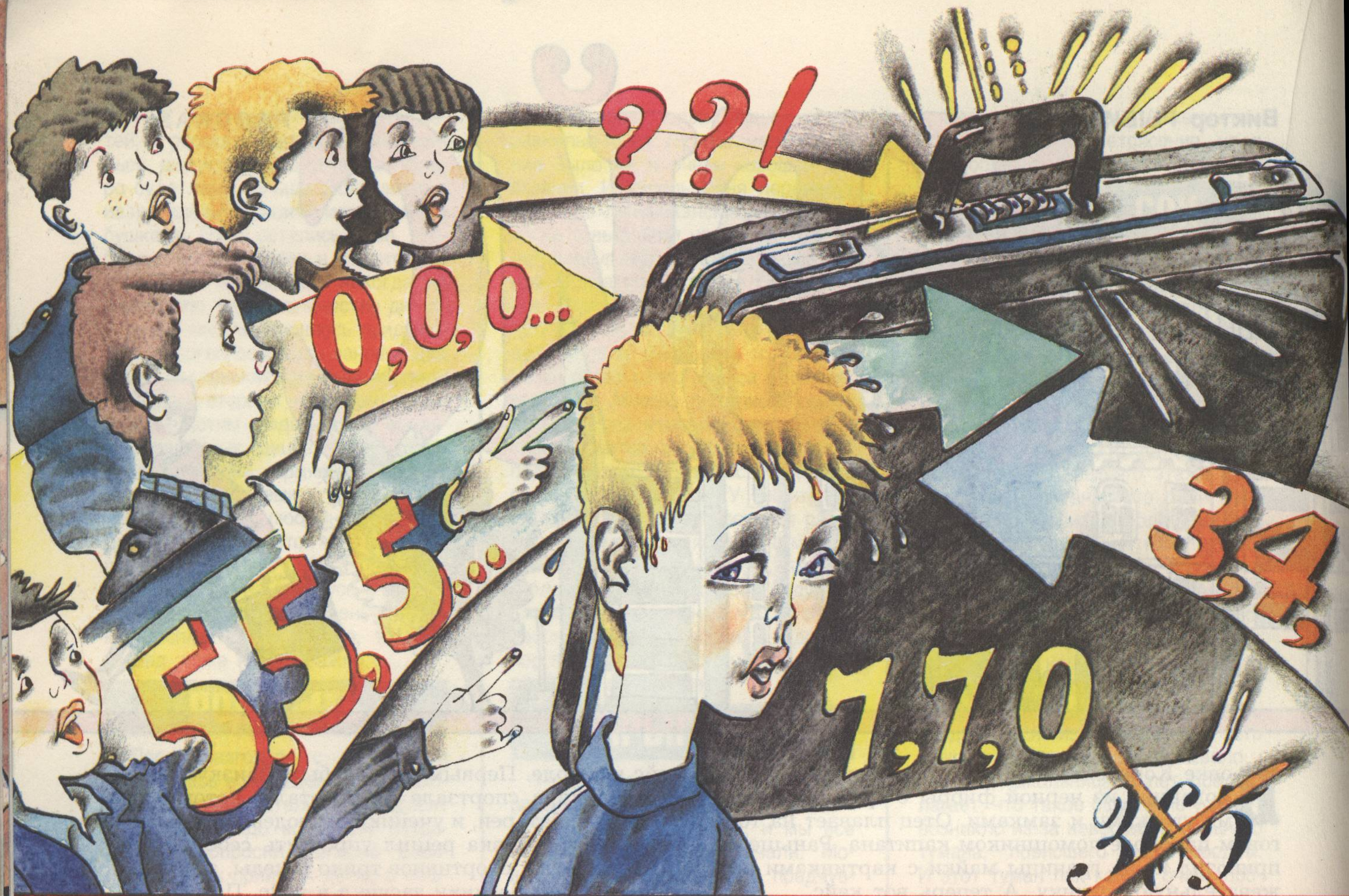
— Здесь шифр есть,— пояснял Вовка.— Под ручкой, на колесиках. Я загадал три цифры — код, значит,— и закрыл замок. И никто из вас его не откроет.

— А какой ты загадал код?

— После физкультуры скажу. И покажу, как открывается.

Физкультура тянулась долго. Наверно, оттого, что выполняли нелюбимую акробатику. Учитель Павел Сергеевич подолгу объяснял, как сделать кувырок вперед и назад, «колесо», стойку на лопатках и руках... Потом так же долго агитировал желающих повторить упражнение.

Добровольно повторять никто не соглашался. Тогда Павел Сергеевич вызывал «желающего» по журналу.



Коробейникову выпало повторить прыжок через коня, ноги врозь. Он разбежался и... остановился. Страшно. Слишком высоким показался конь.

— Еще раз,— приказал Павел Сергеевич.

Вовка разбежался и... опять остановился.

— Хочешь двойку в дневник?

Вовка вновь разбежался, оттолкнулся от упора, закрыл глаза и... под оглушительный смех мальчишек шлепнулся на мат. Прыгнул он высоко, да забыл сделать «ноги врозь».

— Слабовато,— проворчал Павел Сергеевич.— Тройка! Давай дневник.

— А дневник у меня в классе...

— Неси,— прищурился Павел Сергеевич.— Думаешь, только для пятерок твой дневник?

Ох как не хотелось бежать за дневником. Вовка лучше бы еще сто раз перелетел через коня. И сто раз шлепнулся. Только бы не видеть тройку в дневнике. Он же обещал отцу получать одни пятерки и четверки. И что теперь отец подумает о нем? Что скажет? А если возьмет да и отнимет кейс?

В полном смятении Вовка крутнул колесики шифра и нажал на клавиши замков.

Замки не открывались.

Нажал сильнее — замки ни-ни.

Вовка ошеломленно посмотрел на цифры: 555. А почему 555? Это же код отца. У него же код другой. Только какой?

Вовка почувствовал слабость в руках. Забыл! Он забыл код!

Вовка сел за парту, положил перед собой кейс и впился глазами в колесики шифра. Он походил на заклинателя змей, дудочки и чалмы только не хватало.

В этом неподвижно-отрешенном состоянии заклинателя его и нашел Павел Сергеевич вместе с четвертым «А», шумно возвратившимся с физкультуры.

Через минуту класс гудел, как потревоженный пчелиный рой.

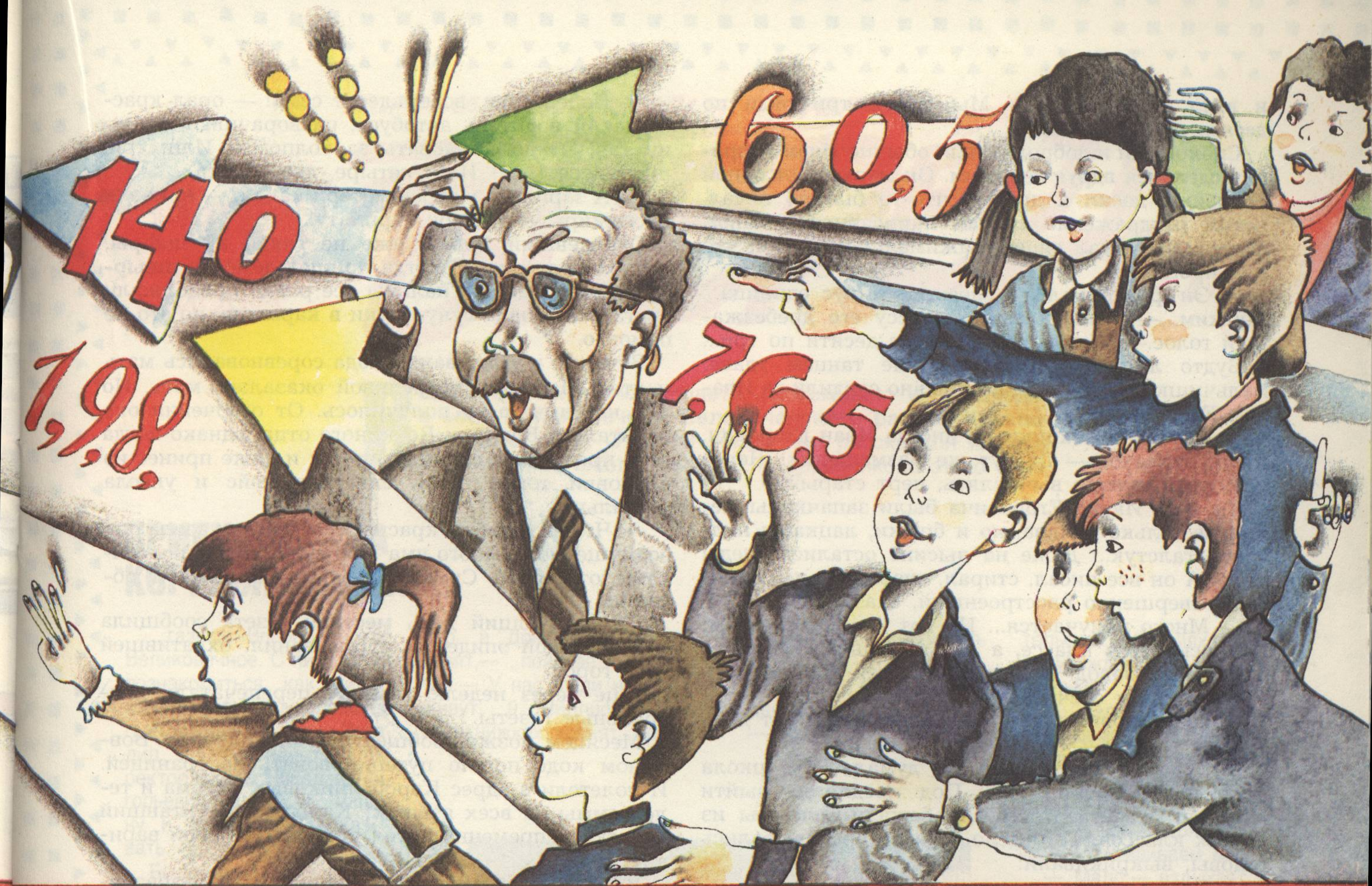
— А ну, дай я поищу шифр,— предложил Сиделкин. Толстые, заскорузлые, с набитыми мозолями и царапинами пальцы известного в классе драчуна вдавили колесики.— Та-ак,— пропел Сиделкин.— Начнем с ноль, ноль, ноль... Жмем... Нету! Тогда один, один, один... Жмем... Нету! Тогда один, один, два.... Жмем... Нету! Тогда один, один, три!.. Жмем... Нету!.. Тогда...

Прозвенел звонок на перемену. Потом другой — на урок. Незаметно удалился Павел Сергеевич. По чутким коридорам разнеслось эхо каблучков учительницы русского языка Елены Максимовны. А Сиделкин с упорством сумасшедшего крутил колесики и нажимал на клавиши замков.

Рядом с ним покорно сидел Коробейников. Лицо у него было как у язычника, которого приносили в жертву богам.

Елена Максимовна поначалу не приняла Вовкино несчастье всерьез. Розыгрыш, подумала. Просто, подумала, Коробейников не сделал домашнее задание, вот и придумал трюк с шифром. Однако вид худенького, нескладного, совершенно потерянного от горя Коробейникова, обтянутого синим спортивным трико, в конце концов растрогал Елену Максимовну. Прервав объяснение несовершенных форм глагола, она сказала неуверенно:

— Ну, успокойся, Вова! Всего три колесика на твоем чемодане — подберешь ты эти цифры. Возьми себя в руки и попробуй вспомнить шифр. Напряги память!



А между тем со всех концов класса шептали цифры и передавали записки.

— Сто сорок попробуй...

Это голос Сиделкина.

— Три тройки...

Это голос Ведякина.

— Семь, семь, ноль...

Это голос Верки Сахновой.

Коробейников крутил колесики, пристально вглядываясь в черные цифры, нажимал на клавиши замков и огорченно вздыхал: мимо!

На следующей перемене в четвертый «А» невозможно было протиснуться. Со всей школы бежали к Коробейникову мальчишки и девчонки. Даже заядлые курильщики из старших классов оставили свои «курилки» и, перекрикивая друг друга, тоже предлагали код.

— Семь, шесть, пять!

— Пять, шесть, семь!

— Три, четыре, три!

— Девять, один, девять!

— Три шестерки!..

Стихия отгадывания охватила и учителей. Они возбужденно переговаривались в учительской, и язык их был таким же таинственным, как язык заклинаний.

— Шесть, ноль, пять!

— Уже проверяли.

— Один, двенадцать. Это телефон в портовое управление к Коробейникову-старшему.

— Пробовали, бесполезно.

— Триста шестьдесят пять...

— ...дней в году? А в високосном — триста шестьдесят шесть!

— И что?

— Как видите...

— А девять — четырнадцать? С таким счетом наши пятой школе вчера в футбол проиграли...

— Тоже набирали. Не открывается!

— А... как-нибудь ножичком не пытались? Я в одном фильме видел...

— Пробовали. Сиделкин гвоздь согнул, а замку хоть бы что!

На уроке математики, который последовал после русского языка, учитель Иван Егорович решил сначала выяснить причину, по которой у Коробейникова отшибло вдруг память.

— Это от расстройства, что ему физкультурник тройку влепил! — уверенно сказал Сиделкин.

— Нет, это потому, что Коробейников с коня упал,— предположила Маша Завейкина, соседка Коробейникова по парте.

Иван Егорович погладил белой дряблой ладошкой лысину, тяжело опустился на стул.

— Ну, при падении память может и восстанавливаться,— сказал Иван Егорович.— Вот я в пятьдесят третьем году поскользнулся и упал на булыжную мостовую. И так стукнулся, что тут же вспомнил: я же керосинку дома не загасил! Всю дорогу до школы припоминал: что забыл сделать? Что-то важное, очень важное! А упал — и вспомнил! А такой, между прочим, пожар мог случиться...

— Что же, ему еще раз шлепнуться с коня? — Завейкина испуганно покосилась на Коробейникова.

Вовка готов был на все. Только бы помогло.

— Вот что,— сказал после некоторых раздумий Иван Егорович.— У нас в руках великие законы математики. Давайте-ка сосчитаем, сколько можно составить комбинаций из цифр на колесиках. Значит, так...— Иван Егорович подошел к доске

и взял в руки мел.— Мы имеем три ряда по десять цифр в каждом...

Спокойный и добродушный обычно Иван Егорович сделался вдруг нервным. Он метался от одной половины доски к другой, что-то быстро писал, потом раздраженно стирал написанное рукавом пиджака и писал снова, нажимая мелом так, что мел крошился.

— Эн факториал... а здесь эн минус единица... множим...— разносился по классу его дребезжащий голос.— Число сочетаний из десяти по три...

Будто лягушки, завороженные танцем удава, мальчишки и девчонки неотрывно следили за Иваном Егоровичем.

— Дурак! — вскрикивал иногда Иван Егорович, пугая девчонок.— Да тут же размещения! Через размещения надо вычислять, черт старый!..

Скоро у Ивана Егоровича были запачканы мелом не только рукава, но и брюки, лацканы пиджака, галстук... Даже на лысине остались следы мела. А он все писал, стирал, снова писал... Наконец, совершенно расстроенный, сказал:

— Много получается... Но вот что мы сделаем: вы посидите в классе, а я быстренько сбегаю на ремонтный завод. У них компьютер поставили — в две минуты сосчитаем!

Иван Егорович ушел, и в школе его в тот день уже не видели.

Об уроках никто уже не думал. Вся школа отгадывала Вовкин код. Под предлогом выйти в туалет к четвертому «А» бежали делегаты из других классов. То и дело в дверь просовывались головы, выкрикивали:

— Эй, ты, в трико, семь, семь, семь!..

Или подбрасывали записки — ими уже был усеян весь пол.

К концу пятого урока в школу приехал директор — он в десятый раз уговаривал шефов организовать компьютерный класс. Директор попытался наладить учебный процесс, но попытка провалилась: ни ученики, ни учителя не хотели даже думать о занятиях.

Все это походило на эпидемию. Казалось, какой-то таинственный вирус вылетел из пробирки в секретной лаборатории и проник на территорию школы. Опасаясь неизвестного вируса, директор закрылся у себя в кабинете и в полном замешательстве бросился звонить заведующему РУНО.

Заведующий будто только и ждал звонка. Едва директор открыл рот, на другом конце провода послышалось:

— Должна быть какая-то закономерность! Без закономерности ничего не происходит. Скажи своему Коробейникову, пусть пробует сочетания четных и нечетных цифр...

После уроков вся школа провожала Коробейникова домой, обрастая по дороге зеваками и новыми подсказчиками.

— Набери два, восемьдесят семь! — орал краснощекий водитель автобуса, разворачивая машину так, чтобы следовать за толпой.— Или: три, шестьдесят два! Или: четыре, двенадцать...

— А зарплата у твоей матери какая? — кричали пассажиры.— Набери зарплату!

Обалдевший Вовка, уже не глядя на цифры, крутил колесики. И когда пришел домой и швырнул кейс на диван, пальцы все равно продолжали двигаться. Вовка сунул руки в карманы, но это не помогло.

Вечером в угадывании кода соревновались мать и отец. Наиболее терпеливой оказалась мать. Но и у нее ничего не получилось. От огорчения она отчитала и Вовку, и Вовкиного отца, однако когда отец предложил взломать замок и даже принес из кладовки топор, мать схватила кейс и унесла в спальню.

— Чтобы сломать красивую вещь,— сказала она возмущенно,— много ума не надо! Вы мне колесиками откройте! Сумели закрыть, сумейте и обратно!

На следующий день местная газета сообщила о загадочной эпидемии отгадывания, охватившей весь город.

Еще через неделю заметку перепечатали центральные газеты.

Месяцем позже сообщение о злополучном Вовкином коде пошло путешествовать за границей. И полетели в адрес Коробейниковых письма и телеграммы на всех языках! Каждый прочитавший заметку непременно хотел предложить свой вариант кода.

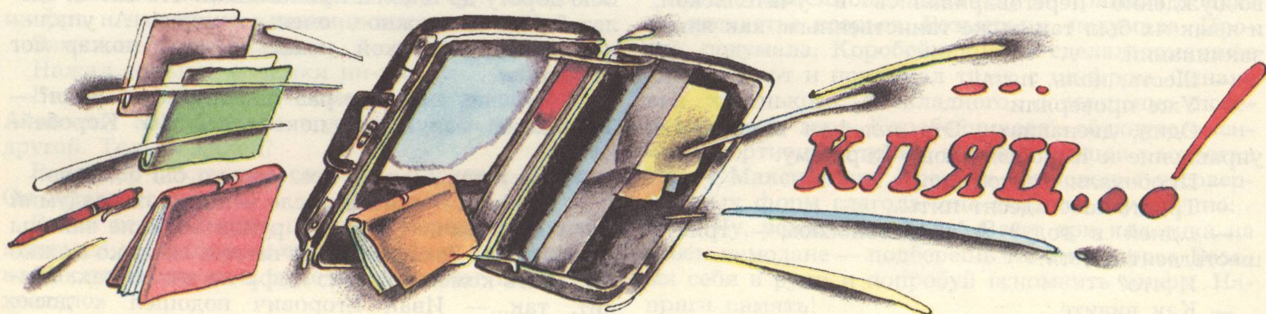
В разгар этой всемирной эпидемии, разразившейся по вине Вовки Коробейникова, пришло заказное письмо от английской фирмы «Кастэм»: «Дорогой сэр! Вы сделали самую лучшую рекламу изделиям нашей фирмы. Просим сообщить нам номер Вашего банковского счета, чтобы мы перевели Вам гонорар — 10 тысяч долларов. Мы также приглашаем Вас и Вашу семью посетить Англию с двухнедельным визитом. Все расходы оплачивает фирма. Единственное условие при этом — пришлите нам Ваш нераскрытый кейс для Музея Уникальных Вещей фирмы...»

Вовкино сердце от радости вырвалось из груди. Кровь гулко пульсировала в висках, производя легкое головокружение. На какой-то миг Вовке показалось, что он оторвался от пола и парит в воздухе. И чтобы удержаться в этом полете, он втянул голову в плечи и широко раскинул руки...

Из этого мимолетного оцепенения его вывел звук упавшего на пол кейса. Что-то жалобно кляцнуло в замках, что-то пискнуло, и кейс на глазах изумленного Вовки... открылся!

...Рассказывают, Вовка теперь снова пытается закрыть кейс на кодированный замок. Но пока ничего не получается.

Рисунки А. БОРИСОВА.



БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ВПЕРЕД

7/89

Все, о чем вы сейчас узнаете, происходило и происходит в **селе Великовечном Белореченского района Краснодарского края.** О своей жизни нам рассказали юнкоры восьмилетней школы имени В. Е. Дровяникова этого села.

ПРИЕХАЛИ ДВА КОРРЕСПОНДЕНТА...

...газеты «Вперед» в село Великовечное. С пионерами познакомиться, как живут, узнать, выпуск юнкоровской газеты подготовить. Посадил корреспондентов директор школы Николай Григорьевич Швец в машину и повез село показывать.

Было когда-то здесь два села — Великое и Вечное. Одно основали переселенцы из Воронежа, другое — с Украины. Теперь и села и их названия в одно слились: стало новое огромное село колхозом «Россия».

Двадцать километров дорог в Великовечном асфальтом покрыто.

Смотрим мы по сторонам — все дома кирпичные, новые, большие. Это в колхозе свой кирпичный завод есть, легко теперь строиться. На приусадебных участках — грядки под пленками.

— Огурцы люди выращивают и редиску. В Краснодар, в Донецк продавать возят,— поясняет директор.— У нас люди небедно живут, 9 миллионов на сберкнижках хранят, почти у каждой семьи своя машина.

— А детям на руки деньги дают?

— Много. Я уж на родительских собраниях и прошу и убеждаю: не давайте столько.

В селе Великовечном два Дома культуры, три школы и 1100 учащихся, два детских сада и три библиотеки.

— А как ребята читают? — спрашиваем мы.

— Мало,— вздыхает директор.

Еще в колхозе есть водолечебница. Здесь 30 лет назад нефть искали, а нашли целебную воду. Теперь со всей страны сюда люди лечиться едут, а великовеченцев, если кто захворает, принимают тут в первую очередь.

А вокруг села — 8 тысяч гектаров пашни, у околицы два коровника, за селом лес да речка. И шоссе в большой мир летит: в одну сторону — Краснодар, в другую — Майкоп, а там и Черное море, Сочи.

Ну что, где юнкоры наши живут, представили?



А ЧТО ЖЕ ВЗРОСЛЫЕ?

Проблема

За селом у нас речка течет. Мы там летом купаемся, рыбу ловим. И часто в воде напарываемся то на стекло, то на консервные банки...

— Что же это такое?! — однажды задумались мы.— Кто же тут мусор бросает?

И стали дежурных у реки выставлять. Оказалось, наши же односельчане ленятся вывозить мусор с участков на свалку и сбрасывают его прямо у реки. Весной, в паводок, вода смывает хлам в реку. Тогда стали мы берега чистить, таблички развешивать, что мусор тут бросать нельзя. Сейчас у сельсовета трактор просим, чтобы проезжал он по селу в определенное время, люди выносили из домов мусор, а трактор его на свалку отвозил.

У нас в лесу облепихи много. Так некоторые взрослые, особенно приезжие, не ягоды с кустов собирают, а прямо ветки ломают, охапками. Мы если видим это, в сельсовет заявляем. А что у нас вокруг лечебницы летом творится — ужас! Людей съезжается — сотни. Многие в палатках живут. Вокруг все вытопчут, замусорят. Свалка же в 100 метрах, только дорогу перейти, нет, все тут же и бросают.

Товарищи взрослые, нельзя же так! Как будто вы не на родной земле живете.

Нам стыдно каждый раз хватать вас за руку и вести в сельсовет.

Олег Федотов, 6-й класс,
Артур Ордуханов, 7-й класс.

БЕЗ ХВАСТОВСТВА

Баба Феня звонила!

У нас на Почтовой улице есть бабушка Феня — слепая от рождения. И дедушка Ваня без ноги, он потерял ногу. Живут вместе. И наш класс над ними шефствует. Мы картошку им копаем, воду приносим — вообще делаем, что им надо.

Таких беспомощных людей у нас по селу семнадцать человек. Это не только ветераны войны и труда, но и просто одинокие старики.

Еще у нас подшефная баба Феня, живет на улице Мира. Она ездит на коляске. Мы ей молоко носим из магазина. Нам для бабы Фени молоко без очереди дают.

Ходим мы к нашим старикам часто, когда им понадобится. Они нас вызывают по телефону, через соседей, а те нам передают: «Баба Феня звонила! Дед Ваня звонил! Они вас ждут».

Таня Колесникова, 5-й класс.



На руках — до Дома пионеров

Однажды я попала в наш районный Дом пионеров. Он находится в городе Белореченске.

Приехала в Дом пионеров за опытом, как вожатая октябрят. Знаете, очень грустно мне стало. Расположен Дом пионеров в центре города в одноэтажном сыром домике, который очень трудно протопить. Одна женщина утром приходит, колет дрова и топит печи. Директор Дома пионеров, методисты, руководители кружков — все сидят в одной комнате, так сыро и холодно в остальных. Тепло, наверное, только птицам: их клетки висят у самой печки... Тех ребят, которые приходят заниматься в Дом пионеров, весной и осенью взрослые переносят от калитки к порогу на руках. Кругом воды по колено, низкое место.

И я подумала: «Как же здесь можно заниматься? Как тут собирается пионерский штаб, размещаются танцевальный ансамбль, кружки, хор?»

Неужели нет никакого выхода? Дом пионеров — лицо пионерской организации в нашем Белореченском районе. Но смотреть на него сегодня не хочется.

Света Надирян, 6-й класс.



Примечание двух корреспондентов:
Вернувшись в Москву, мы решили узнать, как обстоят дела с сельскими Домами пионеров у нас в стране вообще.

И оказалось, что только 10% (!) районных Домов пионеров находятся в зданиях, специально для них построенных. А остальные — и в бывших избах, и в хатах, и в квартирах жилых домов, и даже, есть случаи, в бывших церквах. Примерно 600 районов и небольших городков Домов пионеров вообще не имеют. Может, и строились где-то Дома пионеров методом всенародной стройки, но мы только про один такой случай прослышали, и то это был не сельский Дом, а городской, в Даугавпилсе Латвийской ССР. Там и дети и взрослые выходили по субботам на строительство Дома пионеров во главе с первым секретарем горкома партии. Все предприятия города дали деньги, материалы, инструменты, приборы на оборудование Дома.

Так что же делать пионерам Белореченского района и пионерам многих других районов, где Дома пионеров требуют капитального ремонта или где их нет совсем?

Сегодня у них один путь: **писать в Советы, идти в Советы, теребить Советы.** Теперь Советы будут решать, что в районе, городе, поселке построить в первую очередь: Дом пионеров ли, баню ли, ресторан. А ребятам стоит серьезно подумать: надо ли принимать главу города или района в почетные пионеры, если проблемы детей его не волнуют.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Ждана

У всех на селе есть огороды, сады, гуси, куры, барашки... А у нашей семьи есть еще и корова Ждана.

До школы я не успеваю помогать по хозяйству маме, а после школы — да. Сначала сама поем, а потом иду к Ждане, чтобы дать ей корма. Доить пока не дою, но учусь этому, мне мама иногда показывает.

В селе Великовечном — общее стадо. У кого есть коровы, те и пасут по очереди это стадо. По селу набирается всякий раз до пятидесяти коров. Когда приходит наша очередь, я тоже пасу, но не одна, а с другими людьми. Стадо-то немаленькое! Масло, сметану, сыр мы делаем дома. А остатки молока сдаем в колхоз.

С коровой дома хорошо, какая жизнь в деревне без коровы?

Наташа Абрамова, 8-й класс.

ПАТЕНТ НА УДАЧУ

Как мы работали и что заработали прошлым летом

Работали как всегда — все ученики с 4-го по 8-й классы.
Собрали: 30 тонн кабачков, 7 тонн томатов.
Вырастили морковь на двух гектарах колхозной земли.
А также сдали 9 тонн металлолома, 430 килограммов макулатуры.
В итоге получили 638 рублей.
Купили для школы светомузыку «Вечер».
Уф.

ЗАСУХА

Ответ разочаровал

В прошлом выпуске газеты «Вперед» вы прочитали письмо Ирины Г. из Орла о том, что осенью учащихся их школы все-таки снимали с уроков ради работы в колхозе, хотя постановлением Министерства просвещения РСФСР это было запрещено.

С двух последних уроков снимали в прошлом сентябре и ребят из села Великовечное. Они в те дни приходили в школу уже в рабочей одежде, с ведрами, а после третьего урока их на автобусах отвозили в колхозные сады или на колхозные поля.

«Когда же нас, школьников, перестанут отрывать от занятий?» Этот вопрос, который звучит во многих письмах, наш корреспондент **Костя Степанов,** девятиклассник из Москвы, переадресовал главному инспектору Управления нравственного, эстетического и трудового воспитания Государственного комитета по народному образованию СССР **Олегу Пантелеймоновичу САМСОНОВУ.**

— Отказаться целиком и полностью от помощи детей наши хозяйства пока не могут. Но мы настаиваем, чтобы дети работали не в ущерб занятиям. Можно летнюю практику перенести на осень или выезжать на поля в счет занятий ОПТ.

Сейчас мы готовим документ в Совет Министров СССР, где стараемся отстоять права школьников. Работу детей на хлопке мы планируем полностью запретить.

— Олег Пантелеймонович, а деньги за работу нам колхозы и совхозы должны платить?

— Обязательно.

— И все-таки ваш ответ разочарует ребят. Летняя практика — это понятно. Тут никто не против. Но вот работа во время учебного года... Я по своему опыту знаю, как мало толку, когда мы приезжаем на поле после уроков на 2—3 часа, и как эти выезды сбивают настрой серьезно учиться.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

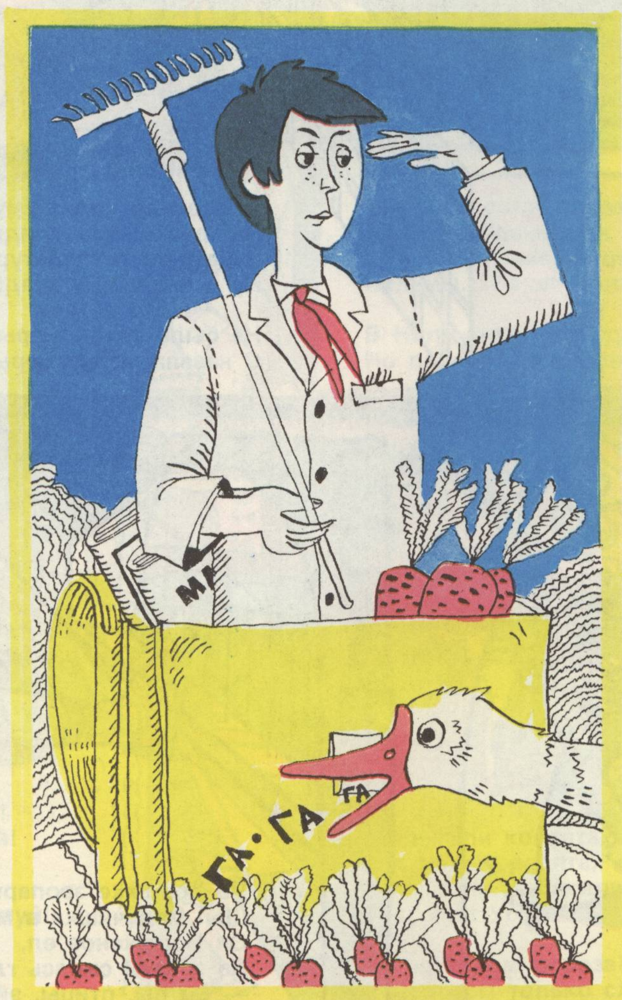
Га-га-га

Моя бабушка до выхода на пенсию была учительницей. Так вот. У нас дома жило много гусей. Все вроде обычные, а один — необычный. Он привязался к моей бабушке, как верная собачка. Бабушка на огород идет, и он за ней. Бабушка в магазин, гусь туда же. Бабушка к подруге, гусь рядом!

Мы даже имя этому гусю дали — Гриша. Все село знало, что гусь Гриша дружит с моей бабушкой. Однажды бабушка пришла на урок в школу, встала к доске, начала объяснять тему, а Гриша просунул голову в приоткрытую дверь и сказал: «Га-га-га».

Класс тут же ответил: «Га-га-га».

Света Калашникова, 7-й класс.



УЕХАЛИ ДВА КОРРЕСПОНДЕНТА...

...из села Великовечного Краснодарского края, а по дороге домой призадумались: «Во всех селах и деревнях страны не побываешь. Но хотелось бы узнать о жизни сельских ребят побольше. Интересная у них жизнь, не менее насыщенная, чем у горожан».

Так что ждем ваших рассказов, сельчане! Присылайте их в газету «Вперед».

Оформление Ю. ПАКА.

Сергей БАРУЗДИН

ЕСЛИ ЖАРКО В ЗООПАРКЕ

Жарко в зоопарке,
Солнце в зоопарке,
Парится все, жарится,
Пышет знойный жар.
Жарко на газонах,
Жарко в водоемах,
Солнце как горячий
Са-мо-вар.

Крокодил в своем загоне
Забрался в бассейн с водой,
Плачет крокодил и стонет:
Разве это водопой?

Неприятная пора —
Нестерпимая жара!

И медведи ходят хмуро,
На термометры глядят.
Страшная температура —
Ну и пекло! Ну и ад!

Не было такой жары
С незапамятной поры!

Рядом малые козлята,
Ждут прохлады, ждут заката.
Наступи скорей, закат!
От жары спаси козлят!

По дорожке зоопарка
Шел мальчишка в майке яркой.
Он мороженое ел,
На зверей смеясь глядел.
— Эй вы, птицы, эй вы, звери!
Что носы повесили?
Если холодом повеет,
Разве будет весело?

Кенгурятам очень жарко.
Спрятав деток в свой мешок,
Ищет мама в зоопарке
Уголок, где есть тенек.

Ну и жарища!
Тенька не сыщешь!

Хобот вверх! Как будто в душе
Обливается водой
Бедный слон. Ему все хуже:
В этом душе, как в парной.

Ох, уж этот страшный жар!
Над слоном клубится пар!

Пеликаны клювы в воду
Прячут вместе с головой.
В эту жаркую погоду
Плохо даже под водой.

Пеликанам нелегко:
Вода — парное молоко.

Лев, под солнцем разомлев,
Задремал лениво,
Видит сон, наверно, лев:
Пальмы... Берег Нила...

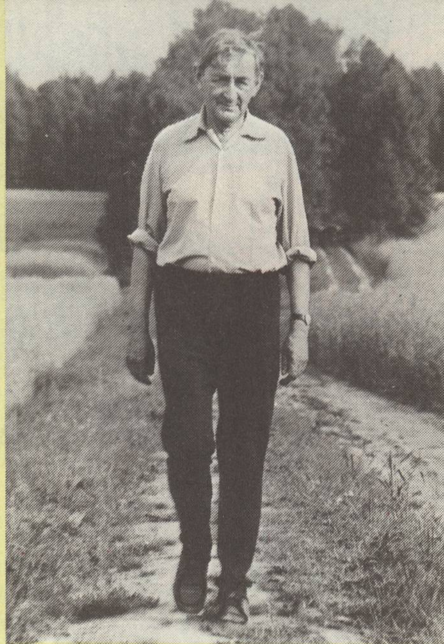
В Ниле славная вода.
Но далеко идти туда.

Слон сказал: Пожалуй!
И лев сказал: Пожалуй!
И кенгуру: Пожалуй!
И пеликан: Пожалуй!
Медведь сказал: Пожалуй!
И крокодил: Пожалуй!
Поддакнули макаки,
Верблюды и жираф.
И все сказали хором:
А мальчик, видно, прав!

Запрыгали козлята,
Как малые ребята,
Запрыгали, заблеяли:
Ура! Ура! Ура!

Не надо нам мороза!
С морозом только слезы.
Пусть ярко солнце светит!
Да здравствует жара!

Рисунок А. БАЛДИНА.



Сегодня вам предстоит встреча с необычным прозаическим произведением, необычной для вас историей. С мальчиком Сережей Голицыным, который родился 1 марта по старому стилю, в 1909 году, в Тульской губернии, в княжеской семье.

Все то, о чем вы узнаете,— стародавняя быль, эпизоды прошлого. И так далеко от нас то время, что удивительными вам покажутся взаимоотношения «людей» и «господ». Человечные, добрые. Кто-то может засомневаться: «А правда ли это? Мы же привыкли к тому, что «господа» и «люди» — враждующие противоположности»... Да, противоположности. Но были и человечность, доброта. Правдивостью, искренностью, обилием точных деталей подкупают воспомина-

ЛЕТО в БУЧАЛКАХ

Сергей ГОЛИЦЫН

Рисунки В. ПЕРЦОВА.

ния писателя Сергея Михайловича Голицына о своем детстве.

...Впервые с «Летом в Бучалках» я познакомилась в селе Любец. Там, на окраине — деревянный уютный дом; весной, летом, осенью в нем живут детский писатель Сергей Михайлович Голицын, его семья, друзья.

Любец — это владимирская земля; низкие, тяжелые звезды; колодец в овраге; художники, живущие в соседних домах; выставки-вернисажи прямо на опушке березовой рощи; единственная на все село огромная, неторопливая, уважаемая корова Малышка; ужи и гадюки, со свистом вылетающие из-под неосторожных ног; живая печь — мягкое, обволакивающее тепло; еж, таинственно шуршащий за голицынской баней; река Клязьма с выпуклым течением; сосновые боры; по высоким речным берегам чащи шиповника — из решетки цепких листьев свисают карминные длинные ягоды; белая церковь в начале села; соседи с домашними, простыми разговорами и грибы, грибы, грибы. Грибов в любецких окрестностях больше, чем низких чистых звезд на небе...

Все это подарил и дарит родным, знакомым, приятелям Сергей Михайлович Голицын, детский писатель, ветеран труда и ветеран войны, прошедший от Сталинграда до Берлина. Хороший человек. Честный. Добрый.

Сейчас Сергей Михайлович продолжает писать книги. Переписывается со своими читателями. Он сохранял и сохраняет памятники старины — не только словом, но и делом. Отреставрированная церковь в Любце — хлопотное дело писателя Голицына.

...Неторопливым было первое мое чтение «бучалкинских» страниц. Непохожим на суетливое городское глотание книг — в метро, на автобусных остановках, в паузах между неотложными делами.

Так и сплелось для меня навсегда: гостеприимство, доброта Сергея Михайловича, любецкое житье-бытье, старина, свет «Лета в Бучалках», походы за грибами, август.

Чем больше каждый из нас будет помнить, КАК он читал ту или иную книгу, тем богаче душевно мы станем...

В этом году Сергею Михайловичу Голицыну исполнилось восемьдесят лет. Прекрасная дата!

И. АНДРИАНОВА

Я происхожу из древнего и славного рода князей Голицыных, от жившего в четырнадцатом столетии великого князя Литовского Гедимина. Шестнадцать моих предков были боярами, двое фельдмаршалами, четырнадцать погибло на полях сражений, защищая свою родину от шведов, от турок, от французов, от немцев, но одновременно многие были владельцами имений и тысяч душ крепостных крестьян.

Есть народная мудрость, что каждый человек любит и никогда не забывает то место, где закопана его пуповина. Этим местом, моей родиной и является старинное, известное по документам с XVI века село Бучалки Епифанского уезда Тульской губернии, где 1 марта 1909 года я родился.

О том своем далеком-далеком детстве, о совсем другой жизни, так не похожей на нынешнюю, я и хочу рассказать современным юным читателям. Ведь та жизнь — это кусок русской истории почти восьмидесятилетней давности.

Первые три года своей жизни я проводил в Бучалках и зиму, и лето, но те годы я помню смутно. А в 1912 году мой отец Михаил Владимирович поступил на службу в Московскую Городскую управу, сейчас такое учреждение называется Моссовет. А моих старших сестер и брата требовалось учить. Наша гувернантка Александра Николаевна Россет *— иначе тетя Саша — едва-едва дотягивала их до четвертого класса гимназии. С того года зимой мы жили в Москве, а на лето ездили в Бучалки, с которыми была связана вся общественная деятельность и моего отца, и моей матери.

Прежде чем рассказывать о себе, хочу оговориться: своих родителей, как тогда полагалось в дворянских семьях, мы называли несколько на французский лад — папá и мамá — с ударением на последнем слоге. Но теперь такое обращение давно позабыто, поэтому в дальнейшем я буду писать — мой отец и моя мать. А крестьянские дети называли своих родителей — тятька (тятя) и мамка. Много тогда слов и понятий было в русском языке, которые ныне исчезли или приобрели совсем другой смысл; время от времени я буду вставлять такие слова.

Итак, начинаю рассказывать.

Еще за несколько дней до поездки, когда майское солнышко вовсю начинало пригревать, мать приходила в нашу детскую и говорила моей младшей сестре Маше и мне:

— Скоро поедем в Бучалки.

Наша няня, которую мы, дети, называли Нясенька, начинала собирать разные пожитки, сестра Машенька и я отбирали игрушки, какие хотели взять с собой, нам хотелось забрать их как можно больше, а Нясенька нам говорила, что и так много вещей...

Тут я ненадолго прерву свой рассказ и постараюсь разъяснить, кто такие были няни в прежние годы.

Пушкинскую няню знают все, но, оказывается, няни были у многих деятелей искусства прошлого. И на них няни оказывали в детстве самое благотворное влияние. У писателя Гончарова, у композитора Чайковского было их даже по две.

Няни, преданные семье, безмерно любили своих питомцев, порой крепче, нежели их любили родители, служили в каждой более или менее состоятельной семье. Служили когда-то в дворянских семьях няни крепостные, позднее бывшие крепостные, многие из них почему-либо не вышли замуж, привязались к барским детям и жили с ними десятки лет. После революции такие няни постоянно оставались со своими бывшими господами на правах любимых и уважаемых членов семьи и делили вместе со всеми невзгоды и радости.

Почему нашу няню звали Нясенька? Это я ее так прозвал — няня сестры Маши, отсюда Ня-си, иначе двухлетним я выговорить не мог, отсюда произошло Нясенька. А была у нас еще няня Буша, иначе Ня-бу, няня Большая. Она считалась моей няней, но когда мне минуло четыре года, ей стало трудно за мной ухаживать, она поступила в богадельню, по-нынешнему — дом для престарелых, а на лето приезжала к нам в Бучалки.

Возвращаюсь к своему рассказу. Весна 1912 года.

На нескольких извозчиках поехали мы на Павелецкий вокзал, моя мать, тетя Саша, Нясенька, няня Буша и я с сестрой Машей, а также ново-

* Известная Александра Осиповна Россет-Смирнова, близкая знакомая Пушкина, Гоголя, Жуковского, приходилась сестрой деду Александры Николаевны Клементию. Но отец Александры Николаевны прокутил в карты все свое состояние, и ей пришлось пойти в гувернантки к разным «господам».

рожденная сестра Катенька; старшие сестры Лина и Соня и брат Владимир оставались в Москве с гувернером и гувернанткой, они учились в гимназиях. Почему же поехали мы на нескольких извозчиках? Столько тогда брали вещей — пальто, теплой одежды, белья, обуви, ну и, конечно, игрушек! Чемодан был только один — тети Сашин из Швейцарии, несколько больших корзин, сплетенных из ивовых прутьев, сундук, разных размеров узлы, да еще была маленькая корзина с едой на дорогу.

Сели мы в поезд, в купе второго класса, первый класс считался дорогим, а в третьем ездили «люди». Вот еще пример исчезнувших слов: «люди» — это лакеи, горничные, приказчики, мелкие служащие в противоположность «господам» — помещикам, купцам, крупным чиновникам, чьи дети назывались барчуки.

Колокол просигналил — первый звонок, через десять минут — второй звонок, перед самым отправлением — третий звонок, главный кондуктор пронзительно засвистел, паровоз загудел, вагоны лязгнули, и мы поехали.

Всю ночь я ерзал, то клал голову на подушку, то прижимал лоб к оконному стеклу.

Начинало светать. За две станции всех будили, усатый кондуктор помогал вытащить вещи в коридор.

— Ничего не забыли? — спрашивала тетя Саша.

Мы остановились в тесноте коридора, затем перешли в тамбур. Утренний холодок прохватывал сквозь пальто. Со скрежетом поезд затормозил. Прямо с площадки я спрыгнул в объятия встречавшего нас лакея Антона, который выехал из Москвы за два дня до нас.

Солнце только еще всходило. Кругом грязь была ужасающая, крутая, глубокая.

— А вот наши лошади,— сказала мать, указывая рукой.

Я различил невдалеке за станционными постройками нашу тройку, запряженную в карету, пару лошадей, запряженных в коляску, и телегу в одну лошадь. И кучер Василий, милый, милый — в синем кафтане, в синем картузе, разглаживая усы и бороду, шел к нам, с трудом вытаскивая сапоги из грязи.

Наконец все было уложено, увязано. Можно ехать. В карету уселись моя мать с сестрой Катенькой на руках, няня Буша и я, а тетя Саша, Нясенька и сестра Маша сели в коляску. Машенька не могла ездить в душной карете, ее сразу начинало тошнить. Антон взгромоздился на телегу рядом с возчиком. Поехали.

Сейчас такие дальние поездки на лошадях давным-давно ушли в прошлое. О них можно прочесть разве что у классиков. Тогдашние дороги разбивало копытами лошадей и скота, колесами экипажей, грязь на отдельных участках не просыхала, и лошади тянули все больше шагом, с трудом вытаскивая ноги из чернозема. Тридцать верст от Кремлева до Бучалок преодолевалось за шесть часов.

Как медленно мы ехали! Я нетерпеливо вскакивал. Скоро ли? Скоро ли?

Наконец Василий обернулся и сказал с высоты козел:

— Бучальская колокольня видна.

Я вскочил, по пояс высунулся в окошко и заметил из-за бугра вдали белый верх и темный шпиль колокольни, увенчанный горящим на солнце золотым крестом.

На какое-то время развернулась панорама усадьбы — белый с колоннами Большой дом, по сторонам другие белые строения на темно-зеленом фоне старого сада. Начинались «владенья дедовские».

Последние две версты казались самыми длинными. Скорее, скорее! Бучалки было обширным селом, состоявшим из нескольких, тянувшихся в разные стороны слобод. Въехали в слободу Павловку! С лаем кинулись собаки под колеса кареты. Прохожие узнавали нас, кланялись, и мать кивала им и махала рукой.

Лошади, предчувствуя скорый отдых и обильный корм, перешли на рысь и помчались. Минуя церковь, они завернули направо, в проулок, еще раз завернули направо, лихо подкатили к Маленькому дому, рядом остановились.

Я вскочил. Ноги затекли, не сразу меня послушались. Нас встретила ключница Вера Никифоровна. Теперь занимавшую такую должность назвали бы завхозом. Выскочил еще кто-то. Собаки радостно запрыгали вокруг меня. Пока суетились вокруг вещей, мне надо было успеть удрать, пробежаться по всем комнатам дома, через черный ход проникнуть в курятник, повернуть к цветущим клумбам. Меня выдали подбежавшие ко мне собаки. Нясенька меня поймала, потащила умываться, переодеваться, повела вместе с Машенькой в столовую пить молоко с ни с чем не сравнимым по вкусноте бучальским черным заварным хлебом и бучальским же подкрашенным морковным соком оранжевым сливочным маслом.

Закусывал я невнимательно, все время думал про себя: куда бежать в первую очередь — на кухню, к собачкам или к лошадкам? Решил, что сперва к лошадкам. Мне надо было не просто бежать, а удирать — от Нясеньки и от сестры Маши, которая хотела следовать за мной, но бегала она плохо и наверняка отставала бы. А мне хотелось скорее-скорее.

Вскочил из-за стола, схватил краюху хлеба, выбежал на крыльцо, повернул налево и помчался по липовой аллее к Большому дому. Издали я увидел, как Нясенька, держа Машу за ручки, мне махала, что-то кричала. Нет, побегу один, а вы гуляйте вокруг клумб.

Аллея упиралась в Большой дом; он был деревянный, оштукатуренный белой известью, выстроенный еще моим прадедом, князем Федором Николаевичем, в начале прошлого века. Дом был старый, требовал ремонта, в комнатах пахло затхлым. Наша семья там не жила, мои родители его не любили и построили другой для себя, просто бревенчатый, который назывался Маленьким.

Теперь-то я знаю, что Большой дом с колоннами, с мезонином, с гипсовой лепниной считался бы памятником старины, если бы не сгорел в первый год революции из-за неисправных печей, когда его превратили в клуб. А раз дом не любили мои родители, значит, и я его не любил, промчался мимо, не поворачивая головы, прямо на конюшню.

С тех пор на всю жизнь у меня осталась любовь к лошадям. Мало их нынче в нашей деревне. А когда случайно увижу их, как они пасутся на лугу или плетутся запряженные в телегу, то непременно внимательно огляжу каждую: да какой она масти, не отощала ли, не потерты ли у нее спина и холка?..

Из бучальской конюшни шел широкий проем в каретный сарай. Я двинулся туда, остановился у входа, оглянулся, потянул воздух. К запаху



навоза и конского пота примешивался характерный дух кожи, какой в те времена обивались экипажи и какая шла на сбрую.

Помнится, в конце войны в разгар нашего наступления в Восточной Пруссии я — командир взвода — забежал в каретный сарай богатого прусского помещика, забежал поспешно, хотел посмотреть, можно ли там разместить своих солдат. Мне в нос ударил знакомый и милый с самого детства запах. Я застыл и несколько секунд стоял словно ошалелый...

В бучальском каретном сарае экипажи были менее роскошными, нежели у прусского землевладельца, отсутствовало, например, восьмиместное ландо. Но все же и у нас, в том обшарпанном помещении, находилось много интересного.

Я подошел к той карете, на какой мы только что приехали, убедился, что ее успели тщательно вымыть; бока, рессоры, колеса и фонари по обе стороны козел блестели, прошел мимо другой кареты, более ветхой, осмотрел все три коляски — Большую, Среднюю и Малую.

Далее в глубине стояли один за другим такие экипажи, о которых ныне никто не знает.

Вот дрожки. Это просто длинная, обитая кожей доска на двух осях. На дрожки садились верхом один за другим двое или трое, правил лошадью передний; можно было ездить и одному, но только по полям и по делам. Какой-то помещик однажды приехал в гости на дрожках, так об этом вспоминали полвека спустя. Ах, это тот, чей отец приехал однажды к таким-то на дрожках! Это было все равно что в наши дни появиться в театре в майке и в трусах.

Вот шарабан. Мне он был высок, а я все равно вскарабкался наверх. Он был открытый, четырехколесный, на двоих, сидящих рядом. Я спрыгнул, влез в столь же высокую одноколку о двух колесах. Оба экипажа были легкие, на них всю дорогу ехали рысью.

Еще — линейка. Она напоминала дрожки, но куда шире и длиннее. К двум осям прикреплена очень длинная и широкая, обитая кожей доска, на которую ездоки садились в два ряда, спинами друг к другу, по восемь, а если потеснее, то и по десять человек, да еще один влезал на козлы рядом с кучером.

Были и другие экипажи, в том числе старые, разломанные, зачем их берегли — не знаю, тогда ни в утиль, ни в металлолом не сдавали.

Издали я стал наблюдать за кучером Василием. Он царствовал и на конюшне, и в каретном сарае, ему подчинялись два конюха — Василий Большой и Василий Маленький. А сам он — в синем кафтане с металлическими пуговицами в два ряда, со светлыми галунами-оторочками на кафтане, в синем картузе с высоким околышем, в смазных, с гармошкой сапогах — разгуливал по проходу между стойлами и придирчиво оглядывал лошадей, особенно тех троих, которые недавно вернулись с дальней дороги. А любил он их всех, кроме разве бедняги Булозки. Но для него было больным местом сознавать, что у соседних господ и сбруя, и экипажи выглядели наряднее, а самое огорчи-

тельное, что его княжеская тройка — Папашка, Летунок и Бедуин — была разномастная. У графов Олсуфьевых, у князей Оболенских, у господ Раевских, у господ Писаревых — у всех, у всех, у каких кони все рыжие, у каких все гнедые, а у кого даже вороные, что считалось особой честью.

Но Василий утешал себя и мне, малышу, разъяснял, что зато его княжеская тройка самая резвая, самая послушная. И начищены у него кони столь тщательно — волосок к волоску, что блестят на солнышке — залюбуешься.

Я побежал по коридору через весь Маленький дом, мимо дверей справа и слева, открыл дверь в «черную» половину дома: там продолжался коридор. Слева была просторная «девичья». Еще одно название, идущее со времен крепостного права. В девичьей спали горничная Маша, портниха, тоже Маша, позднее появилась еще подняня Лёна.

Я повернул направо, в кухню. И уже все забыто — и рычание Арапки, и попреки тети Саши и Нясеньки.

Наверное, просторная бучальская кухня современному человеку напоминала бы музей. Посреди громоздилась огромная, в шесть конфорок, кирпичная плита, к ней примыкала цинковая коробка с краном, предназначавшаяся для горячей воды. С другой стороны плиты высилась огромная, вроде замка, русская печка, над плитой висела вытяжка из листового железа в виде огромной воронки.

По стенам шли полки с чугунами и глиняными горшками разных размеров; стояли медные, с длинными ручками кастрюли — побольше и поменьше, с княжескими коронами, отлитые, наверное, еще во времена князя Федора Николаевича. Множество разных размеров ножей, дуршлагов, веселок, терок, противней, ложек висело, стояло, лежало. Для каждого предмета было свое определенное место, установленное еще при постройке Маленького дома.

Кухня являлась царством повара Степана Егоровича. Он сам — с длинными, опущенными вниз густыми светлыми усами, с важно надутыми щеками — возвышался перед столом и священнодействовал. Тогда мясорубок еще не изобрели, и Степан Егорович, вооружившись двумя огромными ножами, на специальной доске рубил плясовым тактом мясо для котлет. Да, конечно, «господа» приехали, обед надо изготовить отменный. Вот Степан Егорович и старался.

А я встал невдалеке, наблюдая, как он колдовал на кухне, как весело рубил котлеты. Я даже начал ногой в такт притопывать.

— А, маленький барчук прибыл! — радостно приветствовал он меня, оторвался от рубки котлет, бросил на сковороду куски мяса, они весело зашипели. Ему некогда было обращать на меня внимание. И я терпеливо ждал. Я знал, что для «господ» он жарит на сливочном масле и заправляет разными пряными соусами, а для «людей» готовит на сале. А вообще он, пять лет проучившийся в московском ресторане «Прага», тосковал, что вынужден готовить довольно простые блюда из всего того, что выращивалось на бучальских нивах и огородах, что выводилось на бучальском скотном дворе и в птичнике. Ах, какие пирожки он пек! Как блестели румяные гребешки их корочек! Пирожки с грибами, капустой, ливером, рыбой, рисом! Это для «господ». А для «людей» он пек не пирожки, а пироги потолще, примерно с той же начинкой, кроме рисовой.



Я все ждал, когда Степан Егорович оторвется. Мне хотелось его попросить об одном деле.

Тут раздался страшный грохот. Это кухонный мужик Ваня Кудрявый свалил на пол огромную вязанку березовых поленьев. А плита и русская печка требовали уйму дров...

Я отправился в Молодой сад. Старый сад, с липовыми аллеями, с яблонями между аллеями, находился на пространстве между Большим домом и Маленьким домом. А Молодой сад рассадила моя мать по другую сторону Маленького дома. Вернее, по ее указаниям выкапывались из леса молодые березки и елочки, покупались в недальнем лесном питомнике молодые клены, липки, ясени, серебристые топольки, и она указывала, где какое деревце сажать.

Говорят, каждый человек в своей жизни должен посадить хотя бы одно дерево. А моя мать посадила их сотни, целый сад, площадью в семь десятин (больше семи гектаров). Увы, сейчас, как я слышал, ни одного дерева не осталось, все безжалостно срублены.

Я услышал отдаленный характерный звон, доносившийся с той стороны Маленького дома, и опрометью побежал на звук. Это лакей Антон звал к обеду...

Такие прогулки от Маленького дома к Большому и обратно Антон совершал дважды — за полчаса до обеда и за пять минут.

Сохрани бог опоздать! Если сигналы Антона заставали Нясеньку, сестренку Машу и меня где-то далеко, а полверсты считалось не близко, мы мчались во всю прыть.

Накрывал Антон всегда в определенном, шедшем с давних лет порядке. Бучальский фаянсо-

вый сервиз был белый, с темно-синим узором — мелкие точки и черточки. У каждого прибора ставились три тарелки — глубокая, мелкая и маленькая для хлеба. При каждом приборе, слева от мелкой тарелки, лежала вилка, справа — нож и ложка, все серебряное, с вензелем — соединенными вместе буквами — АМГ — Анна и Михаил Голицыны. Моя мать выходила замуж бесприданницей, что тогда считалось нехорошо, и это серебро — по двадцать четыре ложки, столовые, десертные, чайные, да еще вилки и ножи были единственными ценностями, которые моя мать принесла в голицынский дом, а ей их подарили дальние родственники — П. Ф. и А. П. Самарины, владевшие соседним с Бучалками имением Молоденки и не имевшие своих детей.

На каждом приборе лежала салфетка, свернутая валиком и стянутая колечком. У всех нас были свои колечки, у родителей — серебряные, у остальных — костяные, с разными узорами.

На одном конце стола место оставалось пустым. Его займет отец, когда приедет в отпуск, на другом конце садилась мать, я рядом с нею, потом тетя Саша, потом сестренка Маша. Другую сторону стола займут мои старшие сестры Лина и Соня и старший брат Владимир, когда после экзаменов приедут в Бучалки.

Посреди стола в тарелочках лежали кружочки алой редиски в сметане, кружочки огурцов, стояли прозрачные кувшины с только что принесенным из ледника чудесным бучальским квасом и другие прозрачные кувшины — мухоловки; в них тоже наливался квас, и мухи, попадая через отверстие, бродили по его стенкам туда и сюда.

Какие были супы — позабыл. А вторые блюда — птица, мясо, овощи — подавались под разными соусами, изготовленные заправским мастером кулинарии Степаном Егоровичем. Часто подавались овощи, нынче совсем необычные, выращенные на нашем огороде,— спаржа, брюссельская и савойская капуста, земляная груша, кольраби; помидоры тогда считались редкостью.

После обеда Антон поставил на стол самовар,



медный, блестевший, как солнце, и совсем круглый, как шар. Он аппетитно пыхтел. Мать начала разливать чай, Антон разносил чашки.

И тут меня начало клонить ко сну. И хоть времени было не более четырех часов, меня и Машу повели наверх спать. Да, конечно, с дороги и с беготни я сильно устал.

На второй этаж вела лестница с перилами. Там были четыре комнаты — детская, спальня родителей, спальня тети Саши и спальня сестры Сони.

Пришла мать, она хотела, чтобы я прочитал вечернюю молитву, да какое там, я готов был заснуть стоя. Она помогла мне раздеться, напялила на меня длинную ночную рубашку, и голова моя камнем упала на подушку, сквозь сон я ощутил, как она меня перекрестила и ушла...

А вскочил я на рассвете, начал прыгать, разбудил сестру Машу, мы начали кидаться думками. Думка — это очень маленькая подушка, которую подкладывают под щеку и очень ее любят. Наверное, уже будучи взрослым, я расстался со своей милой думочкой, и то потому, что другие засмеяли.

Нясенька начала ворчать. Конечно, она была недовольна, полагалось вставать в полвосьмого, а дети, такие противные, вскочили на два часа раньше. «Противный» было любимое Нясенькино бранное словцо.

Пришла мать в длинном лиловом халате, с волосами, ниспадающими по плечам. Нясенька сразу начала на меня жаловаться — эдакий непоседа. Мать молча положила руку мне на голову и посмотрела на меня своими светло-голубыми и такими грустными глазами. Я сразу стих, и мне стало очень стыдно.

Мать сказала, что после завтрака мы пойдем гулять, чтобы я скорее одевался.

Я запрыгал, не дожидаясь Нясенькиной помощи, стал напяливать на себя штанишки, рубашонку, юбочку. Я не оговорился, да, да, меня одевали, как девочку, в короткую юбку, и волосы я носил длинные, с шелковой ленточкой, распущенные по плечам. Я знал, когда мне минет шесть лет, мои кудри остригут, но штаны я буду носить короткие до восьми лет.

Пришлось мне терпеливо ждать, пока Нясенька не расчешет мои ненавистные кудри, которыми моя мать всегда любовалась.

По утрам полагалось сырое молоко, холодное, с погреба, от наших бучальских коров. Тогда ни о каком заразном бруцеллезе и не слыхивали и все пили только сырое, густое, очень вкусное. Закусывали яичком всмятку и еще черным хлебом с маслом, тоже бучальским. Молочная ферма находилась в деревне Ипаковке, по ту сторону реки Таболы, всего в двух верстах.

...Прошли мимо Большого дома, вышли за ограду барской усадьбы и очутились в бучальской слободе Поповке.

Там крестьянских изб не было, а стояли в два ряда добротные дома, крытые не соломой, а железом. В одном ряду находились школа, мастерская, «больничка», церковь, дома, принадлежавшие дворовым. Дворовые — это барские слуги и их семьи. В отличие от крестьян у них не было земли, только что маленькие участки вокруг домов, они жили на жалованье, которое получали от господ, и питались с господского стола. Вот дом кучера Василия, далее — лакея Антона, ключницы Веры Никифоровны, не помню, кем служил ее муж, еще дом Сергея Акимовича — приказчика, брата нашей Нясеньки. А на другой стороне улицы стояли дома духовенства, жили один священник, другой,

потом дьякон, пономарь. Оттого-то слобода и называлась Поповкой.

Нам предстояло идти в «больничку» и в мастерскую, в те два расположенных рядом по нижней стороне Поповки длинных дома в несколько окошек, под зелеными железными крышами...

Я ненадолго отвлекусь от своего рассказа и хочу отступить на несколько лет назад, в самый конец прошлого XIX века.

Родители мои поженились в 1899 году, моя мать Анна Сергеевна происходила из древнего, но сильно обедневшего рода Лопухиных. Может быть, читатели знают, что первой женой царя Петра была Евдокия Лопухина, которую он бросил и заточил в монастыре города Суздаля. Мой дед Лопухин Сергей Алексеевич был судейским чиновником, на свое жалованье купил маленькое именьице в Тульской губернии, всего 26 десятин. И было у него одиннадцать человек детей, моя мать — вторая по старшинству. Оттого-то и вышла она замуж бесприданницей.

Отец мой Михаил Владимирович служил тогда в Епифанском уезде и жил в селе Бучалки, в имении, принадлежавшем его богатому дяде князю Александру Михайловичу Голицыну. Он привез молодую жену в Бучалки, и они поселились в Большом доме, неуютном, холодном. Тоскливо было моей матери, когда ее муж уезжал по делам службы в Епифань или в Тулу, и она оставалась вдвоем с горничной. А на дворе завывала метель. Она вспоминала, каким шумным был родительский дом, как ее любили братья и сестры.

Надо найти какое-либо полезное дело. Она стала заходить в крестьянские избы. И ужаснулась, как бедно жили бывшие голицынские крепостные. Избы под соломенной крышей, с земляными полами, много детей; одетые в лохмотья, они копошились вместе с курами, телятами, поросятами, питались плохо, часто болели, многие из них умирали.

И моя мать поняла: надо помогать женщинам, о ту пору их звали бабы. У них по зимам было много свободного времени — только что воду принести и накормить детей и скотину.

Не моя мать придумала. А жили тогда в Москве богатые фабриканты Якунчиковы, их текстильная фабрика была в нынешнем Наро-Фоминске. Сам Якунчиков пожертвовал много денег на постройку здания консерватории в Москве, а жена его сына Мария Федоровна в их тамбовском имении устроила кустарную мастерскую; не сама, конечно, а нанятая заведующая раздавала по окрестным деревням готовые женские и детские льняные платья. И бабы в зимний досуг красивыми узорами, цветными нитками по вороту, рукавам и подолу вышивали, сдавали заведующей, получали деньги, словом, заимели заработок; потом эти расшитые платья продавались с большим успехом.

Некоторые барыни тоже организовали в своих имениях такие мастерские, кое-кто из них и для себя получал немалую выгоду. Организовала мастерскую и моя мать.

Моей матери советовали брать часть выручки себе, она с негодованием отказывалась — все шло крестьянкам.

В эту мастерскую и привела она меня. Валентина Александровна — заведующая, погладила мои кудри и сказала, как я вырос за зиму. Мы стали рассматривать образцы новых узоров, взятых с крестьянских вышитых полотенец из Вологодской губернии. Валентина Александровна показала нам очень красивые льняные платья, их собирались упаковать и отправить в Америку.

Мы распрощались и направились к соседнему, такому же длинному дому — «больничке». Откуда такое название — не знаю. В том доме помещался детский приют для самых маленьких детей-сирот. Моя мать его организовала на доходы с бучальского имения.

Моя мать обменялась несколькими словами с воспитательницей и вошла внутрь дома. И там застряла. Я ждал, ждал, от нетерпения захныкал. Ко мне подошла воспитательница, стала меня успокаивать, что мамашенька твоя скоро придет, подожди немного...

С тех пор прошло очень много лет. И только теперь, задумав писать эту книгу, я начал расспрашивать тех, кто знал когда-то моих родителей. И они мне рассказали, когда у моей матери рождались дети, у нее оставалось много молока, и она ежедневно потихоньку ходила в приют и кормила там новорожденных сирот. Я могу с гордостью за нее сказать: она спасала их жизнь. А почему она ходила потихоньку? Да ее засмеяли бы другие барыни, какие, чтобы не портить фигуру, нанимали кормилиц.

Читатель, наверное, заметил, как много народу обслуживало нашу семью! Вот появилась подняня Лёна, а еще в отдельной избушке, недалеко от Большого дома, жили садовник Михей и его жена Мавра-прачка, и у них был сын Камама. Его так прозвали, потому что в раннем детстве он все плакал и звал свою мать. А еще был садовник и был огородник. Не помню, как их звали.

Не надо удивляться и не надо забывать, что тогда была совсем-совсем другая жизнь. И хоть жили мои родители нельзя сказать, чтобы богато, а все же мы принадлежали к классу господ. И такой порядок считался естественным, согласно веками установившимся обычаям. Слуги верой и правдой ухаживали за своими господами, были безупречно честными. Но между теми и другими всегда как бы стояла невидимая стеклянная перегородка. Тот же верный лакей Антон никогда бы не осмелился сесть в присутствии моих родителей.

Иные господа были совершенно равнодушны к своим слугам, а другие, как мои родители, всегда заботились о них, интересовались жизнью их семей, между такими господами и людьми была искренняя привязанность, но одни обслуживали других. Никогда господа не стали бы убирать за собой постель, выносить горшок, им просто не пришло бы в голову ходить за покупками, а в условиях поместий исполнять какие-либо работы по дому, так, моя мать никогда не заботилась, чтобы огурцы, грибы и капуста были посолены, погреб набит льдом, молоко привезено с фермы, варенье заготовлено на весь год. Все хлопоты по бучальскому хозяйству исполняла Вера Никифоровна.

Наша воспитательница тетя Саша очень следила, чтобы я не смел общаться с крестьянскими детьми. Однажды пришла баба с лукошком земляники, а за руку держала мальчика. Я отвел его в сторону к песчаным формочкам, собрался с ним поиграть, а тетя Саша подскочила, хотела меня увести. Нечего тебе водиться с мужицким сынком. Спасибо мать увидела и остановила тетю Сашу. А другие барыни, наверное, остались бы довольны усердием воспитательницы.

Да, жизнь господ была совсем иной, нежели жизнь крестьян. Но у тех не возникало чувства зависти. Они считали эту разницу естественной. И уважали своих господ, но только исконных,



с прадедовских времен, таких, как в Бучалках, в Орловке, в Буйцах, но не таких, как в Молоденках.

Приехали наконец, благополучно сдав экзамены, мои старшие сестры Лина и Соня и брат Владимир, вместе с гувернером французом мосье Кюэс, а также подруга сестры Лины, наша троюродная сестра Маня Гагарина. А вскоре прибыл в отпуск и мой отец.

Сразу стало веселее и оживленнее; теперь за обеденным столом сидело вон сколько народа. Антон едва успевал разносить блюда.

Затеяли поездки. Грибов в лесу еще не было. Куда ехать? Сестра Лина собирала бабочек. В комнате нижнего этажа, слева по коридору, где она жила с Маней Гагариной, на стене висели два ящика, там под стеклом наколотые на булавки рядами выстроились бабочки, пойманные предыдущим летом. Но в коллекции не было тополевых ленточниц, а они водились в Большом лесу. За обедом было решено:

— Завтра с утра едем за тополевыми ленточницами!

Сразу после завтрака я помчался в конюшню. Влетел с криком:

— Василий, запрягать!

...На крыльцо все вышли в полотняных халатах-пыльниках, дамы в платках, подвязанных не по-бабьи у подбородка, а на затылке, начали рассаживаться, кому куда. Лина, Маня Гагарина и мосье Кюэс вскочили верхами в седла. Брат Владимир когда-то упал с лошади возле конюшни прямо в навозную лужу и с тех пор, несмотря на уговоры и насмешки, никогда не садился в седло. Он взгромоздился на козлы рядом с Василием. И мы поехали.

Рассматривал я как-то современную карту Тульской области и не без гордости убедился, что вокруг Бучалок зеленели пятна лесов. Значит, Голицынские леса до сих пор целы — за деревней Исаковкой лес Арсеньевский, а левее села Барановки, в шести-семи верстах — сперва лес Большой, далее леса Овсянкин и Мурин. Еще дедушка Саша говорил: леса надо беречь.

Тополевые ленточницы — черные с белыми пятнами крупные бабочки — водились на дороге, идущей через Большой лес, куда они слетались на водопой.

Лина и Маня Гагарина с сачками в руках подошли крадучись к лужам в колеях и спугнули бабочек. Одна из них — надо же было случиться такому курьезу! — села Василию на загривок.

— Василий, не двигайся! — зашипела истерическим шепотом Лина.

Обе девочки подскочили к нему, взмахнули сачками и разом хлопнули его по спине. Он только глазами заморгал.

А бабочка взвилась кверху, к макушкам деревьев.

Так и вернулись в Бучалки ни с чем, на обратном пути дружно обсуждая неудачу поездки. А все равно было весело!

В самые дальние, принадлежавшие Голицыным леса Овсянкин и Мурин никогда не ездили, там водились волки. Я только издали видел синеющие полоски лесов, и каждый раз у меня от страха сжималось сердце. Рассказывали, что когда-то волки съели мужика, приехавшего в лес за дровами, а его лошадь привезла к избе пустые сани...

В другой раз поехали в лес, называемый Ласки. По правому склону речки Бучалки тянулась полоса старых дубов, у их подножия, пока не наступила пора сенокоса, росло множество необыкновенно крупных цветов. Мы набрали целые снопы купавок, анемонов, ночных красавиц, иван-чаев, ромашек. Все это потом было поставлено по комнатам в вазы различных форм и размеров, помню одну — огромную фаянсовую, ярко-желтого цвета, в форме чугуна.

Однажды отправились в Арсеньевский лес на пикник. Линейку и всадников сопровождали две телеги — одна была наполнена разной снедью, наверху восседал Антон с самоваром в обнимку, в другую набилась целая ватага мальчишек — приятелей брата Владимира.

Мы очень любили пикники, они привлекали всею необычностью обстановки. Выбрали поляну, расселись, нет-нет, не на травке, а на маленьких ковриках, побежали на ключ пить родниковую ледяную воду, принялись уписывать большие ломти черного хлеба, посыпанного крупной солью, и самое-самое вкусное — обугленную печеную картошку с костра. А потом затеяли беготню босиком по мягкой, теплой травке, разделились на две партии, начали играть в лапту — с мячиком. Почему-то эта игра, такая зажигательно-веселая, ныне совсем исчезла.

Очень я любил поездки в Молоденки.

А любил я ездить туда потому, что... Это была моя большая и сокровенная тайна, о которой все знали и постоянно дразнили меня, особенно ехидничала моя старшая сестра Соня.

Этой тайной была моя любовь. Да, да, младшая дочь Оболенских — моих дяди Алеши и тети Любы — Любочка была моей первой и, уверенно сейчас утверждаю, очень и очень крепкой любовью. А мне минуло пять лет, а Любочке — два годика.



Приезжая в Молоденки, я брал ее за ручку и вел в сад. Мы шли молча, я старался увести ее подальше, отдалиться от других. Я шел и всегда любовался ею, в беленьком платьице с алой ленточкой в темных волосах. А однажды ей понадобилось кое-куда. Я помог ей расстегнуть панталончики, скромно отвернулся, а некоторое время спустя помог застегнуть. Я действительно очень ее любил и много о ней думал.

Я тут упомянул, что сестра Соня постоянно меня дразнила. Расскажу такие случаи.

Мне и сестре Маше часто подавали куриные котлеты. В конце концов они мне надоели, и я сказал, что есть их не буду. Но я забыл о своем решении и однажды с аппетитом стал уплетать котлетку.

Сестра Соня вздернула своим носиком-пуговкой и заметила:

— А она куриная.

— Нет, она из петуха! — выпалил я и доел котлетку.

Вот еще один рассказ, как Соня меня подвела.

Я уже упоминал, что няня Буша зимой жила в богадельне, а на каждое лето приезжала с нами в Бучалки.

В отличие от ворчуньи Нясеньки она никогда не повышала на меня голоса и была не просто доброй старушкой, а добрейшей. И я вовсю пользовался ее мягкосердечием. Когда она огорчалась за мои проделки, то на ее глазах проступали слезы. Вот пример ее доброты.

Жила она в белой половине Маленького дома, за последней слева по коридору дверью в узкую, в одно окно комнату. Далее начиналась «черная» половина дома. Была няня Буша не просто толстуха, а рыхлая, с дряблой кожей, и живот ее настолько выдавался вперед горой, что она сажала на него, как на полку, младенцев, придерживая их рукой.

Однажды сестра Соня сказала мне под страшным секретом, что у няни Буши под юбкой спрятан арбуз.

Я поверил и, конечно, очень этим заинтересовался. Подошел к няне Буше, изловчился и, как Д'Артаньян, сделал выпад и ткнул ей в живот вместо рапиры указательным пальцем.

Няня Буша громко рыгнула и повалилась кувырком. На миг мелькнули белые кружева нижней юбки. Я от ужаса убежал и спрятался в кабинете отца под его письменный стол. Няня Буша пожалуется на меня тете Саше, и мне крепко влетит.

Часа два меня искали, звали. А я сидел съежившись и молчал. Наконец меня нашли, вытащили. Я с удивлением убедился, что никто о моем скверном поступке не знает. Значит, няня Буша никому не сказала, значит, она добрая как ангел. Я прибежал в ее комнату, бросился перед ней на колени и неистово, со слезами раскаяния начал просить у нее прощения. А она меня начала гладить и ласкать, да еще угостила молочными тянучками, которые варила весьма искусно и постоянно держала у себя разлитыми по тарелкам...

У нас в доме задавали обед для многих гостей. Еще накануне в курятнике поднимался гвалт и переполох. По указанию Веры Никифоровны Ваня Кудрявый гонялся за одним, за другим, за третьим и уж не помню, за каким цыпленком; я бросался ему на помощь. В свежевыбеленной кухне повар Степан Егорович точил ножи. Вычищенные бузиной медные кастрюли сверкали. Все в доме двигались быстрее, озабоченней. Нам, детям, свежевымытым, чистеньким, строжайше запретили возиться в песке и со щенятами. Утром в кухню явились дополнительные помощники; один из них сел вертеть специальную кадушку-мороженицу.

Гости приезжали после посещения ярмарки. Неизменно являлась орловская барыня — бабушка Женя Писарева с сыном и невесткой, приезжали незнакомые мне помещики с женами, епифанские чиновники. А Оболенские считали ниже своего достоинства связывать свои визиты с ярмаркой; они иногда к нам приезжали, но в будние дни.

И неизменно прикатывали троюродные братья моей матери — дядя Ваня и дядя Петя Раевские * со своими женами и многочисленными детьми. Все они — и взрослые, и дети — были чересчур шумные, разговаривали самоуверенно, очень громко, сдобными, характерными только для Раевских голосами.

Мальчиков Раевских моя мать всегда мне ставила в пример: они никогда не ревут, не капризничают, не обижают младших сестер, они храбры, слушаются родителей. А после революции, когда я начал учиться, ко всем их достоинствам добавилось: они не лентяи и даже по собственной охоте в свободное время решают задачи. Вот дураки!

Что подавалось на обед, какими соусами и подливками изощрялся повар Степан Егорович, чтобы показать во всем блеске свое кулинарное искусство, я не помню; не забыл традиционное бучальское мороженое — земляничное, малиновое, черносмородинное. Оно изготовлялось в виде разноцветных шариков размером с небольшие яблоки и подавалось не на тарелках, а на листьях с того древнего клена, что рос перед окнами отцова кабинета.

После обеда взрослые оставались разговаривать, а дети высыпали наружу и перед домом начинали играть. Я до сих пор помню разудалую считалку, которую мы переняли от Раевских:

Анку, дранку, дриле, дру,
Читер, фабер, фибер, фу,
Ам, дам, ритерштам
Види, види ханекам,
Ейм, цвей, дрей,
Ду бист фрей.

А жизнь в Бучалках продолжалась. Наступила грибная пора. Очень любила собирать грибы няня Буша. Она брала меня с собой, и мы отправлялись с корзинкой в Молодой сад, грибные места хорошо знали.

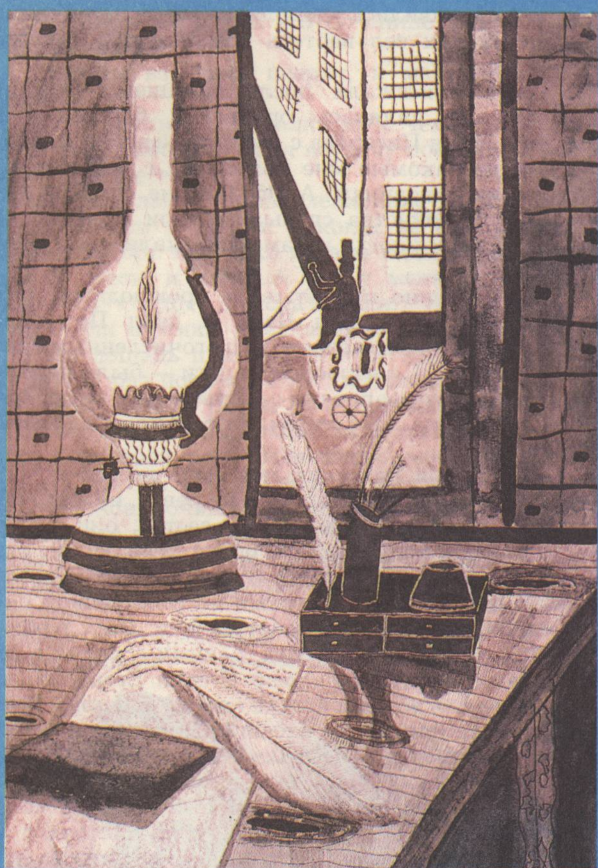
Там и сям росли посаженные моей матерью лиственницы, все они носили имена — Красавица, Раскидистая, Безверхушечная, еще как-то. Под ними росли маслята. Зеленели небольшие березовые рощицы — Первые Березки, Вторые Березки, Третьи Березки. Там мы находили свинушки, волнушки, изредка подберезовики.

Ездили мы за грибами и в недальний лес Арсеньевский, там в ельнике росли рыжики. Чаща была такая густая, что иногда приходилось ползти на животе. Ключница Вера Никифоровна эти рыжики солила в кадушках, их отправляли в Москву, и зимой за обедом после маленькой серебряной чарочки водки ими закусывали мой отец и гости-мужчины...

---

* Иван Иванович Раевский был только помещиком, а его брат Петр Иванович также и врачом; возле своего дома он построил больницу, в любой час дня и ночи ездил к больным, о его благородной деятельности до сих пор помнят.

Эти рисунки прислали нам ребята с Украины.



Ростислав ТЫС, 12 лет. «НАТЮРМОРТ С ЛАМПОЙ».



Владимир КРАВЕЦ, 12 лет. «ДЕКОРАТИВНЫЙ БУКЕТ».



Оксана ШЕВЦИВ, 11 лет. «ОСЕННИЙ НАТЮРМОРТ».

На борту «Кораблика» — гость! Знакомьтесь!

Имя — Андрей. Фамилия — ГРИНЕВ. Возраст — 12 лет. Образование 5 классов. Род занятий — ученик 6-го класса школы № 16 города Шевченко Мангышлакской области.

Полуостров Мангышлак, где живет Андрей, славится богатством недр и суровостью климата — пустыня! Из земли добывают там каменный уголь, руду, фосфориты, а из соленого моря — пресную воду для питья. Мангышлаку посвящены многие стихи Андрея — он сочиняет их давно, особенно много написал в последние два года.

Я здесь стою

Наш Мангышлак кладовой называют.
Месторождений много в кладовой.
Зимой здесь ветры злющие гуляют,
А летний полдень задыхается жарой.

Кому-то лучше жить в другом краю...
Я же земли другой такой не знаю.
Я десять лет здесь на ветру стою!
Не упаду: я в Мангышлак врастаю!

* * *

Море занято работой.
Море занято трудом.
Не прикроешься субботой:
Выходные все потом.

День и ночь кипит работа.
День и ночь — и так всегда.
Норма — до седьмого пота.
В море — из него — вода.

Жара

А степь плывет за горизонт,
Огромный пляж идет вдоль моря.
На пляже — скверик, словно зонт,
Возрос вдоль пляжа, с ветром споря.
За это время он окреп
И расправляет смело плечи.
Напоминает солнце хлеб,
Который вынули из печи.

Непогода

Штормует море.
Бьет вода.
Сквозь пирс бьет глухо и протяжно.
И чаек шумные стада
Кричат не весело,
Но важно.

Журавли

Остановитесь!
Наяву
Плывут, как чудо-корабли
(Вы только гляньте в синеву!),
В микрорайоне —
Журавли!

Город растет

Я живу в микрорайоне,
Где полста стоит домов,
А верблюд — как на ладони.
Степь к подъезду — сто шагов.

Но когда туман растает,
Вижу утром из окна:
Новостройки окружают,
Как Кремлевская стена!

Новая квартира

Пятый этаж, а выше — крыша.
Квартира, словно самолет,
Летит на месте (звук не слышен)
Который день, который год.

В окне — аэродром не новый,
В другом — морская даль вдали,
А сверху — неба край багровый,
А в море — тают корабли.

Гости

Прошла осень, листвой догорая.
С прошлым годом зима — наравне...
И опять лебединая стая
Со всех стран прилетела ко мне.

ОБРЕТЕНИЕ ДРУГА

Сегодня мы, ребята, поговорим о вашем общении с ровесниками. Одноклассники, товарищи, друзья стали теперь очень значимыми людьми для вас. А все взрослые, даже родители, отошли на задний план. Это подтверждают и специальные исследования ученых. Когда большую группу подростков спросили, с кем бы они хотели проводить свободное время, на первое место ребята поставили своих сверстников. Родители же у девочек оказались на четвертом, а у мальчиков — на шестом и последнем месте.

От того, как к тебе относятся ребята в классе, во дворе, зависит в твоей жизни сейчас все — и настроение, и уверенность в себе, и даже желание жить и учиться. Если сверстники тебя признают, с тобой считаются,— все в порядке. Насмешки же товарищей, или, того хуже, «бойкот» переживаются очень тяжело, как самая страшная трагедия. Приведу такой факт: 90% несовершеннолетних правонарушителей — из тех, кто стоит на учете в детских комнатах милиции,— оказались в своих классах «изолированными». Такому подростку остается только одно: искать признание на стороне, в сомнительной компании. Ведь совсем без признания товарищей он жить не может. Таков закон вашего возраста!

Видишь, как внимательно нужно относиться к тому, чтобы ни один человек из вашего класса не оказался в одиночестве, лишенный дружбы товарищей.

Но, к сожалению, найти и сохранить друга не у всех получается. Об этом мы узнаем из ваших же писем.

Вот, например: «Меня зовут Леной, мне 13 лет. Почему сейчас так трудно найти хорошую подругу или друга? Трудно установить контакт со сверстниками? Все мои одноклассники делают вид, что в классе царит неразрывная дружба, но на самом деле все далеки и чужды друг другу».

Лене, а также другим нашим читателям я хочу сказать еще об одной особенности вашего возраста: да, контакт со сверстниками вам необходим, но все более важной становится дружба не со «всеми», а с **одним** человеком. Ему можно поведать то, что не расскажешь целому классу: свой секрет или заветную мечту, поделиться сомнениями или попросить совета. Всего этого часто не хватает и взрослым, но впервые остро ощущается именно подростками. И если ты не можешь найти преданного друга или, хуже того, друг или подруга обманули твое доверие — обида и чувство одиночества переполняют душу.

«Дорогая редакция! Пишу тебе потому, что не могу больше сдерживаться. Вы знаете, как трудно быть человеку одному! Хотя в моем классе никто не скажет, что у меня нет друзей. Друзья у меня есть, есть даже самая-самая близкая подруга. Но в последнее время она от меня совсем отвернулась и дружит с другой девочкой. А я в отчаянии. Сегодня я «сорвала урок», как написано в моем дневнике. Учительница сказала, что я совсем «распустилась». Но это не так. Просто мне надо было как-то «разгрузиться». Мне так плохо! Никто меня не понимает. Я совсем одна!»

«Мне 14 лет. Пишу потому, что мне надоело одиночество. Почему так бывает — одному человеку легко и общаться, и дела у него идут хорошо, а у другого все не так. Наверное, все дело в характере... Но если я устала, устала от этой пустоты!»

В сотнях писем в редакцию ребята задают одни и те же вопросы: «Почему не получается дружба с тем, с кем хочешь?» «Как понравиться тому, кто тебе нравится?» «Почему он (она) не обращает на меня внимания?» «Как заставить его подружиться со мной?» И в конце каждого письма: «Я больше так не могу!», «Что мне делать?!», «Помогите, помогите!»

Честно признаюсь, универсального ответа на все эти вопросы нет. Нет и такой «волшебной палочки», которая бы разрешила все ваши трудности. Но помочь вам все-таки можно.

Я уверена, что тебе, наш читатель, будет намного легче общаться и дружить, если ты узнаешь, какой характер у твоего друга и **что он ждет от дружбы.** Ведь разные ребята в дружбе ищут разное, и в разном они нуждаются. Знаешь ли ты это?

Давай сделаем так: я коротко опишу четыре разных характера, а ты реши, какой характер у кого из твоих друзей. А чтобы тебе легче было представить, описания будут от первого лица, как будто человек сам рассказывает о себе.

Характер «подвижный, открытый». Чаще всего у меня хорошее настроение. Я убежден, исполнятся все мои желания и планы. Люблю всякие приключения, охотно иду на риск. Легко схожусь с людьми в любой обстановке. Одного друга мне мало, хочу жить в дружном, хорошем коллективе.

Человека следующего характера можно назвать **«человеком настроения».** Я не умею командовать другими. Меня легко обидеть, но и легко развеселить. Если у меня взяли какую-нибудь книгу или вещь на время, но никак не возвращают, я стесняюсь об этом напомнить. Родителей люблю и к ним привязан, но, бывает, сильно на них обижаюсь и даже с ними ссорюсь. Иногда мне хочется, чтобы вокруг было много людей, а иногда предпочитаю одиночество.

Характер «чувствительный,

застенчивый». Я стесняюсь незнакомых людей и боюсь заговорить с ними первый. Я очень чувствителен и обидчив. Малейшая неприятность огорчает меня. Я много раз взвешиваю все «за» и «против», прежде чем что-нибудь предпринять, и не решаюсь рисковать.

Характер «замкнутый». Я не боюсь одиночества. Мне хорошо, когда меня оставляют одного. Мои родные меня не понимают и кажутся мне чужими. Я не слушаю возражений и критики и всегда думаю и все делаю по-своему. Я не считаю, что человек все время должен быть окружен людьми, находиться в коллективе и не отрываться от него.

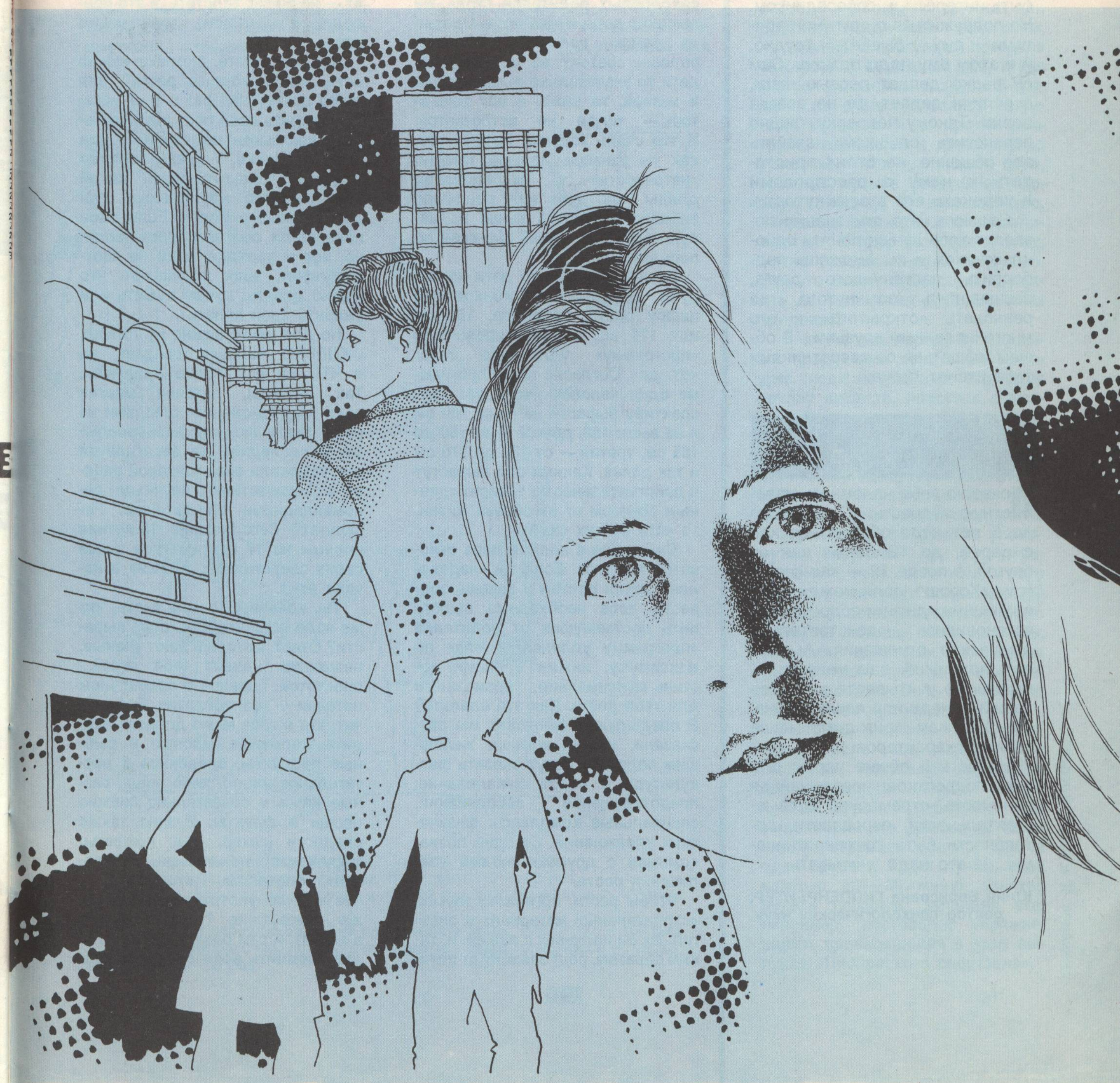
А теперь, когда ты решил, какой характер у твоего друга, я скажу тебе, что следует помнить и что учитывать, чтобы избегать в дружбе обид и недоразумений.

Человеку с «подвижным, открытым» характером легко общаться, быть откровенным. Он любит компании сверстников и всегда стремится ими командовать.

Он легко заводит новые знакомства, поэтому не всегда постоянен в дружбе. Он может, не замечая того, задеть «человека настроения» или товарища с «застенчивым» характером, а для человека «замкнутого» общение с ним бывает слишком утомительно.

Если у твоего друга характер «подвижный», глупо обижаться, что он дружит не только с тобой, но и с другими ребятами. Ревновать его бесполезно.

«Люди настроения» привязчивы и преданы друзьям. И сами они нуждаются в одобрении и поддержке. Даже незначительную критику, насмешку, замечание они переживают очень тяжело. Наоборот, любой знак внимания — улыбка, похвала — поднимает у них настроение. Вот почему их настроение может меняться по нескольку раз в день, и все из-за друзей. **Поэтому к таким ребятам нужно относиться особенно внимательно и бережно.**



Если твой друг с характером «чувствительным и застенчивым», то он человек робкий, хотя не всегда хочет это показать. Иногда он даже надевает на себя маску человека, которому «все ни по чем». Ему трудно отвечать у доски, даже если он знает урок. А вообще учиться и выполнять свои обязанности он старается хорошо. И тем не менее часто собой недоволен. **Он ищет в друге поддержку, хочет, чтобы друг был с ним искренним и честным. Не любит грубых, циничных ребят.**

Человеку замкнутому трудно понимать других и быть понятым окружающими. Он больше живет в собственных мыслях, мечтах, увлечениях, чем в реальном мире. Он много читает и может быть интересным собеседником. Но подружиться с другими ребятами ему бывает трудно, **и в этом ему надо помочь.** Сам он редко делает первые шаги, а если и делает, то не всегда ловко. Такому человеку трудно переносить слишком назойливое общение, **не стоит приставать к нему с расспросами и упрекать его в замкнутости.**

Надеюсь, что эти знания позволят тебе лучше понять одноклассников и ты сможешь подбодрить застенчивого друга, расшевелить замкнутого, не ревновать «открытого» к его многочисленным друзьям... В общем, общаться со сверстниками тебе станет легче.

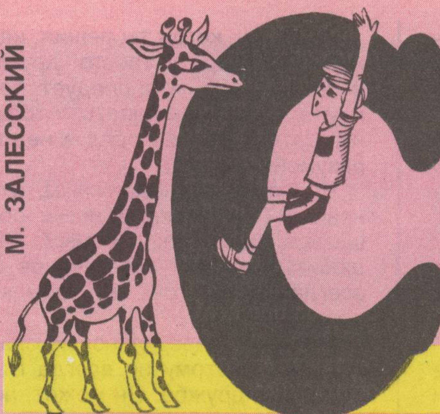
ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Позволю себе напомнить известную мудрость: «С ребенком до 5 лет надо обращаться как с царем, до 12 лет — как со слугой, а после 12 — как с другом». Хорошо, если между вами и вашими детьми-подростками установились действительно дружеские отношения. А если нет, возможно, вам мешает то, что вы не учитываете характер вашей дочери или вашего сына. Тогда и вам пригодится наша таблица характеров.

Но есть и общие черты для всех подростков: чрезвычайная ранимость, стремление к самостоятельности, взрослости, потребность быть со сверстниками... И это надо учитывать.

Юлия Борисовна ГИППЕНРЕЙТЕР, доктор психологических наук.

М. ЗАЛЕССКИЙ



СЕКРЕТЫ РОСТА

ШЕСТОЕ ЗАНЯТИЕ

Человек наследует от родителей цвет кожи, разрез глаз, форму носа и много других признаков, в том числе длину тела, или попросту рост. Поэтому кажется естественным, что у высокорослых родителей столь же высокие дети, и наоборот. Однако на самом деле это правило сплошь состоит из исключений: дети то значительно выше и отца, и матери, то ниже, а вот точь-в-точь — почти не встречается. И это очень хорошо. Потому что, как ты узнаешь дальше, именно «неточность» в наследовании длины тела дает тебе реальную возможность стать выше на целую голову. Но давай обо всем по порядку...

Начнем с того, что дети наследуют не какую-то конкретную цифру роста, например, 158 см или 171 см, а ориентировочную «программу» удлинения тела: «от...до». Согласно такой программе один человек наследует перспективу вырасти не ниже 160 см и не выше 180, другой — от 150 до 185 см, третий — от 130 до 170 см и так далее. Какими они вырастут в действительности, зависит главным образом от их образа жизни, то есть от них самих.

Сказанное в полной мере относится и к тебе. Если ты «недоволен» своим ростом и хочешь подрасти, тебе необходимо выполнить доставшуюся от родителей «программу удлинения тела» по максимуму, иными словами достичь максимально возможного для тебя роста. Как это сделать? В предыдущих выпусках мы рассказали, какую помощь желающим подрасти могут оказать физкультура и спорт, закаливание, предотвращение заболеваний, специальные комплексы физических упражнений. Сегодня познакомимся с другими путями увеличения роста.

Чтобы расти, организму нужны «строительный материал» и энергия. Их он получает с пищей, и, таким образом, рост зависит от питания. Значит, чем больше ешь, тем быстрее растешь? Оказывается, нет, избыток пищи так же плох, как ее недостаток. Если человек недоедает, он худеет, и рост останавливается, если же переедает — начинает толстеть, и это приводит к болезням, тормозящим рост.

Как же узнать, сколько нужно есть, чтобы хорошо расти? Для этого достаточно раз в 3—4 месяца измерить свой рост и взвеситься в школьном медкабинете или в поликлинике. У врача имеются таблицы, показывающие, какой вес является нормальным для определенного роста. Если твои показатели соответствуют таблице, все в порядке, если не соответствуют, врач подскажет, что нужно делать: лучше кушать или умерить свой аппетит.

Но для роста важно не только, СКОЛЬКО человек съедает, но и ЧТО он ест, какие продукты. Так, японцы, питаясь многие века традиционными блюдами из риса, были людьми низкорослыми. В последние же десятилетия они изменили свой пищевой рацион в соответствии с научными рекомендациями по питанию. Результат? Сегодняшние 13-летние японцы на 17 сантиметров выше своих сверстников, живших в начале века.

Ты, конечно, хочешь знать, что же надо есть, чтобы скорее вырасти? Ответ, который дают ученые, возможно, удивит тебя своей... простотой. Главное в правильном питании — разнообразие. Это значит, что в твое меню должны входить молочные, мясные и рыбные продукты, сливочное и растительное масло, хлеб, яйца, разные каши и обязательно свежие овощи и фрукты. Нужны также сладости (сахар, мед, конфеты, мороженое), но в очень небольшом количестве. Потому что их чрезмерное употребление тормозит выделение гормона роста, а значит, и сам рост. Об этом следует помнить всем сладкоежкам.

Как ни важен для пионеров рост, но учеба все-таки важнее. И тут выясняется, что, заботясь об увеличении роста, ты незаметно помогаешь... учебе. Связано это с тем, что учеба — работа умственная. Следовательно, ее качество, то есть твои знания и отметки, зависит от состояния нервной системы. Чем это состояние лучше (меньше утомляемость, выше работоспособность, легче восприятие и запоминание), тем успешнее идут дела в школе.

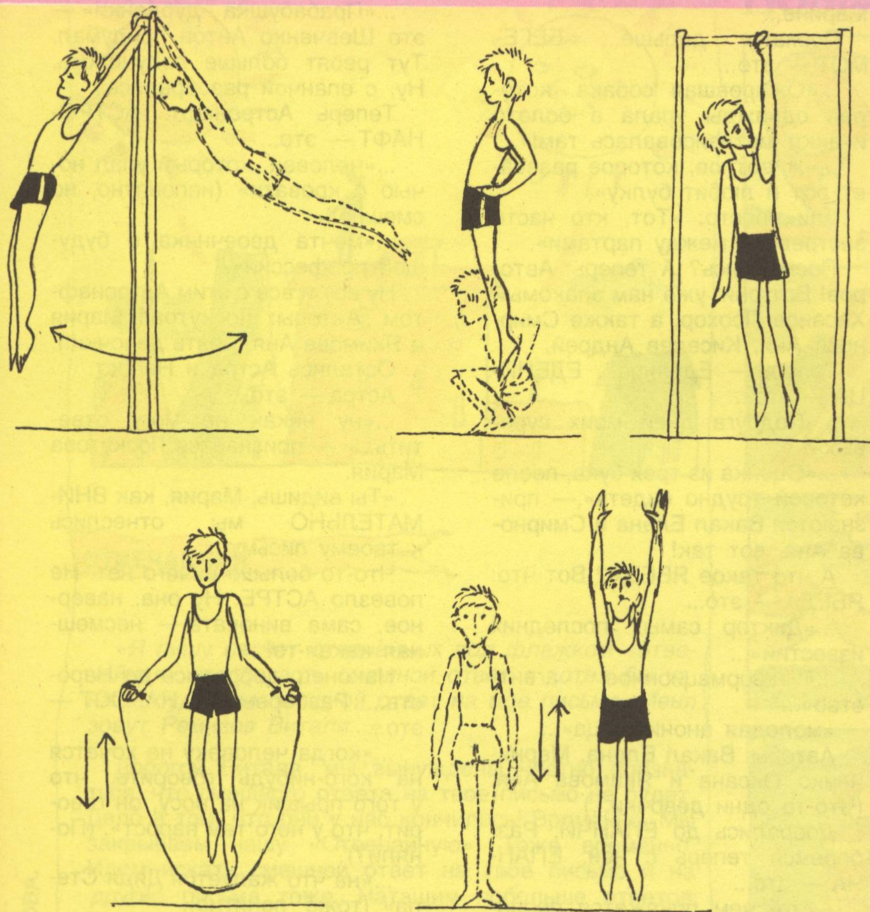
«Но какое отношение к умственной работе имеет увеличение роста?» — можешь спросить ты. Представь себе, прямое. Чтобы в этом убедиться, посмотрим, что происходит в организме, когда ты стараешься подрасти. При физических упражнениях нервные клетки лучше снабжаются кислородом и питательными веществами, очищаются от ядовитых шлаков. Закаливание защищает нервную систему от микробов и токсинов, правильное питание обеспечивает ее всем необходимым. Хорошая осанка расправляет грудь, улучшает дыхание, кровообращение, создавая благоприятные условия для работы мозга. Короче, все что делается для увеличения роста, положительно влияет на состояние нервной системы.

Случайно ли? Оказывается, нет. Нервная система руководит организмом, в том числе его ростом. Факторы, отрицательно влияющие на нервную систему (плохое питание, утомление, недостаток кислорода, интоксикация), тормозят рост, и, наоборот, все, что улучшает ее состояние, одновременно способствует росту. Но, с другой стороны, как ты знаешь, чем лучше состояние нервной системы, тем успешнее она справляется с умственной работой. Вот и выходит, что, заботясь о своем росте, ты создаешь условия для успехов в учебе. Остается только не лениться.

Рассказав, какое значение для каждого школьника имеет состояние его нервной системы, хочу дать еще несколько советов, как с ней надо обращаться. Можешь не сомневаться, что на твоем росте выполнение этих советов отразится положительно. Итак, во-первых, для поддержания нервной системы в хорошем состоянии необходим восьми-, девятичасовой ночной сон в проветренном помещении. Кстати, в народе давно подмечено, что «во сне дети растут». Так оно и есть! Во-вторых, как бы ты ни был увлечен чтением, телепередачами, работой в школьных кружках или другими «сидячими» занятиями, не забывай о прогулках, поездках за город на выходные дни, труде и играх на свежем воздухе. В-третьих, не очень увлекайся «шумной» музыкой. Я не против рок-групп, ансамблей и дискотек, но доказано, что излишний шум, громкая музыка разрушают нервную систему, а, как известно, «нервные клетки не восстанавливаются». К тому же, в дискотеках, мягко говоря, пыльно и душно. Все это может отрицательно влиять не только на рост, но и на здоровье.

В-четвертых, наряду с пищевыми продуктами некоторые молодые люди потребляют еще одну группу веществ, поистине страшных. Введение их в организм принято называть «вредными привычками», но правильнее было бы назвать самоубийством. Это — курение, употребление спиртных напитков, химических препаратов и наркотиков. Каждое из упомянутых веществ — яд! Яд, отравляющий весь организм и его нервную систему, подрывающий здоровье, останавливающий рост. Если ты хочешь быть крепким, сильным, здоровым человеком, употребление любого из этих веществ должно быть исключено категорически и навсегда!

Наконец, в-пятых, чтобы занятия в школе были менее утомительными, используй переменки для активного отдыха (бегай, прыгай, играй с ребятами). При выполнении же домашних заданий не стремись сделать все за один присест. Будет лучше, если каждые 40 — 50 минут занятий делать перерыв, заполняя его, например, ростовыми упражнениями, приведенными в этом выпуске «Пионерского спортзала».



1. Раскачивание на перекладине. Сделать 6 — 8 махов.
2. Подскок из глубокого приседа. Выполнить 10 — 12 раз.
3. Вис на перекладине на левой и правой руках. Выполняется 2 — 3 раза на каждой руке.
4. Подскоки через прыгалки на одной и двух ногах. Всего 100 — 150 раз.
5. Встать на цыпочки, потянуть руки вверх — вдох, опуститься — выдох. Выполнять 3 — 5 раз.

Рисунок Д. КАМЕНЩИКОВА.



Всюду конец года заканчивается один раз. А в «Сатирикончике» дважды. Так что, как и обещали, продолжаем подводить итоги. Все-все.

ДРОВССОРК № 3

Каждый из вас, когда писал ответы, наверное, сам смеялся над ними. Теперь посмеемся все вместе.

Начнем с КУКАРЯМБЫ. Что бы это могло быть?

А вот что:

КУКАРЯМБА — «это петух, который снесся»,

или «курочка Ряба жареная!»,

или «Рямба великого путешественника Кука»...

а может быть, это «Дискотека в курятнике»?

а может, и «Кукареку-у-у по-испански»?

Кому что нравится! Ну а нам — все!



Спасибо ребятам: Хасанову Прохору, Дударь Вите (это девочка), Парфенову Руслану, Грибовой Ане, Белогрядовой Марине...

Поехали дальше... БЕГЕМОТ — это...

...«Ожиревшая собака, которая однажды упала в болото и акклиматизировалась там!»,

...«животное, которое разевает рот и любит булку»,

или просто: «Тот, кто часто застревает между партами».

Посмеялись? А теперь: Авторов! Вот они: уже нам знакомый Хасанов Прохор, а также Смирнова Аня, Киселев Андрей.

Теперь — Еденица... ЕДЕНИЦА — это...

...«Подруга дней моих суровых»,

...«Оценка из трех букв, после которой трудно сидеть»,— признаются Вакал Елена и Смирнова Аня, вот так!

А что такое ЯБЕДА? Вот что: ЯБЕДА — это...

...«Диктор самых последних известий»...

...«Информационное агентство»...

«молодая анонимщица»...

Авторы: Вакал Елена, Мерниченко Оксана и Якимова Аня. (Что-то одни девочки...)

Добрались до ЕПАНЧИ. Разберемся теперь с ней. ЕПАНЧА — это...

...«то, чем покажется первокласснику куртка десятиклассника, если он ее наденет!» — так считает Андрей Киселев, который сам учится в шестом классе...

Дальше! ЕПАНЧА — это...

...«что-то, напоминающее саранчу» — это Фомичев Сергей.

...«Фирменная дубленка Ивана Грозного» — это Козина Алена.

...«епонский чайник» — так думает Грибова Аня.

...«Прабабушка дубленки» — это Шевченко Антон придумал. Тут ребят больше получилось. Ну, с епанчой разобрались.

Теперь Астронафт. АСТРОНАФТ — это...

...«человек, который упал ночью с кровати» (непонятно, но смешно!).

...«мечта двоечника о будущей профессии».

Ну вот и все с этим Астронафтом. Авторы: Лоскутова Мария и Якимова Аня (опять девочки!).

Остались Астра и Нарост.

Астра — это...

...«ну никак не могу ответить...» — признается Лоскутова Мария.

«Ты видишь, Мария, как ВНИМАТЕЛЬНО мы отнеслись к твоему письму!).

Что-то больше ничего нет. Не повезло АСТРЕ. Ну она, наверное, сама виновата — несмешная какая-то!

Наконец, добрались до Нароста... Разберемся... НАРОСТ — это...

...«когда человеку не хочется на кого-нибудь говорить, что у того прыщик на носу, он говорит, что у него там нарост». (Поняли?)

...«на что жалуется Дядя Степа» (тоже понятно).

...«нежелательная возвышенность»...

Все, хватит. Последние авторы: Лукьянов Дмитрий, Фомичев Сергей, Вита Дударь... Конечно, ребята, много и других хороших ответов, и не обижайтесь. Главное — не победить, а посмеяться...

ПРО МАЛЬЧИКА ЛЕШУ

Сергей СЕДОВ

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЯЯ

Однажды Леша подумал:

— Пора заканчивать мои превращения-приключения. Сколько можно! Ребятам, наверное, уже надоело! И мне надоело. Во что бы такое превратиться в последний раз? Крокодилом я был, тигром тоже, деревом был, самолетом...

Тут Леша посмотрел в небо и решил:

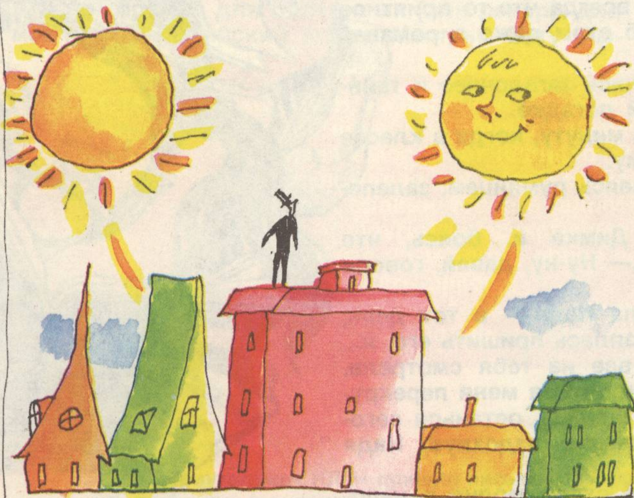
— А вот солнцем я ни разу не был...

И стал Леша Солнцем. А по ночам — звездой — чтобы людям спать не мешать. Все, конечно, удивились:

— Вдруг два солнца!

А мама Лешина ни капельки не удивилась — ко всему уже привыкла.

Леша маму слушается, режим соблюдает: завтрак, обед, ужин — все вовремя. Поел — и на небо. Хорошо!



ОТВЕЧАЙНАЯ

«Я пишу насчет отвечайных под флажком «отвечайная» всегда есть смешной ответ я хотел бы узнать, будет ли смешной ответ на мое письмо. Меня зовут Ремизов Виталя...»

Дорогой Виталя, мы вынуждены честно признаться, что смешного ответа на твое письмо не будет. Дело в том, что они у нас кончились! Временно. Мы закрываем нашу «Отвечайную». Тоже временно. Идем искать смешной ответ на твое письмо и на другие письма тоже. Натащим побольше ответов, откроем «Отвечайную» и снова милости просим...



Рисунки А. МАРТЫНОВА.



ВИДИК

Вот такое окончание к «Видику» № 6 придумала Артамонова Света, которая живет вдали от родины, а точнее — в ГДР...

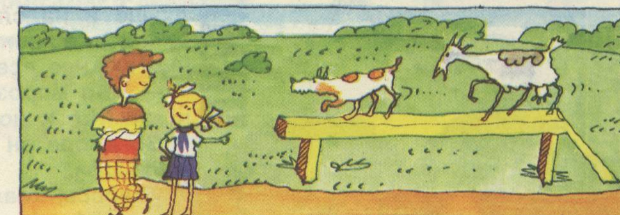


Новый Видик











И ТУТ ВИДИК СНОВА СЛОМАЛСЯ

Юрий ЕРМОЛАЕВ

ОБЪЯСНЕНИЕ

Димка Новиков, размахивая новой спортивной сумкой, шагал из школы домой. И вдруг,— к-р-р-рак,— у сумки оторвался ремень. Еще хорошо, что только с одной стороны. А то сумка наверняка искупалась бы в луже. Привязать оторванный конец ремня было не за что, и Димка здорово огорчился. Нести набитую учебниками сумку в руках было тяжело и неудобно.

И тут рядом с ним оказалась одноклассница Надя Чернова.

— Если ты не торопишься,— сказала она,— я могу пришить ремень. Иголка и нитки всегда со мной.

— Давай,— обрадовался Димка,— а то дома сердиться будут.

Пока Надя трудилась, Димка смотрел, как ловко она орудует иголкой.

«Все-таки Чернова неплохая девчонка,— размышлял он,— рукодельница прямо! И берет ей к лицу. Наверное, сама связала».

— Готово! — сказала Надя и, перекусив зубами нитку, отдала сумку, а сама стремглав бросилась догонять подругу.

— И чего она сорвалась? — удивился Димка.— Боится, что задразнят нас вдвоем, что ли? Вот чудачка!

На следующий день в школе Надя вела себя довольно странно: на уроках то и дело смотрела в Димкину сторону, даже замечание получила. А на переменах, гуляя с подругой по коридору, бросала на Димку какие-то непонятные взгляды.

«Что с ней? — недоумевал Димка и вдруг сообразил: — Эге, я же ей нравлюсь! Когда человек нравится, ему всегда что-то приятное делают и смотрят на него со значением. Об этом даже в романах пишут».

А взгляды Нади с каждым днем становились загадочнее и таинственнее. Димка уже не сомневался в своей догадке.

И вот настал решительный момент. Улучив минуту, когда в классе никого не было, Надя робко подошла к нему.

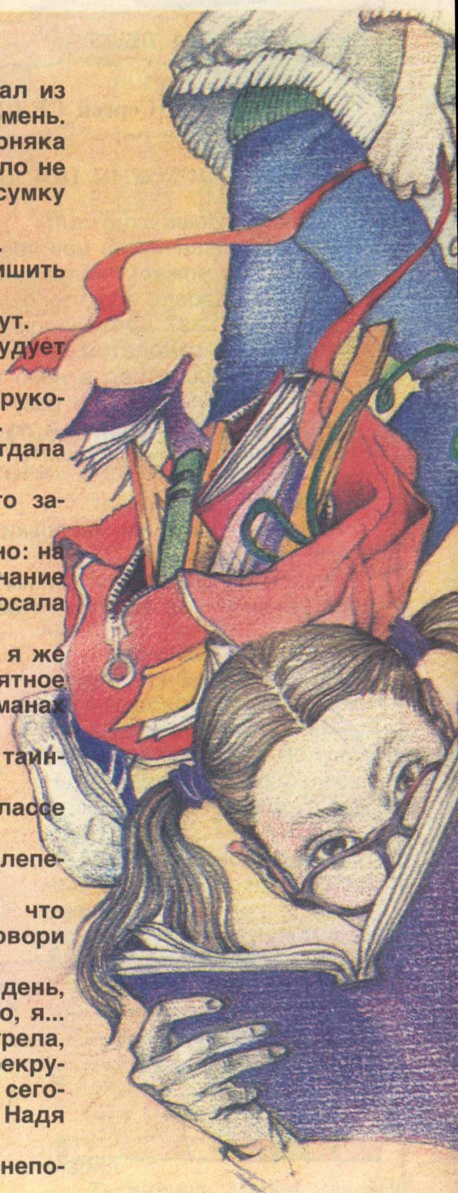
— Дима, я должна сказать тебе... — заливаясь румянцем, залепетала она.— Я должна...

«Наконец-то решилась! — обрадовался Димка и, боясь, что в класс кто-нибудь войдет, заторопил Надю,— Ну-ну, давай, говори скорей!»

— Дима,— уже намного увереннее сказала Надя,— в тот день, когда у твоей сумки оторвался ремень и я взялась пришить его, я... я пришила его не той стороной. А потом все на тебя смотрела, думала — сердишься... Сумка новая, а ремешок из-за меня перекручен. Некрасиво. Разве ты не заметил? Если хочешь, останься сегодня после уроков, я перешью.— И, облегченно вздохнув, Надя вышла из класса.

Несколько мгновений огорошенный Димка стоял молча и неподвижно, как изваяние. Потом сказал себе:

— «Не так пришила...» И столько переживаний... Надо же! — И, усмехнувшись, добавил: — Эх ты, рукодельница!





ЭКС-ЧЕМПИОН

Со школьного стадиона Костя ушел последним. Оглядел еще раз беговую дорожку, по которой всего час назад так неудачно пробежал, и тяжело вздохнул. Вот он уже и не чемпион отряда по бегу. Чемпионом стал Ромка Кравчук. Ужасно обидно!

— Ну, да ничего! — подбодрил себя Костя.— Потренируюсь получше и на следующих соревнованиях обязательно всех обгоню! А сейчас главное не огорчаться. Для спортсмена хорошее настроение важнее всего.

— «Ни мороз мне не страшен, ни жара...» — громко запел Костя и зашагал к дому.

Во дворе он увидел нового чемпиона. Ромка что-то рассказывал малышам.

«Небось, хвалится, как меня обогнал»,— подумал Костя и крикнул:

— Эй, молодежь, чем занимаетесь?

— Наперегонки бегаем,— ответил первоклассник Павлик.

— И как успехи? — спросил Костя, стараясь улыбнуться.

— Хорошие. Я всех обгоняю,— весело засмеялся Павлик и спросил: — А тебя кто обогнал?

Костя вспыхнул и покосился на Ромку: «Так и есть,— разболтал».

— Откуда ты знаешь, что меня обогнали? — нарочно громко спросил он Павлика.— Разве ты смотрел наши соревнования?

— Нет, не смотрел. Я так подумал,— сказал Павлик и объяснил: — Ведь когда ты был чемпионом, ты нас ни о чем не расспрашивал.

Друзья!

Надеемся, что в «Пионере» № 11 за 1988 год вы прочли о книге рекордов Гиннесса. Помните, мы решили тогда написать книгу рекордов «Пионера»? О ней — в конце. А сейчас продолжим рассказ о книге Гиннесса.

Дольше всех просидел, точнее прожил, на канате француз Анри Роштен. Стодвадцатиметровый канат был натянут на высоте 25 метров над торговой площадью французского города Сент-Этьен. Так вот, рекордсмен провел на этом канате 185 дней! Он и спал на нем. Как написано в книге, эта способность совершенно потрясла врачей. Хоть мы и не врачи, но нас она тоже потрясла.

Англичанин Норман Джонсон за 19,11 секунды (!) разрезал огурец на 244 кусочка!! Но это еще не все. Каждый кусочек имел толщину всего 1, 1 миллиметра. Да, верно говорится: нет предела человеческим возможностям!

Для тех, кто не знает, что такое марафонская дистанция, скажем, это 42 километра 195 метров, которые надо пробежать. Новозеландец Джозеф Мэтьюз пробежал эту дистанцию за 7 часов 52 минуты 14 секунд. Не лучшее время, верно? Но в книге Гиннесса рекорд все же зафиксирован, потому что Мэтьюз бежал с пятидесятикилограммовым мешком угля на плече!

А вот пример для болтливых (или рекорд для молчунов). Индийский факир Мастрам Бату безмолвно просидел на обочине дороги возле деревни Читра в течение ни много ни мало 22 лет.

Вниманию гитаристов! Дольше всех непрерывно играл на гитаре англичанин Джон Маршал — 230 часов! Продолжалось это с 18 по 26 февраля 1981 года. Конечно, рекорд потрясает воображение. Но возникает вопрос, и почему же не вписали в книгу чад и домочадцев рекордсмена? Ведь вынести такое бесконечное бренчание — это тоже рекорд... терпения.

Дольше всех катались на карусели Гарри Мандау, Крис Лионе и Дана Довер из США — «всего» 312 часов 43 минуты! Наверно, после этого их, как особо натренированных, можно было бы сразу же запускать в космос. А может быть, так и сделали. Не знаем. На этот счет книга молчит.

И последний, но уж совсем феноменальный и вместе с тем курьезный рекорд. За 60 минут Гарри Харлей умудрился побрить 987 мужчин, затратив на бритье каждого добровольца по 3,64 секунды (настало, наконец, время ставить три восклицательных знака)!!! Рекорд зафиксирован 28 апреля 1983 года в Гиллингеме (Кент, Англия).

ВЕСТНИК РЕКОРДОВ «ПИОНЕРА»

Слава Н. из Анапы за шесть лет обучения в школе не ответил ни на один вопрос учителей. Примечательно, что контрольные работы Слава выполняет неплохо. О рекорде сообщила группа товарищей, пожелавших остаться неизвестными.

Дима Сорокин (своего адреса он, к сожалению, не назвал) вместе с другими несчастными пассажирами прождал трамвая целых 1 час 23 минуты, после чего покинул остановку для того, чтобы записать рекорд.

Много писем о самых высоких и самых маленьких и еще о самых толстых. По понятным причинам мы эти рекорды не печатаем.

ВЕСТНИК РЕКОРДОВ «ПИОНЕРА»

Бортпроводник НЛО
Владимир КОЖЕМЯКИН

В «Треугольник НЛО» пришло письмо. Совершенно без подписи. Точнее, не письмо, а странички из дневника (конечно, не школьного, а, как бы это выразиться, личного), и мы решили их напечатать, озаглавив

ЗАПИСКИ ЭКСТРАСЕНСА

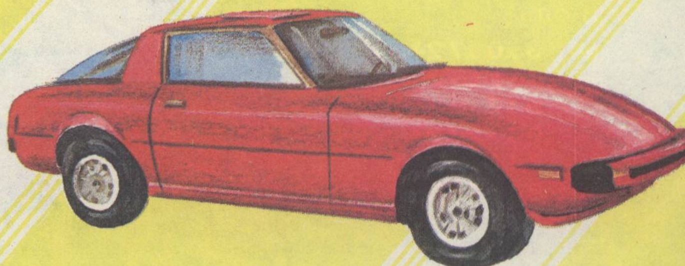
3 апреля. Утро. Не верю! Чудо случилось! Проснулся, ноги на пол спустил, а тапочки сами на них наделись. Откуда-то из-под кровати выскочили, развернулись и наделись. Да это еще что! Самое главное дальше было. Бабушка на завтрак вместо манной каши яичницу с колбасой и зеленым горошком поджарила. Лет сто такого не было! Ну ладно, потом допишу. В школу опаздываю.

Вечер. Как я в школу не опоздал, не пойму. И автобуса ждал, и «зеленого» на переходе ждал. По самым скромным подсчетам, минут на пять должен был опоздать. Подбегаю, а на часах без десяти. Звонок! И дальше — опять чудеса: за целый день ни разу не спросили и дневник ни одним замечанием не запачкали. Хотя было за что... А вот Вовку, друга и соседа по столу, спросили. Он, конечно же, ничегошеньки не знал. Собралась ему Клавдия Алексеевна в дневник двойку ставить, а авторучки-то у нее и нет. Хотя ведь была только что. Она искала-искала, потом стала у ребят просить. И тут выяснилось, что ручки исчезли у всех. Пока рылись в портфелях да под столами лазали, звонок прозвенел.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «СКОРОСТЬ»

МАЗДА Р ИКС-7



Так Вовка без двойки и выскочил!

Пожалуй, пора спать. Глаза слипаются.

4 апреля. Я экстрасенс! Даже суперэкстрасенс!! Простые «сенсы» могут предметы от себя двигать. А я и отталкивать и притягивать умею! Сел уроки готовить, открыл портфель, а он полон шариковых и чернильных ручек. Ну и карандашей немного валяется. Тут я и понял, откуда все это. Выходит, это я Вовку от «пары» спас!

А вечером вот что было. Только я написал последнюю строчку. Про глаза. Раз — и в кровати оказался. Кровать от стены отъехала, да под меня и поднырнула! Так вместе со стулом и легли.

8 апреля. Между прочим, все это даже очень неплохо. На уроках не спрашивают. На переменах никто не задирается. А в принципе вообще можно с места не трогаться. Вот, например, сижу я у себя в комнате. Вдруг начинаю думать: «Неплохо бы телик посмотреть». Не успеваю глазом моргнуть, ящик от родителей ко мне въезжает. Благо он на тумбочке с колесиками. Только жаль, что антенна коротка. Она на полпути отсоединяется. Все равно ничего не посмотришь. Но если шкаф с одеждой едет, мне школьную форму везет, тут уж, естественно, не до шуток. Пол у нас в квартире весь исцарапан. Родители ругаются. Но я-то в чем виноват? Молчать еще можно себя заставить, а вот приказать не думать...

13 апреля. Четыре дня меня родители по врачам таскали. Мама и папа. Вместе. Вместо школы. И сами на работу не ходили. И бабушка за нами поспешала. Их можно понять: весь дом вверх дном. Но пока эти хождения без толку. Врачи руками разводят. Ничего не понимаем, говорят, откуда у вас завелся эдакий, как его... «фенóмен». А еще говорят, мол, не переживайте. Синяки, шишки и ссадины сами скоро пройдут. Каких-то примочек прописали — и все.

А дело вот как было. Решили мы с Вовкой в кино сходить. Кинотеатр из моего окна виден. Вовка позвонил: «Посмотри, что там». Афиши возле входа на огромную бетонную тумбу наклеены. Но что на них написано — не видать. То есть какие-то буквы красные и синие маячат, но слов ни за что не разобрать. Попробовал по телефону дозвониться. Как же! Не один экстрасенс не дозвонится, когда одна киношка на весь район. Ну, в общем, решил я эту тумбу чуток к окну притянуть. Тужился-тужился. Думал-думал. А она ни с места. Тогда я еще разок напрягся... да из окна и вылетел. Вместе со стеклами и рамой. Конечно, звон, крики. Но, к счастью, все обошлось. Первый этаж. И под окнами газон. Правда, довольно замусоренный. Испачкался малость. Шишку набил. Синяки. Ссадины. А так — ничего.

18 апреля. Ну, это вообще! В доме вовсю ремонт. С недоделками сдавали. Весной и потек. Кое-где потолки заново штукатурят. Кое-где паркет вздувшийся меняют. Значит, и мебель двигают. И кто же главный «двигальщик»? Ни за что не угадаете. Я! Как из школы приду, сразу на меня очередь выстраивается. И все такие добрые, улыбаются, просят: «Подвинь, милый, подвинь...» Ну как тут не подвинуть?!

20 мая. Давно за дневник не брался. Мебель двигал. Во какие мускулы. Сталь! Теперь я не головой, вернее не мыслью двигаю, а руками и всем телом. Биополями уже не получается. Выдохся мой великий дар из-за проклятого ремонта. Ох, как я ненавижу бракоделов-строителей! Но и хорошее кое-что есть: готовлюсь к городским соревнованиям. Штангу буду поднимать.

31 мая. Выиграл!

32 мая. И все-таки что же это было?!.



Рисунок В. БУРМИСТРОВА.

ИЮЛЬ					
пн		3	10	17	24	31
вт		4	11	18	25	
ср		5	12	19	26	
чт		6	13	20	27	
пт		7	14	21	28	
сб	1	8	15	22	29	
вс	2	9	16	23	30	

Эти машины выпускают в японском городе Хиросима. Мощность двигателя автомобиля «Мазда Р ИКС-7» 139 лошадиных сил. Он может разогнаться до 190 километров в час. Причем потребуется всего 9,5 секунды, чтобы автомобиль с места набрал скорость в 100 километров в час.



Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

ЗЕЛЕНЫЙ КАМЕНЬ

Окончание. Начало в № 6.

3

А чем, собственно, плоха резиновая лодка? Скорость у нее, само собой, не та: скучновато на ней после байдарки. Но если надо, то на резиновой можно и до Оби дойти. Поставь только за правило, чтобы в день было как минимум десять чистых ходовых часов, и греби, не ленись, вспарывай веслами Ишим...

В семь часов всегда надо было приставать, разбивать лагерь, потому что в восемь —в начале девятого на землю падает кромешная осенняя темь. Я не пристал вовремя, захотел «вырвать» еще минут тридцать светового дня — и поплатился.

Ишим вдруг сузился. Как будто я в протоку попал, и даже не в протоку, а в затоку, в рукав, в замкнутое пространство.

Останавливаюсь, стою. Нет, течение, слава богу, есть, несет лодку. Значит, куда-нибудь да выберусь, надо идти. А приставать здесь нельзя, негде: глухие, топкие берега, низкие, крутые обрывы, сжато все, до берега веслом можно достать, посреди реки торчат деревья, ветви корявые, как ведьмины руки с растопыренными пальцами, из зарослей перед самым носом взлетают непуганые утки, гуси, темь кромешная, то и дело дождь налетает, но, к счастью, прекращается. И страшно вдруг стало. Сколько шел по реке, в глухих местах ночевал — и ничего, а тут, и правда, как будто не́жить — нечистая сила обосновалась, затаилась в глухих, топких берегах, в черных зарослях тальника, растущего прямо из черной воды.

Пять часов в полной тьме шел я по этому участку реки, слабо надеясь, что уже вот-вот близко большая вода. И только когда начались слуховые галлюцинации (все время кажется, что где-то петухи кричат) да и зрительные тоже: тени какие-то впереди, не то обломки моста, не то завалы,— открылся вдруг простор, горы открылись справа, настоящий, материковый берег! И слева, у поворота, маленький песчаный откос.

Дрожа от холода, сырости, нервного напряжения, вытащил резиновую лодку на берег, перевернул ее, застелил мокрое днище пленкой, сверху палатку, в нее — спальный мешок. Съел луковицу, закусил аспирином, вскипятил на сухом горючем кружку чаю. Наглухо застегнулся в спальном мешке, завернулся в палатку, накрылся полиэтиленовой пленкой, потому что дождь идет, дождь — и провалился в сон.

Проснулся совершенно здоровым, бодрым. И было солнце.

Сколько раз в том осеннем пути, когда к вечеру начинался долгий, нудный и холодный дождь или вдруг, внезапно обрушивался у вечернего костра, когда ничего еще не готово к ночлегу, сколько раз я зарекался: все, хватит, надо разбивать сухой лагерь, надолго, и просто жить — рыбачить, смотреть на воду. Неужто так обязательно надо дойти до этого города Ишима?! Но утром вставало солнце, и все вчерашнее, все слабые мысли «мокрого человека» как рукой снимало...

4

Пока я просушивал вещи, на том берегу раздались голоса, смех, выкрики, и с большой пологой горы, от деревни Пешнево, спустились к реке ребятишки, сопровождаемые учительницей. Это был, наверное, третий класс, урок природоведения. Учились стороны света определять. На меня — ноль внимания. Мало ли всяких туристов и рыбаков на реке. Но когда я вынес на берег лодку и спустил ее на воду, раздались крики: «Он в лодке поедет! Смотрите, он в лодке поедет!» Вся детвора сломя голову кинулась к берегу. И смотрела, не отрывая глаз, как я укладываю вещи, как отчаливаю, выправляю свой корабль по стрежню.

Что я сделал? Спустил на воду лодку. Не вездеход, не катер. Да и не удивились бы катеру-то. А к лодке, к человеку, путешествующему на лодке, бросились, смотрели, затаив дыхание. Значит, все правильно, значит, вот как глубоко, неведомо для каждого сидит в нас инстинктивное ощущение древности, первобытийности водного пути. Отсюда, наверно, и невнятная, неосознанная тяга к путешествиям по реке. Так мне думается.

И потому человек, идущий по реке в лодке, как бы возвращается в то давно уже забытое, не побоюсь сказать, первобытийное состояние, отдается реке, как бы отрешается от всего. Он и природа сливаются в одно целое.

5

Красивейшая деревушка Боровлянка. У обрывистого берега — маленький причал, мостки, здесь берут воду. Женщина с ведрами на коромысле поднимается к деревне. Рядом с ней — две девчушки. Идиллическая картина.

Так вот, у причала этой самой Боровлянки, выходя из лодки, я наступил на что-то твердое, острое. Многолетняя привычка спасла — тут же перенес центр тяжести на другую ногу, переступил. Раздевшись до пояса, я начал обшаривать дно. И поднял



только у мостков две большие разбитые бутылки из-под вина, три консервные банки с острыми краями, какую-то железяку, доску с незагнутыми гвоздями... на этом прекратил поиски.

Чужих, пришлых людей, на которых можно свалить все эти не поддающиеся нормальному сознанию мелкие пакости, здесь, в глухой тюменской деревушке, нет. Значит, свои, деревенские, у своей деревни, у своей реки... В голове не укладывается. И после этого уже не удивляешься, когда видишь тракторы и даже комбайны, утопленные в реке по самую кабину. Когда видишь, как строят мосты через Ишим в тюменских деревнях: сдвигают берега бульдозерами, сужают русло до ширины протоки — и готов мостик в два-три пролета. Весной его сносит, но рядом точно таким же способом ставят другой. И этот сносит... так до бесконечности. А старые, гнилые сваи остаются, бревна, доски настила с торчащими скобами застревают тут же, образуют водовороты, завалы, водопады. Смотреть на все это страшно, хоть криком кричи: что же это мы делаем?! Поди докричись. Многие и многие годы пишу об этом в разных газетах и журналах, получаю ответы больших начальников, но трудно, трудно переломить устоявшееся десятилетиями безразличие. Да ведь когда какой-нибудь завод отравляет реку — с этим еще можно бороться. Но когда мужики в десятках и сотнях боровлянок бросают разбитые бутылки и консервные банки у мостков, там, где купаются их же дети,— как тут быть, что тут делать?..

6

Однако путь далекий, долгий, река ведет от поворота к повороту, от излучины к излучине. Иду по реке и прекрасно ведь знаю, что там, за излучиной, та же река, те же берега, ишимские, а все равно влечет неудержимо: скорей за поворот, посмотреть, что там. Река лечит, вытесняет и горькие думы, и боль. Не совсем, конечно, зарубка остается, но все равно...

Одиночный поход по реке, в том же сентябре — октябре — труд нелегкий, который простонапросто не оставляет ни времени, ни места для уныния. То и дело борешься со временем, с наступающей быстро темнотой, вытягиваешь вверх, на мокрый глинистый откос рюкзаки, котелки, припасы, лодку, скользишь, падаешь, и постоянно надо помнить, что не дай бог подвернешь ногу: на помощь никто не придет. Глухие места. И спешить надо, спешить, потому что уже октябрь, близкие устойчивые холода и дождь сечет жесткий, злой, больше похожий на только что растаявшие крупинки града.

К последнему ночлегу на реке я пришел вымотанный, но очень довольный. Почти двенадцать ходовых часов «вырвал», и ход был хороший. И с ночлегом мне повезло: расположился я прямо над рекой, на низком травянистом обрыве, на маленькой уютной пло-

См. с. 60.

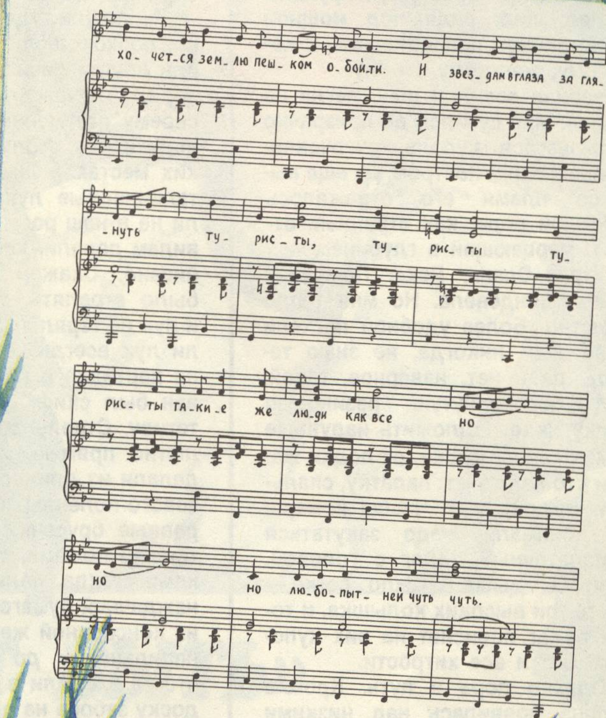
Музыка Юрия ЧИЧКОВА.
Слова Константина ИБРЯЕВА.

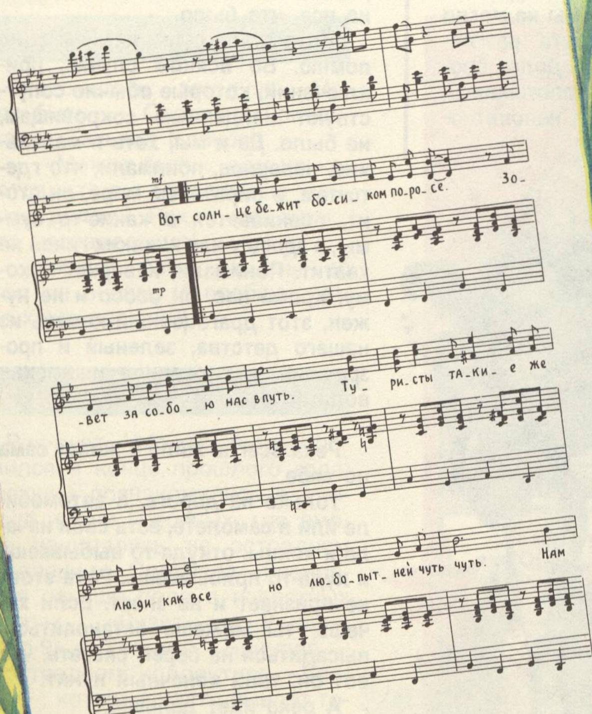
ТУРИСТСКАЯ ПЕСЕНКА

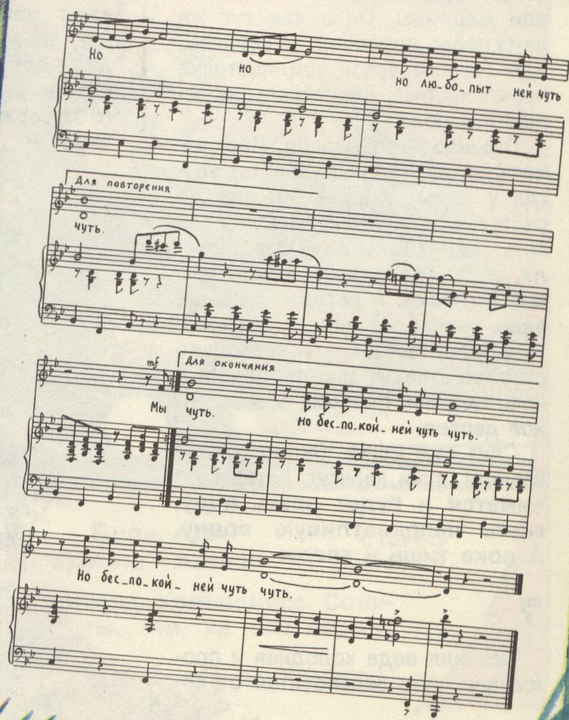
1. Вот солнце бежит босиком по росе,
Зовет за собою нас в путь.
Туристы такие же люди, как все,
Но любопытней чуть-чуть.
Нам хочется землю пешком обойти
И звездам в глаза заглянуть.
Туристы такие же люди, как все,
Но любопытней чуть-чуть.

2. Мы песенкой встретили синий рассвет,
Чтоб с песнями в полдень шагнуть.
Туристы такие же люди, как все,
Но веселее чуть-чуть.
Нам хочется скуку и сонный туман
Со всех перекрестков спугнуть.
Туристы такие же люди, как все,
Но веселее чуть-чуть.

3. У быстрой реки на песчаной косе
Бьет ветер в открытую грудь.
Туристы такие же люди, как все,
Но беспокойней чуть-чуть.
Нам хочется песенкой этой позвать
Всех наших ровесников в путь.
Туристы такие же люди, как все,
Но беспокойней чуть-чуть.







См. с. 58.

щадке. Там росла мощная, раскидистая ива, и все вокруг было усыпано желтыми листьями, длинными, узкими, как... как байдарка, честное слово.

Еду я сварил, как положено, на весь завтрашний день, чтобы в пути уже не отвлекаться. Но ужинать не стал. Чувствовалось: все же здорово устал, перетянул себя. Варил чай в двух кружках и пил, пил, сидя под мощной ивой, спиной привалившись к корявому, жесткому стволу.

Черная осенняя ночь легла на землю. Мир сузился до призрачно светящегося купола, очерченного пылающим костром. Да еще высокое пламя его отражалось в темной воде, как странный отсвет, мерцающий в глубине...

Утро. Осень. Река. Пожухлая трава заиндевела. Но мне тепло и уютно. Более удобной постели я не знал никогда, не знаю теперь, да и нет, наверное, такой. Под перевернутую резиновую лодку надо подложить надувные резиновые подушки, от лодки же. Или кто как хочет: палатку, спальный мешок, тент. Чтобы комары не донимали, надо закутаться в палаточный полог с головой. А чтобы дышать было легко,— вбить три высоких колышка, и тогда полог повиснет на них куполом. Вот и все хитрости.

Однако пора в путь. Кромка солнца появилась над низкими холмами. Места здесь уже обжитые, тропки натоптаны, машинные колеи. В заливчике торчат тальниковые вешки: кто-то сети ставил или жерлицы. Одна ива тут же дала побег, проросла: на верхнем, еще свежем срезе три листочка проклюнулись. Как маленькая зеленая корона.

Странное это дерево. Ива, ракита, ветла, тальник... Растет всегда у воды, в воде. Но она же растет и в пустыне. Везде, где есть земля. Тальник — это заросли, кустарник прибрежный, тонкий и гибкий. А ветла — царь-дерево, баобаб, от одного, корневого ствола, бывает, еще несколько стволов отходит, шатер поднебесный. Нет, все-таки ива — загадочное дерево.

Спит еще Ишим. Скоро солнце взойдет, тучи набегут, ветер поднимется и будет рвать воду, гнать неприветливую волну. А пока тишь и гладь.

7

Осенняя вода холодная и прозрачная, чуть зеленоватая от холода и чистоты. Так и хочется назвать ее красивым словом — аквамариновая, цвета морской волны. Когда весло вспарывает воду, поднимается из глубины, вокруг зеленоватой глыбы вскипают белые пузырьки воздуха, и это очень похоже на драгоценный прозрачно-зеленый камень, который нашли мы в детстве с Толькой Губарьковым возле болота на Сенной базе, за далекой окраиной Петропавловска.

Мы пошли туда, впервые в жизни, поохотиться, пострелять уток или другой дичи, которая, как говорили и как полагали мы по своему разумению, должна была водиться в столь далеких и диких местах. У нас были крепкие тальниковые луки высотой чуть ли не в наш рост. Мы все по правилам делали, как в книжках написано. Скажем, если не надо было стрелять, тетиву снимали, и лук не терял упругости. А сгибали лук всегда через колено, как на картинке в книге, где нарисован был скиф, ставящий на лук тетиву. Стрелы у нас были абсолютно прямые, жесткие. Мы их делали из длинного, сухого березового полена, раскалывая его на ровные брусочки, потом обрабатывали ножами, скоблили осколками стекла, полировали мелкой наждачной бумагой. Наконечники, из консервной жести, заточенные напильником до такой остроты, что те входили в сухую, твердую доску забора на два пальца. В общем, оружие для настоящих мужчин.

Но утки нам не попадались. Или их не было, или мы не могли из-за маленького роста разглядеть их за камышами. Долго бродили вокруг болота, спотыкаясь, обходя большие кучи непонятного мусора.



Вот здесь-то, возле одной из куч, я увидел сверкающий на солнце камень. Зеленоватый, прозрачный, он сиял гранями, по краям кое-где, как пеной, был оторочен белыми воздушными пузырьками.

— Что это? Что это? — разволновался Толька.

Было нам тогда по десять лет, но пиратскую литературу мы уже знали хорошо. Потому я ответил уверенно, ни секунды не сомневаясь:

— Это зеленый изумруд! В любом порту, от Пирея до Кадикса, за него дадут не меньше сорока тысяч гиней.

Толька ахнул.

Как я сейчас догадываюсь, почти точно знаю, это был большой осколок, кристалл расплавленного стекла. Может быть, даже бутылочного, зеленоватого. Вокруг болота заводские свалки; на каком-то из заводов, наверно, заплавили стекло, разбили его, выбросили — оно и попало к нам, красивое, драгоценное...

Когда мой приятель из далекого Забайкалья подарил мне аквамарин, я полетел с ним в Петропавловск, показал Тольке, в ишимскую воду опускал и проверял на прозрачность. Нет, это был совсем не тот камень. Никакого сравнения. И все мне кажется, что мы в детстве смотрели на мир, на будущее как бы сквозь ту загадочную зеленую призму. Или наоборот — сейчас смотрим в прошлое сквозь нее как сквозь магический кристалл, бросающий рассеянный и таинственный свет на все, что было.

А что стало с тем камнем, я не помню. Во всяком случае, приключений, которые обычно сопутствуют найденным сокровищам, не было. Да и мы, хоть и маленькие, наверное, понимали, что где-то там, в пиратском мире, он стоит, оценивается в какие-то суммы, а здесь у нас никаких гиней не хватит. Понимали, наверно: никому, кроме нас, он особо и не нужен, этот драгоценный камень из нашего детства, зеленый и прозрачный, как осенняя ишимская вода.

Река всегда жила и живет сама по себе.

Только на дороге, в автомобиле или в самолете, есть свои начала и концы, откуда-то выбываешь и куда-то прибываешь. Река этого не признает и не знает. Если хочешь, ты можешь остановиться, высадиться на берег, сказать, что вот он, твой конечный пункт.

А река идет дальше.

Рисунки А. ДЕРЖАВИНА.

«МОЖЕТ БЫТЬ»

ВОПРОС НА БЕГУ

Знакомьтесь: рок-дуэт «Может быть» — Светлана Грановская и Татьяна Блинова.

— «Может быть», вам не кажется, что вы занялись не женским делом? Рок и девушки... Это несовместимо!

— Может быть, но мы об этом не знаем. И вообще, чем мы хуже парней?!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Рок-дуэт «Может быть» появился в конце прошлого года. Девушки познакомились в училище имени Гнесиных, где вместе занимались на эстрадном отделении. Светлана Грановская раньше пела в известных группах «Визит», «Рондо», «Икс-9», Татьяна Блинова — в эстрадном коллективе «Девчата», который часто бывает гостем «Утренней почты».



ВИТРАЖ

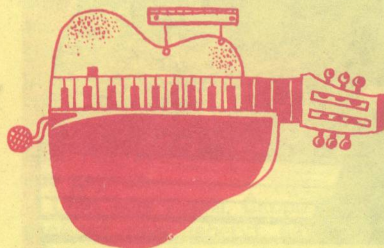
Оконный витраж, как известно, состоит из маленьких цветных стекол, которые вместе составляют какую-нибудь картину. Наш витраж будет состоять из интересных сведений о мире музыкальном. Сегодня мы печатаем список групп знаменитого **Ленинградского рок-клуба.**

«АВИА», «Автопортрет», «Азарт», «Аквариум», «Алиса», «Амальгама», «АУ», «Аукцион», «Алмазная брошь Н», «Бригадный подряд», «Буква «О», «Версия Н», «Время любить», «Герника», «Гора, на которой растут бобы», «Движение», «ДДТ», «Дети», «Джунгли», «Домашняя лаборатория», «Дурное влияние», «Ё», «Зоопарк», «Игры», «Изолятор», «Каменный гость», «Кино», «Корпус-2», «Курьер», «Легион», «Лес», «Луна», «Мастерская», «Мат», «Мисс Армитедж», «Младшие братья», «Народное ополчение», «НАТЕ!», «Невеста», «Неформальное объединение молодежи», «Ноль», «НЭП», «Объект насмешек», «Опасные соседи», «Опыты Александра Ляпина», «Патриархальная выставка», «Петля Нестерова», «Петроградская сторона», «Пластполумер», «Прииск», «Присутствие», «Против течения», «Проходной двор», «Рок-штат», «Санкт-Петербург», «Сезон дождей», «Ситуация», «Спокойной ночи», «Тайное голосование», «Тамбурин», «Театр имени Кукол», «Телевизор», «Техническая помощь», «Тихий омут», «Токио», «Третий Рим», «Фатум», «Фронт», «Штормовое предупреждение», «Шесть дней».

Вот сколько групп! Даже если каждый день на концерты ходить, чтобы все переслушать,— и то два с лишним месяца потребуется...

КОНКУРС «БЕКАР»

Из каких музыкальных инструментов состоит эта штуковина?



Ответ на вопрос конкурса «Бекар» из прошлого выпуска «Клип-клуба»:

Ансамбль никогда не использует в концерте две бас-гитары.

Подготовили
А. Каспаров и В. Владимирский.

МАЙКЛ ДЖЕКСОН

Поскольку никто из нас с Майклом Джексоном лично не знаком, мы пролистали иностранные журналы и... вот вам портрет Майкла, как говорится, по материалам зарубежной прессы.

Все знают, что он: 1) любит животных и держит у себя целый зоопарк, 2) хочет прожить 150 лет и для этого спит по ночам в кислородной камере, 3) единственный владелец прав на исполнение всех песен «Битлз», 4) рекламирует «Пепси-колу» и, наконец, 5) танцует как бог.

Немного истории. Майкл Джексон родился 30 лет назад в многодетной семье. У него 9 сестер и братьев. С 8 лет пел вместе с братьями в группе «Джексон Файв». В 13 лет добился сольного успеха с песней «Я должен быть там».

А теперь послушаем, что говорят о Майкле его родители.

Отец (Джозеф Джексон): «Когда Майкл был еще малышом, мы часто выступали по выходным дням с семейным ансамблем, и не только в родном Лос-Анджелесе, но и в других городах. Майкл получал свою зарплату каждую неделю после выступления».

Мать (Кэтерин Джексон): «Мне кажется, Майкл и сейчас не повзрослел до конца. Пример — страстная любовь к животным, как у ребенка».

Отец: «Я давал ему 20 долларов, и он покупал на все деньги сладости. Потом приглашал своих друзей и устраивал для них пир. Это ему безумно нравилось».

Мать: «Майкл до сих пор советуется с нами по разным житейским вопросам. Он скромный и застенчивый человек. Но это только в быту. На сцене перед многотысячной аудиторией Майкл преображается, и от его стеснительности не остается и следа».

Отец: «Больше всего он любил такие вечеринки, и еще петь и танцевать. Уже в пять лет он легко пел песни из репертуара популярных негритянских исполнителей».

Мать: «Популярность не испортила его, но иногда ему приходится туго — многие жаждут встречи с ним, ходят за ним по пятам. Но Майкл все равно улыбается, хотя я знаю, что часто ему хочется плакать».

Отец: «Майкл — вегетарианец, и вообще ест очень мало. Предпочитает орехи, виноград и другие фрукты. Любит устраивать детские праздники. Готовит к ним угощения. У Майкла есть аппараты для изготовления «воздушной кукурузы» и мороженого».

А как дела у Майкла Джексона на музыкальном поприще? Последний альбом «Бэд» пока не догнал по количеству проданных экземпляров предыдущую пластинку «Триллер», тираж которой превысил 40 миллионов. Но популярность новой пластинки растет. С сентября 1987 года на концертах Джексона побывало более 5 миллионов зрителей. Даже был установлен своеобразный рекорд: на лондонском стадионе «Уэмбли» собралось 504 тысячи поклонников американского певца. Такое в Великобритании впервые.

Вот какой портрет получился. В розовых тонах. Но почему же тогда такие странные названия у альбомов Джексона: «Бэд» — «Плохой», «Триллер» — «Ужасы»? Почему же тогда по телевидению нет-нет да и покажут видеоклип, где Майкл превращается в вампира? Значит он совершенно другой, этот Майкл Джексон? На вид симпатичный юноша, а на самом-то деле...

Повторяем, мы с Джексоном лично не знакомы, но, на наш взгляд, это «имидж» — сценический образ. Всевозможные страшные атрибуты джексоновского шоу служат именно этому образу. А у других артистов есть сценический образ? Конечно! К примеру, Чарли Чаплину, кроме великого таланта, создать «имидж» помогали котелок, тросточка и безразмерные ботинки с тесноватым сюртуком. Но в отличие от Чаплина у Джексона образ недобрый. Почему же певец столь популярен? Давайте подумаем над этим вместе. Напишите нам свое мнение.













MICHAEL JACKSON





ЧИТАЙ В АВГУСТЕ:
окончание повести Ю. Даниэля «Бегство», рассказ Б. Житкова «Утюжок», очередные выпуски рубрик «Музей одной картины» и «Зеленая карета».

Сдано в набор 04.05.89.
Подписано к печати 22.05.89. А 00293.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 608.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!

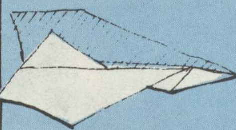
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

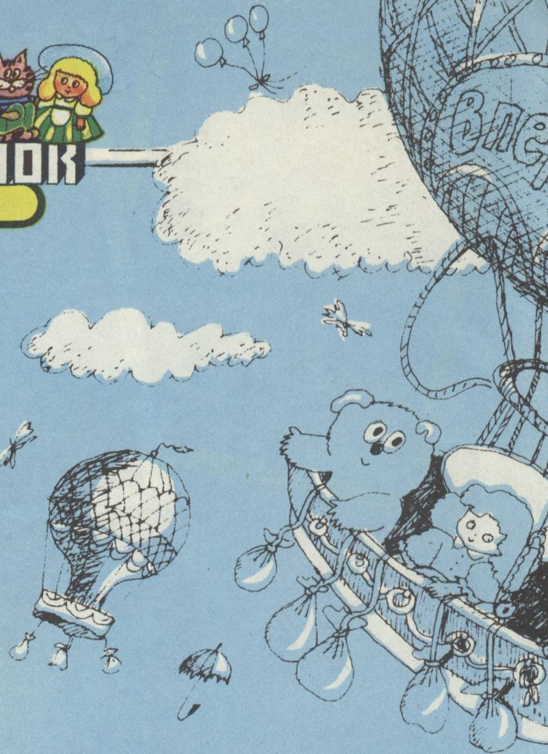
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

ДОМОВЁНОК *и компания*







Белоснежке показалось, что в раскрытую форточку влетел какой-то подозрительный листок. Он был странного для июля цвета — желтого и непонятной формы. Белоснежка подняла лист с пола и обнаружила, что он бумажный. И на нем черной краской выведено: «SOS!» Белоснежка срочно понесла сигнал бедствия на экспертизу к папе Карло.

Папа Карло повертел прилетевший лист в руках и сделал заключение:

— Это простейшая модель планера. Из обыкновенной бумаги кто-то вырезал лист, похожий на осиновый, и приклеил к нему тоненькую палочку (точные размеры этого планера ты можешь увидеть на рисунке). Кстати, а где Винни-Пух? По-моему, я его сегодня не видел...

В саду Винни не было, но сразу за забором начинался лес. Там-то, в ветвях густого дерева, и разглядел Домовенок Винни-Пуха.

— Что ты там делаешь,— закричали все разом.— Слезай скорей!

— Не могу. Я тут шалаш строил, лестница сломалась, а прыгать я боюсь.

— Эх, нам бы сейчас вертолет...— сказала Белоснежка.

— Вертолет-то у меня есть,— ответил ей Домовенок,— но на нем можно Винни только конфету переправить.

И Домовенок вынул из кармашка смешной вертолетик, который запросто делается даже без клея.

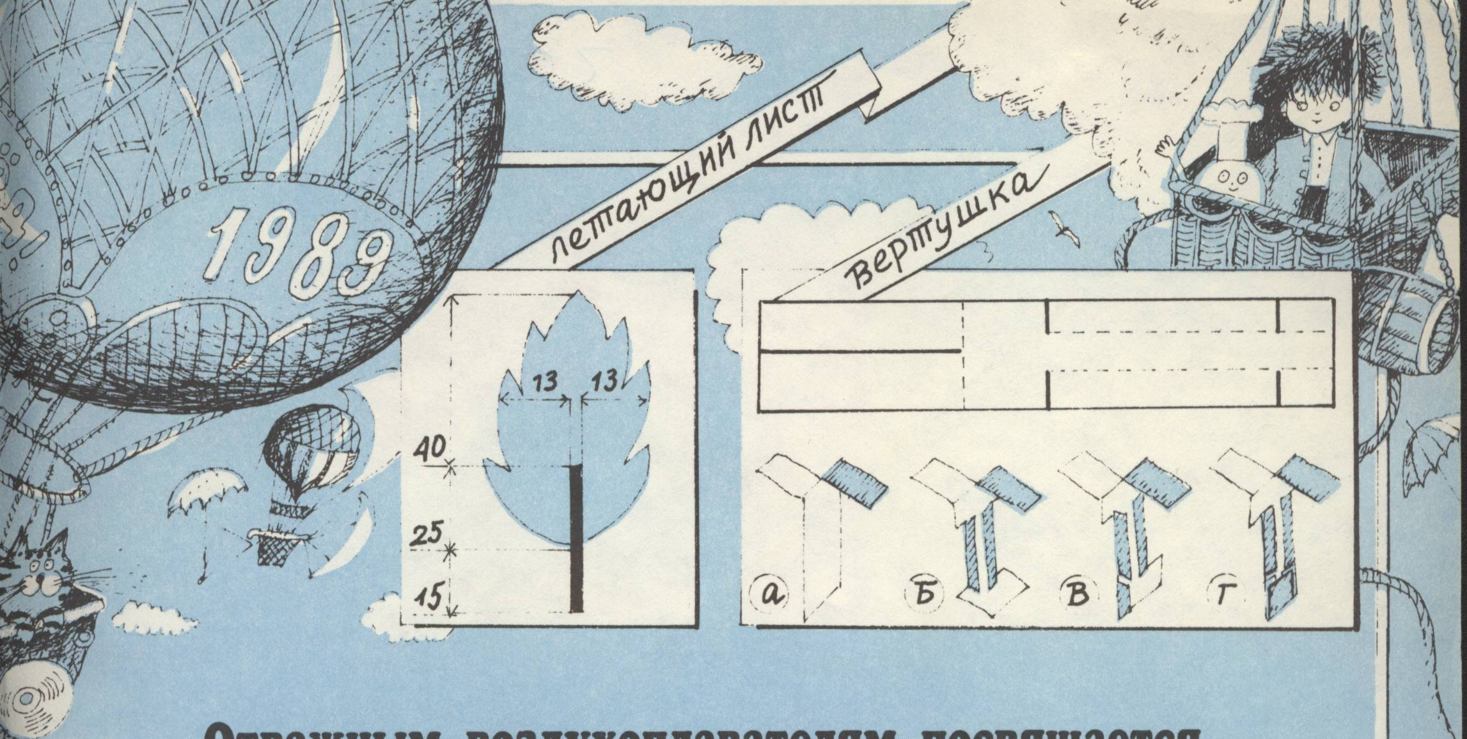
Берешь бумажную полоску шириной 5 см, длиной 21 см и надрезаешь по сплошным линиям, как это показано на рисунке. Затем сгибаешь по пунктирным линиям. Если утяжелить вертолет обыкновенной канцелярской скрепкой, он полетит еще лучше.

Получил Винни сладкую конфету, только почему-то ему еще горше стало. И вдруг папа Карло хлопнул себя по лбу:

— Придумал! Сейчас мы сделаем воздушный шар.







Отважным воздухоплавателям посвящается

Необходима папиросная бумага, из которой вырезаем двенадцать полосок, похожих на большие продолговатые лепестки. Эти двенадцать полосок склеиваем между собой парами. Затем шесть получившихся пар склеиваем снова друг с другом и получаем три дольки шара. Склеиваем и их. Вверху получилась дыра. Ее заклеиваем небольшой круглой заплаткой из той же папиросной бумаги.

Берем полоску шириной 10—15 сантиметров. Ею обклеиваем отверстие для дыма. Иначе шар в воздухе будет болтаться из стороны в сторону. Для полета лучше, конечно, дождаться безветренного и нежаркого дня. Когда шар будет готов и погода покажется подходящей, надо развести костер и установить над ним обыкновенное ведро, но с выбитым дном. Годится и бездонный старый бидон и любой другой предмет, который может сыграть в данном случае роль трубы, собирающей дым в одну струю.

Да, чтобы было удобнее запускать шар, приклейте в соответствующих местах шара хотя бы две, а лучше четыре, длинные бечевки. (Кончик бечевки надо распушить, разлохматить, приложить к нужному месту и прикрыть маленьким кусочком бумаги, смазанной клеем.) Шар привяжите достаточно высоко над костром так, чтобы отверстие для дыма совпадало с трубой. Когда огонь разгорится и дыма в трубе будет достаточно, быстро обрубайте веревки или отпускайте их, если просто держали в руках. Горячий воздух, который, как известно, легче холодного, поднимает шар ввысь.

Винни с замиранием сердца следил за пуском шара. Но, увы, шар набрал скорость и скрылся из вида.

— Винни, а как ты построил шалаш? — спросил папа Карло. — Может быть, что-нибудь из деталей пригодится для спуска?

Как построить рай

Винни выбрал место на толстом ветвистом дереве. Взял три толстые круглые палки и привязал их с наружной стороны в том месте, где ствол разветвлялся на три ствола. И внутри образовалась как бы маленькая комнатка. Веревки Винни взял самые что ни на есть крепкие и основательно обмотал ими палки. К этим палкам он прибил доски — получился пол. На высоте чуть меньше своего роста Винни обвязал стволы еще одной веревкой. И к этому условному потолку прикрепил обыкновенными бельевыми прищепками «потолок». «Потолок» он сшил из полиэтиленовой пленки.

Там, где куски пленки пристрачивались друг к другу, под шов подкладывался пластырь.

— Так отвяжи потолок! — крикнул ему папа Карло, выслушав, как Винни-Пух строил дом на дереве.— По веревке ты же можешь спуститься?

— Конечно, могу! — ответил Винни.— Но дом жалко...

— А себя тебе не жалко?

Через пару минут Винни приземлился.

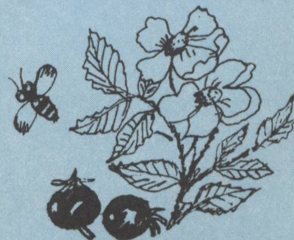
— Я вывел очень важное правило,— сказал он, отдышавшись.— Никогда нельзя строить шалаш на дереве выше той высоты, с которой ты не боишься упасть!

— Хорошо все, что хорошо продумано,— заметил Матроскин.— Конечно, летом хочется и по деревьям ползать, и на воздушном шаре полетать. Но надо же свои силы рассчитывать!

— А вот как раз для поддержания сил могу предложить специальный напиток,— подоспел Колобок.

Напиток «Крепкое здоровье»

Плоды шиповника моете, разрезаете и вычищаете семена. Деревянной ложкой давите ягоды и заливаете кипятком. На 250 г шиповника примерно три стакана воды. Кипятите смесь, протираете через сито и процеживаете. Добавьте четыре столовые ложки меда, охладите и пейте. Витаминов в этом напитке хоть отбавляй!..



Рисунки А. Вовиковой.

30 коп. Индекс 70694.

Ну что сказать вам о журнале, —
Ведь вы его не раз читали?
А может, просто так листали
И с ним тихонько засыпали.
А может, ждали продолженья
Рассказов о любви, сраженьях,
О музыкантах, о «металле»,
О том, о чем и не мечтали,
О фантастических пришельцах,
О фокусах и экстрасенсах,
О странном снежном человеке,
О жизни в двадцать первом веке,
Об очень ловких детективах
И приключениях красивых,
О яркой чьей-нибудь судьбе,
Ну и, конечно, о себе...
А вот на следующий год
Еще не то нас с вами ждет!



Хочешь получать свой журнал «Пионер» в следующем году? Если да, то сходи на почту и подпишись на него. Хоть сегодня. Не забудь захватить с собой 3 рубля 60 копеек — именно столько стоит подписка на год.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1989. № 7. 1—64.